

**Российская академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии**

**УРАЛ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ**

Издательство «АсПУр»
Екатеринбург
2014

Работа выполнена в рамках проекта «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (№ 12-П-6-1012)

Ответственный редактор
доктор исторических наук И.В. Побережников

Рецензенты:
доктор исторических наук В.П. Тимошенко
доктор исторических наук Л.Н. Мазур

Авторский коллектив:
д.и.н. Е.В. Алексеева, д.и.н. Е.Т. Артемов, д.и.н. С.В. Голикова, к.и.н. К.И. Зубков,
д.и.н. Е.Ю. Казакова-Алкаримова, д.и.н. С.А. Нефедов, д.и.н. И.В. Побережников, к.и.н. Г.Н. Шумкин

Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация / Отв. ред. д.и.н. И.В. Побережников. Екатеринбург, Издательство «АсПУр», 2014 – 172 с.

Монография посвящена теоретико-методологическим и историографическим проблемам изучения Урала в контексте российской истории. Существенное внимание уделено теоретическим и методологическим инструментам, обеспечивающим возможность вписать региональную историю в историю страны и цивилизационное пространство. Разработан интегрированный теоретический подход, базирующийся на цивилизационной парадигме, теории структуризации и центр-периферийной модели, позволяющий рассматривать уральское региональное сообщество как, с одной стороны, производное от общероссийских характеристик, а с другой, – как автономное образование, обладающее своей жизнью, имеющее свою логику развития, активно формирующее институционально-политический, социально-экономический и культурно-символический ландшафт страны. Рассмотрены теоретические аспекты функционирования ключевых факторов регионального развития, критерии периодизации региональной истории в цивилизационно-страновом контексте, особенности взаимодействия региональных, страновых и цивилизационных процессов, механизмы региональной интеграции и идентификации.

Издание рассчитано на историков, социологов, политологов, экономистов, философов, культурологов, регионоведов.

ISBN 978-5-904900-22-9

© Авторы, 2014
© ИИиА УрО РАН, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>Е.Т. Артемов</i>)	4
Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологические принципы исследования (<i>И.В. Побережников</i>)	10
Урал в евразийском геополитическом пространстве (<i>К.И. Зубков</i>)	41
История Урала в контексте трехфакторной модели исторического процесса (<i>С.А. Нефедов</i>)	67
Урал в межрегиональных экономических взаимодействиях <i>Г.Н. Шумкин</i>)	87
Формирование региональной идентичности (<i>Е.Ю. Казакова-Апкаримова, С.В. Голикова</i>)	114
Урал в истории России: своеобразие и наследие (<i>Е.В. Алексеева</i>)	144

ВВЕДЕНИЕ

В общем массиве отечественной исторической проблематики всегда существовали «непреходящие» сюжеты. Прежде всего они связаны с характеристикой взаимоотношений российского общества и государства, их позиционированием на разных этапах истории. Понятно, что это всегда некий итог предшествующего развития, возникающий под воздействием так называемого «эффекта колеи». Но поскольку ничто в истории не предопределено на 100%, исследователь прошлого обязан (в том числе для прояснения спектра исторических возможностей) дать ответы на следующие ключевые вопросы: – что есть Россия: неразделимое целое или сумма регионов, культур, этносов; – в чем заключается и чем определяется специфика ее исторического пути; – как российская история соотносится с другими вариантами мирового цивилизационного процесса.

Решение этих вопросов невозможно без реконструкции истории на региональном уровне. Между тем, традиционно региональная история ориентируется на описание всех сколь-нибудь значимых событий. Достоинство подобного подхода заключается в стремлении максимально осветить аспекты прошлого. Но имеются здесь и недостатки. Во-первых, попытки «объять необъятное» ведут к тому, что региональная история превращается в некий набор слабо связанных между собой сюжетов. Во-вторых, внимание акцентируется на региональных процессах, что затрудняет понимание того, как они вписывались в общероссийскую динамику. С учетом этих обстоятельств в нашей работе предполагается модифицировать традиционный подход. Ставится задача целенаправленного анализа прошлого для выявления места Урала в российской истории. Думается, что с учетом современных вызовов преимущество такого ракурса исследований очевидно. Он позволяет решить ключевую на наш взгляд проблему: «вписать» историю региона в общестрановой и даже мировой контекст, показать роль Урала в становлении и развитии российских государственности и общества.

Сказанное отнюдь не означает схематизма в реконструкции исторической реальности. Наиболее значимые события прошлого, специфика повседневной жизни, судьбы известных уральцев и т.п. несомненно должны находиться в центре внимания, но под определенным углом зрения. Более того, любые исторические объяснения могут строиться лишь на конкретном материале. И здесь мы сталкиваемся с тремя проблемами.

Первая проблема – это соотношение регионального, странового и глобального измерения истории. Очевидно, что между ними существует устойчивая связь. Но какая? Мы считаем, что для ее исторической реконструкции целесообразно использовать т.н. центр-периферийный подход. Сегодня он достаточно широко применяется политологами и экономистами. Думается, что полученные ими наработки применимы и в исторических проекциях. В нашем случае, этот подход, с одной стороны, позволяет рассматривать уральское региональное сообщество как нечто производное от общероссийских характеристик. С другой – как целостное образование, активно формирующее институционально-политический, социально-экономический и культурно-символический ландшафт страны.

Подтверждение сказанному можно найти на всех этапах российской истории. Взять хотя бы время становления российской цивилизации, относящееся к XV–XVII вв. Тогда, за каких-то полтора столетия небольшое полунезависимое московское государство претерпело радикальное преобразование, превратившись, по выражению Ф. Броделя и И. Валлерстайна, в евразийскую «мир-экономику» или «мир-империю»¹. Ключевую роль здесь сыграло присоединение бескрайних территорий, находившихся к востоку от его исторического ядра. Стоит только добавить, что форпостом восточного сдвига российской цивилизации являлся Урал.

Освоение необъятных пространств сказалось на социально-институциональной организации российского общества, его хозяйственной и политической жизни. Оно наложило отпечаток и на менталитет русского этноса. Его отличительными чертами часто называют слабую чувствительность к расстояниям и границам, отсутствие должного стремления к обустройству места своего проживания и т.п. Отсюда порой делаются радикальные выводы. Так известные экономгеографы А. Трейвиш и

См. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира М.: Прогресс, 1992. С. 16–17

В. Шупер утверждают: «... если бы за Уралом плескался океан, то, скорее всего, Россия уже давно была бы полноправным членом сообщества цивилизованных стран»². И эти исследователи не одиноки в своих оценках. Можно, конечно, спорить о неразумной или оправданной затрате т.н. «созидательной энергии народа» на все новые присоединения территорий. Но главное заключается в другом. Без Урала и Сибири Россия не была бы Россией. Она бы называлась как-то иначе. Может быть – «Московией».

Вторая проблема, требующая решения, – это интеграция макро- и микроистории. Нельзя ограничить исследования лишь макроуровнем (страной, регионом). Конечно, существуют магистральные тренды мирового развития. В качестве примера можно назвать колонизацию, индустриализацию, урбанизацию и т.д. Эти процессы наблюдались и наблюдаются повсюду в мире. Многие их сущностные характеристики идентичны. Но уже на уровне отдельных стран имеются важные различия. Западная Европа шла одним путем, Япония другим, Россия – третьим и т.д. Были и региональные особенности. Так, создание индустриальной базы на Урале проходило по иному сценарию, чем на Юге России. Однако страновой и региональной спецификой дело не ограничивается. Думать так – значит упрощать наши представления о прошлом. На местах в каждый конкретный исторический момент глобальные процессы могли приобретать самые разнообразные конфигурации, самые неожиданные динамики. Они вариативно воспринимались и отражались на поведении отдельных социальных слоев, этнических групп, локальных сообществ.

В качестве примера можно сослаться на социальные аспекты процесса капиталистической индустриализации. В классическом варианте она предполагает формирование класса наемных работников, живущих исключительно за счет продажи своей рабочей силы. Но в горнозаводской промышленности Урала реализовалась иная модель. Предприниматели в избытке имели такой ресурс как земля, но испытывали недостаток оборотных средств. Поэтому, вме-

² Трейвиш А. Шупер В. Теоретическая география, геополитика и будущее // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 22.

сто полноценной зарплаты они старались привязать рабочую силу к производству посредством земельного надела. Такая система хозяйствования формировала особый образ жизни работников, способствовала консервации их полукрестьянского менталитета. Этим они заметно отличались от своих собратьев, занятых на капиталистических предприятиях. Подобную специфику нельзя уловить, ограничиваясь исследованиями макропроцессов. Они могут строиться лишь на основании микроисторических реконструкций. А интеграция обоих подходов есть необходимое условие воссоздания исторической реальности как многопланового, многомерного процесса.

Третья проблема заключается в адекватной оценке роли человеческого фактора в исторической динамике. Зачастую история трактуется как объективный процесс, обусловленный действием универсальных, всевластных анонимных законов. Достаточно вспомнить известный философский постулат: «Все действительное – разумно. Все разумное – действительно». Между тем, нельзя забывать, что историческая реальность формируется конкретными людьми, наделенными разумом, свободой воли, возможностью выбора. Одни из них поддерживают новации, вторые – отстаивают устоявшиеся институты и ценности. И те и другие воспринимают глобальные процессы через призму личных и групповых интересов.

Особенно возрастает роль человеческого выбора на крутых поворотах истории. Можно привести множество примеров решающего воздействия отдельных групп на трансформацию социальных порядков. Многие особенности экономической жизни определялись конкретными личностями. В частности, трудно переоценить вклад В. де Генина и В.Н. Татищева в промышленное освоение Урала первой половины XVIII в. Целая эпоха в истории региона связана с именем В.А. Глинки, бывшим во второй трети XIX в. начальником горных заводов края. Не случайно его, согласно преданиям, именовали «царь и бог уральского хребта». И в советское время личностный фактор играл выдающуюся роль во всех сферах общественной жизни. Взять ту же академическую науку региона. Очевидно, что ее поступательное развитие во многом состоялось благодаря деятельности крупных ученых, основателей и руководителей научных школ.

В нашей работе как раз и предполагается уделить необходимое и достойное внимание как общим страновым тенденциям, проявляющимся на уровне региона, так и человеческому фактору, реконструировать реальные «расклады сил» на разных исторических этапах, показать роль и формы участия (или противодействия) различных социальных, политических, экономических групп, индивидов, в процессе исторической эволюции региона, выработки и осуществления политики его развития в различные периоды российской истории.

Учитывая вышесказанное, мы сформулировали рабочую гипотезу об изменении места и роли Урала в развитии страны. Поскольку этот процесс развивался во времени, его важнейшей характеристикой является хронологическая разметка, или периодизация. В нашем случае она строится с учетом следующих основных факторов: места региона в территориальном разделении труда, характера социально-демографических процессов, политико-правовых и административных механизмов регионального управления, принципов организации и самоорганизации локальных сообществ, специфики культурного ландшафта и идентичности населения. Опираясь на данные критерии, уже в предварительном порядке можно сделать вывод, что Урал в истории России появился как территория, безусловно, периферийная. Но по мере его освоения выходцами из центральной России он претерпевает существенные изменения и в технико-экономическом, и в социально-институциональном плане. Одновременно увеличивается его роль в развитии страны и общества, в формировании внутренней и внешней политики государства, устойчиво наблюдается постепенная утрата регионом такого качества, как периферийность, и сближение его по ряду основополагающих характеристик с цивилизационно-страновым «ядром».

Если опустить частности, то в этом процессе видны три главных этапа. *Первый* приходится на XVI–XVII века. То было время колонизации региона русскими, сначала военно-промысловой, а затем земледельческой. И как ареал начального освоения он являлся периферией формирующейся империи. Этот статус закреплялся специфическими формами регионального управления.

Второй этап – с начала XVIII и до последней четверти XIX в. – характеризуется protoиндустриализацией (созданием мануфактурной промышленности) Урала и сопутствующими ей социально-институцио-

нальными трансформациями. Одновременно продолжалась колонизация отдельных территорий края. Переплетение этих процессов определило содержание данного периода. Тогда же произошло изменение места региона в составе Российской империи. Урал приобрел качества «полупериферии», стал форпостом хозяйственного освоения территорий, расположенных восточнее. А его отношения с «центром» постепенно унифицировались в соответствии с общероссийскими образцами.

Третий этап можно условно определить как индустриальный транзит. Он охватывает последнюю четверть XIX в. и практически все XX столетие. Для России это было время перехода от традиционного аграрного общества к обществу индустриальному, современному. Одним из локомотивов данного процесса в масштабах всей России являлся уральский регион, переживший, как и вся страна, несколько волн модернизационных преобразований. В результате произошло принципиальное изменение его функций. Он прочно утвердился в составе системообразующего ядра нашей государственности, стал неотъемлемой частью так называемого «центра» российской цивилизации. Неслучайно, подхватив крылатую фразу поэта, Урал часто называют сегодня «опорным краем державы».

Конечно, предложенная периодизация схематична. Она требует верификации конкретно-историческим материалом, тщательного соотнесения с общероссийскими процессами. Тем не менее в качестве рабочей гипотезы ее использование представляется оправданным.

В заключение стоит привести слова нобелевского лауреата по экономике Д. Норта об общественной значимости истории: «История имеет значение. Она имеет значение не просто потому, что мы можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что... выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым»¹ В конце концов, практической политике постоянно приходится выбирать, опираться ли ей на фундамент исторической преемственности – или строиться на критическом переосмыслении прошлого опыта. Насколько важно сделать в этом плане разумный, взвешенный выбор читатель может судить по тому, как много уже потеряла Россия от бездумного отношения к своему прошлому, своему историческому наследию...

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 12

УРАЛ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прошлое уральского региона по меньшей мере с XVI–XVII вв. неразрывно связано с историей российской цивилизации. Складывание последней в XV–XVII вв. совпало с присоединением к Московскому государству восточных регионов – Урала, Сибири, которое имело ключевое значение для оформления цивилизационного портрета страны. В дальнейшем уральский регион развивался уже в контексте цивилизации, опираясь на цивилизационные традиции и переживая цивилизационные трансформации, что актуализирует, с одной стороны, тему регионального вклада в формирование цивилизационной сущности страны, а, с другой стороны, проблему регионального преломления цивилизационной природы страны.

При кажущейся внешней простоте постановка проблемы региональной истории в страновом или цивилизационном контексте на самом деле требует углубленного теоретического осмысления и поиска адекватных теоретико-методологических приемов анализа. Традиционная региональная история, сродни традиционной страновой истории, ориентируется на использование историко-генетического или хронологического («исторического») подхода, реконструкцию последовательности событий, процессов, выявление причин и следствий. Подобный подход имеет прочную легитимацию, обеспеченную длительной практикой его применения, однако возможности его не безграничны. В частности, не следует преувеличивать порождающую силу историзма, поскольку генезис объекта еще не дает понимания сути самого объекта. Как остроумно заметил известный русский литературовед А.П. Скафтымов, «из желудя не поймем дуба, из динамомашин и проводов не увидим электрического света, из органической химии не узнаем живых организмов, из знания нервных и мозговых процессов не получим живого душевного переживания, из условий наследственности, воспитания и среды не узнаем живого человека и его конкретности, – хотя между всем этим есть причинная связь»⁴.

⁴ Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М. 2007. С. 23

Данное рассуждение вполне применимо к историческим процессам, которые нельзя сводить лишь к временному измерению и цепочкам каузальных зависимостей. Предлагаемый нами подход, напротив, в первую очередь ориентирует на определение сути изучаемого явления (в данном случае, уральского региона в его историческом выражении), его «функции», «места», исторического и субъективного «смысла». В этой связи данный подход, в противоположность традиционному историческому, можно квалифицировать «теоретическим».

Вопросы соотношения цивилизационных, страновых, региональных, локальных динамик развития (в частности, влияние общестрановых тенденций на региональное развитие; с другой стороны, роль регионального фактора в формировании общестрановой динамики исторического развития) относятся к числу важнейших в отечественной и мировой историографии⁵. Представляется, что указанные проблемы, в частности, применительно к Уральскому региону в контексте истории России, можно решать в рамках современной цивилизационной парадигмы на основе использования структурационного подхода и модели «центр – периферия».

Цивилизационная парадигма. Обращение к цивилизационной тематике обуславливает необходимость использования цивилизационной парадигмы как теоретической рамки исследования. При этом на протяжении второй половины XX в. шел непрерывный процесс переосмысления ряда положений, составлявших теоретический фундамент классического цивилизационного подхода конца XIX – первой половины XX в.⁶ Пересмотру подверглось представление о механизмах внутренней динамики самих цивилизационных организмов⁷. Оказалось, что убедительно доказать некий универсальный для всех цивилизаций алгоритм – внутренний цикл, основанный на биологических параллелях (рождение – рост – зрелость – упадок – гибель), единые принципы внутренней динамики, практически невозможно.

⁵ См. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. – социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 163–250.

Детальный анализ эволюции цивилизационно парадигмы дан в работе: Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М., 2007.

⁷ См. Ерасов Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 220–256. Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) // Восток–Запад–Россия. М., 2002. С. 53–58.

Более правдоподобной оказалась позиция Ф. Броделя⁸, трактовавшего цивилизации как крупные исторические «длительности», которые могут то укрепляться, то ослабляться, стагнировать, «погружаться в сон», сохраняя «глубокие корни» «вопреки всем крушениям и “зимним холодам”». Фактически произошел отказ от принципа «философской одновременности», который доминировал в классической теории локальных цивилизаций. Согласно данному положению, цивилизации трактовались с позиций множественности, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению⁹. В основе цивилизационной парадигмы лежала идея социального плюрализма, своеобразия цивилизационных вариантов развития, в значительной степени изолированных друг от друга и живущих в соответствии с имманентными ритмами, не сводимыми к общемировым стандартным законам и механизмам. Сторонники классической версии настаивали на структурной и содержательной уникальности больших пространственно-временных исторических массивов, на неизменности их внутреннего опыта.

Попыткой включения горизонтальных связей в цивилизационный анализ в полной мере может служить схема развития цивилизаций, предложенная японским исследователем Ш. Ито¹⁰. По его мнению, представление об изолированном развитии цивилизаций является мифом. Напротив, настаивает ученый, многие цивилизации развивались оказывая влияние друг на друга. При этом внутренние ритмы цивилизаций подвергались трансформациям под воздействием других цивилизаций.

Соответственно, подход, который фокусировал внимание исследователей только на внутренние факторы и предлагал видение цивилизационного развития как изолированного, не приемлющего

⁸ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008; Он же. Цивилизация как длительная временная протяженность // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / сост. Б.С. Брасов. М., 1999. С. 229–230.

⁹ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993–1998. Т. 1–2; Тойнби А. Дж. Исследование истории. В 3 т. СПб., 2006.

¹⁰ Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 345–354.

внешних воздействий, явно противоречит реальности, которая демонстрирует постоянное включение внешних импульсов в обеспечение цивилизационной динамики, а также наличие целого перечня трансформаций глобального масштаба, оказавших воздействие буквально на все цивилизационно-культурные массивы.

Наконец, получили развитие представления о внутренней структуре цивилизации. Последняя оказалась сложной, включающей социокультурное ядро, которое состоит из «сверхпрочных в плане исторического воспроизводства элементов» (составными элементами ядра являются мировоззренческие принципы, образцы мышления, жизненные смыслы, интегрировавшиеся в ядро в разные периоды времени), и обволакивающую его «периферию», которую составляют либо «быстропреходящие элементы», либо региональные, этнические, сословные и другие особенности, либо поисковые, инновационные элементы, способные со временем перейти в ранг «ядерных»¹¹. Для идентификации недостаточно зрелых, неустойчивых, симбиотических, антиномических образований была сформулирована концепция «пограничной» цивилизации, получившая наиболее основательную разработку на латиноамериканском материале¹².

Своеобразие России, сложный характер исторического процесса, значимость пространственного фактора и этнокультурных взаимодействий в ее прошлом и настоящем, обусловили широкий разброс мнений по вопросу о ее цивилизационном статусе. Споры об исторических судьбах и цивилизационной специфике страны не стихают до

¹¹ См. Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность. С. 46–53.

¹² См.: Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001. Он же. Типы межцивилизационного взаимодействия в «пограничных» цивилизациях. Россия и Иberoамерика в сравнительно-исторической перспективе // История России: Теоретические проблемы. М., 2002. Вып. 1. С. 191–221; Он же. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 96–114; Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Специфика формообразования в российско-евразийской цивилизации // Цивилизации. М., 1992. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. С. 32–64; Земсков В.Б. Латинская Америка и Россия (Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях) // Там же. 2000. № 5. С. 96–103; Он же. Экспансия XVI–XVII в. Испании и Англии в Америку. Россия – в Сибирь: варианты этнокультурного взаимодействия и генезис культурно-литературных моделей Нового времени // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2006 год. М., 2007. С. 82–120.

сих пор. При этом ответы на последний вопрос можно свести к следующим позициям: 1) Россия – часть (филиал) западной цивилизации; 2) Россия – цивилизация восточного типа; 3) Россия – своего рода мост, «фильтр» между Западом и Востоком, гибрид восточной и западной цивилизации; 4) Россия – уникальная цивилизация, отличная от Европы и от Азии, от Запада и от Востока (Евразия); 5) Россия – последовательность субцивилизаций в рамках единого цивилизационного феномена; 6) Россия – не самостоятельная цивилизация, а своеобразный ансамбль цивилизаций и этнокультурных анклавов, неоднородное, сегментарное общество (недоцивилизация)¹³

Не вдаваясь в детали данной весьма острой дискуссии, отметим, что целый ряд фактов, все же, свидетельствует в пользу признания цивилизационной самостоятельности и социокультурной целостности России. Специфика последней в структурном плане, как нам кажется, может быть адекватно описана при помощи концепта «пограничной» цивилизации (считается, что подобная цивилизация характеризуется относитель-

¹³ См.: Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. С. 419–461; Кантор В.К. «... Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историческо-социологические очерки. М., 1997; Он же. Русский европеец как явление культуры. М., 2001; Он же. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008; Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М., 2007; Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М., 2003; Паранин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002; Ионов И.Н. Российская цивилизация и ее парадоксы // Там же. С. 139–150; Он же. Парадоксы российской цивилизации (По следам одной научной дискуссии) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 115–116; Семенникова Л.И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1. С. 28–45; Кобишанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии-России // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 91–99; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Новосибирск, 1997–1998; Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000; Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М. 1997; Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999; Шаловалов В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003; Флиер А. Цивилизация и субцивилизация в России // Общественные науки и современность. 1993. № 6; Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Географические процессы и проблемы. М., 2001. С. 10–11; Суворов Д.В. Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России / Автореф. дисс. канд. культурологии. Екатеринбург, 2006; Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / Отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2011

ной молодостью, социокультурной гетерогенностью, симбиотичностью, наличием двух или нескольких культурно-ценностных «ядер», возможно, антиномичностью и социокультурными дивергенциями).

В видовом отношении российский культурно-исторический массив адекватно раскрывается понятием евразийская цивилизация. Евразийская цивилизация входит в тот типологический ряд, который отмечен взаимодействием цивилизационных компонентов западного и восточного типа. Российская евразийская цивилизация формировалась постепенно, на протяжении столетий, расширяя при этом свою территорию во всех направлениях. В подобных условиях цивилизационная пограничность обуславливалась не только естественной социокультурной многоядерностью цивилизационной матрицы, но и наличием фронтальных зон, где имели место интенсивные этноцивилизационные контакты. Зоной такого цивилизационного пограничья в рамках евразийской цивилизации длительное время являлся уральский регион (включение Урала в состав российской цивилизации в XVI–XVII вв. обуславливает нижнюю хронологическую грань исследования).

Структурационная перспектива. Структурационный подход (само понятие *структурация* получило широкое признание благодаря трудам Э. Гидденса¹⁴), в рамках которого делаются попытки совместить структуралистскую и деятельностную перспективы (*structure and agency*), включает на сегодня широкий спектр социологических теорий: У. Бакли, А. Этциони, А. Турена, М. Арчер, Э. Гидденса, П. Штомпки. По мнению П. Штомпки, автора родственной структурации теории социального становления, наследие структурационного подхода можно описать посредством шести онтологических характеристик: 1) общество процессуально и постоянно подвержено изменениям; 2) изменения носят эндогенный характер и приобретают форму самотрансформации; 3) индивиды и социальные коллективы являются конечными двигателями изменений; 4) направление, цели и темпы изменений выступают результирующей конкуренции между различными деятелями (актерами) и становятся областью конфликтов и противоборства;

¹⁴ Гидденс Э. Элементы теории структурации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосиб ун-та, 1995. С. 40–70; Он же. Устроение общества: Очерки теории структурации. М., 2003; Также см. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

5) действие осуществляется в контексте данных структур, которые оно, в свою очередь, трансформирует, вследствие чего структуры выступают в качестве и условия, и результата; 6) взаимодействие между деятельностью и структурами происходит благодаря смене фаз творчества деятелей и структурной детерминации¹⁵

Структурационная теория позволяет анализировать взаимодействия между изменениями, которые локализируются на разных общественных уровнях. В основе данного подхода лежат убеждение, что общественный мир – не некое постоянное и неизменное статическое состояние, а скорее непрерывный динамический процесс; общество не существует, а формируется, происходит, при этом оно складывается скорее из событий, нежели из объектов. Социальные изменения рассматриваются как кумулятивный результат, как некая «равнодействующая» многих процессов, представляют собой слияние множественных процессов с различными векторами, частично перекрещивающимися, частично сближающимися и частично расходящимися, поддерживающими или уничтожающими друг друга. Общество, подвергающееся изменениям, не воспринимается как сущность, объект или как застывшая система, а представляет собой сеть отношений, пронизанную напряжением и гармонией, конфликтами и сплоченностью. Структурационный подход позволяет включить в орбиту внимания как субъективный, человеческий фактор (ведь люди, в конце концов, создают свое общество и историю), так и надындивидуальный, структурный, объективный контекст, который ограничивает произвол действующих в истории персонажей, устанавливает определенные рамки (структурные условия, унаследованных от прошлого), которые люди усиливают или модифицируют своими действиями и в новом виде передают своим наследникам. Представление о диалектике структур и действий (действия людей частично детерминированы прежними структурами, в то время как будущие структуры частично детерминированы нынешними действиями субъектов) позволяет объяснять взаимодействия между общественными процессами разных уровней, в том числе макро- и микропроцессами.

Центр-периферийная модель. Модель «центр – периферия», ориентирующая на выявление взаимодействий центра и регионов

¹⁵ См. Штомпка П. Указ. соч. С. 254.

различных стран, позволяет вписать историю Урала в общероссийский цивилизационный и страновой и даже в мировой исторический контекст на партнерских правах. В нашем случае в качестве *центра* может выступать собственно страна и цивилизация, воплощенные в геополитических проекциях, центральных институтах, констелляциях национальных символов, социетальных конфигурациях и т.д.

«*Периферия*» же (в данном случае Урал) выступает, *во-первых*, как производная цивилизационно-страновых характеристик (институциональных, социальных, культурно-символических; данное обстоятельство обусловлено освоенческой природой региона, на который постепенно под контролем государственного центра распространялись страновые характеристики), *во-вторых*, как автономное образование, обладающее своей жизнью, имеющее свою логику развития (что обусловлено уникальностью геополитической позиции региона, занимаемой им экологической ниши, соединения в региональном масштабе разнообразных ресурсов, факторов, своеобразием сложившихся здесь этнокультурных, социально-экономических, институционально-политических ландшафтов, в конце концов – неповторимостью исторической траектории региона), *в-третьих*, как серьезный фактор развития страны и российской цивилизации (здесь особенно следует выделить исторические роли, которые играл регион в освоении смежных территорий в различные периоды времени – например, Сибири, в XVII–XIX вв., Центральной Азии – в XVIII–XIX вв., роль Урала как регионального фактора российской модернизации XVIII–XX вв., значение региона как геополитического ресурса страны в XX в. и т.д.). Таким образом, применение центр-периферийного подхода никоим образом не принижает значения региона, но позволяет рассматривать его как участника сложной системы взаимодействий, выступающего то в роли реципиента, то в роли донора, воплощающего как общестрановые закономерности исторического развития, так и активно их формирующего.

Дальнейшая разработка темы предполагает выделение нескольких уровней анализа (тематических блоков), акцентирующих исторические связи разного уровня.

1. Геоэкономический блок. Значимость данного блока обусловлена той ролью, которую геоэкономический фактор играл в отечествен-

ной истории, постоянно оказывая сильнейшее воздействие на цели, механизмы и характер развития, определяя в ряде существенных моментов цивилизационное своеобразие страны и ее региональных составляющих. Известно, что именно интересы государственной безопасности и обороны, обновления военно-технического потенциала, обеспечения хозяйственной автаркии и технико-экономической независимости перманентно находились в центре государственных начинаний, обуславливая их форсированный, государственно-центричный характер. Данный блок предусматривает выявление геоэкономической позиции региона в цивилизационно-страновом масштабе, траектории ее эволюции, политики по модификации данной позиции. В целом геоэкономический блок позволяет разработать общую рамку и исторический фон для освещения прочих направлений исследования.

2. Институционально-политический блок. Включение данного блока обусловлено значимостью в российских условиях (освоения новых территорий, модернизации) институционально-политического фактора (организация и функционирование управленческих систем для мобилизации социальных групп, институциональных практик, технологий и ценностей ради достижения общественно значимых целей), который в целом оказал значимое организующее воздействие на формирование российской модели развития. Действие данного фактора напрямую связано с ролью государства в присоединении, освоении и развитии восточных регионов России, в том числе и Урала. В рамках данного раздела планируется освещение структурной организации взаимодействия институтов управления центрального и регионального уровня, основных направлений институциональной, административной интеграции региона в общестрановое пространство.

3. Социокультурный блок. Уникальность региона обусловлена в конечном итоге действиями людей, которые объединяются в различные этносоциальные, профессиональные, территориальные и другие группы, образуя основы этнокультурных и институционально-политических ландшафтов, обеспечивая своими усилиями исторические процессы освоения, развития, формирования региональных и локальных идентичностей. При многоплановости данного блока представляется, что акцент необходимо сделать на формирование региональных и субрегиональных сообществ, характеристику механизмов их

взаимодействий с властными структурами, механизмы самоорганизации, мобилизации, самовыражения, так важные для регионального оформления и выработки региональной идентичности.

Исторические процессы разворачиваются во времени, что требует их обязательной хронологической разметки, установления их связей с временным измерением, т.е. периодизации. Поскольку реальный исторический процесс является многофакторным, резюмирующим воздействия множества причин, периодизация также должна в идеале учитывать множество измерений. Не претендуя на всеохватность, мы полагаем, что включение в орбиту внимания таких параметров как базовые акторы освоения и развития (в частности, местные сообщества, колонисты, государство и т.д.); степень укоренения и размещения агентов освоения на осваиваемой территории; характер взаимоотношений центральных и региональных институтов управления; региональная структура, значимые полюса притяжения в региональном контексте; доминирующие способы освоения и регионального развития; менталитет – уже позволяет в первом приближении наметить контуры периодизации региональной истории в ее взаимосвязи с историей страны и цивилизации. Опираясь на концепцию центр-периферийных отношений, мы полагаем, что по мере освоения и развития региона ослабевает его «периферийность» и нарастает значимость характеристик, сближающих его с цивилизационно-страновым «ядром»¹⁶

Учитывая все вышесказанное, считаем возможным в рамках нашего исследования выделить три крупных периода в истории Урала (см. таблицу 1). *Первый этап* совпадает с эпохой становления Российского государства и российской цивилизации на базе Московского великого княжества на протяжении XV–XVII вв. В истории Урала – это период первичной колонизации, военно-промысловой в XV – начале

¹⁶ Подобный подход был обоснован в ряде публикаций: Артемов Е.Т. Урал в российской истории: диалектика «центр-периферийных» отношений // Вестник УрО РАН. 2012. № 2. С. 124–129; Он же. Урал в структуре российской государственности: проблемы исторической реконструкции // Экономическая история. Саранск, 2012. № 2 (17). С. 6–12; Он же. Урал в истории российской государственности: перспективные направления научного поиска // Российская государственность: от истоков до современности. М., 2012. С. 20–23; Побережников И.В. Урал в истории Российского государства: постановка проблемы // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 118–126; Он же. Урал в российской истории (XVI – начало XX в.) методология исследования // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 16–21

XVII в. и аграрной на протяжении XVII столетия. Технологический способ производства – аграрный; социально-институциональная организация и менталитет носят традиционный характер. В данный период происходит переход от доминирования автохтонных сообществ в XV–XVI вв., слабой дифференцированности географического рисунка расселения и хозяйства в регионе, в основном соответствующего ландшафтными рубежам, к первичной городской колонизации, становлению сети городов – новых военно-политических центров территории, большинство которых размещалось на месте старых или на месте бывших столиц Сибирского ханства, реже – на месте автохтонных поселений, установлению контроля над новым транзитным транспортным путем, который вел из-за Урала – от городов Великой Перми в районы среднего Приобья и далее в бассейн Енисея¹⁷ Создание в 1630–1690-е гг. в Зауралье мощного хлебопроизводящего района решило проблему продовольственного обеспечения как местных городов, так и части городского населения Сибири, подкрепило опорный статус региона для этой новоосвоенной страны. В то же время в данный период Урал по отношению к центру страны выступал в качестве *периферии*, зоны первичного освоения, что подчеркивалось существованием специального центрального органа регионального управления – Сибирского приказа¹⁸

Суть *второго этапа* (XVIII – 1870-е гг.) составляет так называемая *фронтирная модернизация*¹⁹, которая в технологическом плане

– Западная Сибирь. эволюция пространственных структур общества (с XV в. до настоящего времени) / Дисс. к.г.н М., 2009 С 37–69.

¹⁷ См. Семенов О.В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург: БКИ. 2006

¹⁸ Концепция фронтирной модернизации обоснована автором в ряде работ. Побережников И.В. Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтирной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. / Екатеринбург, 27–28 мая 2010 г. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2010. С. 308–310, Он же. Модель фронтирной модернизации (на примере восточных регионов России в XVIII–XIX вв.) // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты / Материалы межрегиональной научной конференции, 30 июня – 2 июля 2010 г. Новосибирск: «Параллель», 2010. С. 34–41, Он же. Особенности фронтирной модернизации (на примере Урала XVIII–XIX вв.) // Документ. Архив. История. Современность. сб. науч. тр. Вып. 11 Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 202–210; Он же. Административный фактор в рамках фронтирной модернизации Сибири (XVIII – начало XX в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. Материалы VII Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск: Нонпарель, 2011. С. 24–29, Он же. Азиатская Россия: фронтир, модернизация // Известия УрГУ 2011. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 4 (96). С. 191–203.

в основном совпадает с протоиндустриализацией (становление и развитие мануфактурной промышленности²⁰. Страновым коррелятом региональной фронтальной модернизации является имперская модернизация²¹.

На данном этапе в регионе усилиями русской администрации с опорой на местные демографические и природные ресурсы создаётся сеть металлургических заводов, начинается экономическое освоение лесостепных территорий. Социально-институциональная структура и менталитет еще в значительной степени носят традиционный характер, но постепенно они модернизируются. Происходит рационализация бюрократической организации, нарастают современные черты в сознании заводского и городского населения. Регион выступает в качестве *полупериферии* по отношению к центру. Пространство страны в целом становится все более однородным. Но некоторые проявления региональной специфики, в частности, связанные с незавершенным освоением, сохраняются. Это, например, военные черты в системе местного управления (общего и отраслевого; особенно на окраинах региона – в Оренбуржье), мощные традиционные анклавы в сельской местности.

На *третьем этапе* (1880-е – XX век) происходит вращение страны в мировую индустриальную цивилизацию, конечно, своеобразное, обладающее множеством национальных-страновых особенностей. Начинается данный этап с утверждения в стране модели современного индустриального роста, для которой характерно устойчивое превышение темпов роста производства над темпами демографического роста²². Данный этап включает несколько волн индустриализации, в частности, первую волну 1880–1910-х гг., сопровождавшуюся быстрой поляризацией экономического про-

²⁰ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008; Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург: УрО РАН, 2005.

²¹ См.: Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; Он же. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С. Ахиезера) // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 99–111; Красильщиков В.А. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994.

²² См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003.

странства, транспортным освоением региона, а также после революции и гражданской войны вторую волну уже социалистической индустриализации в 1930–1950-е гг.²³ Применительно к региону данный этап можно предварительно определить как *индустриализационный транзит*. Благодаря этим волнам в масштабах страны регион окончательно переходит в состав *ядра*, характеризующегося технологическими, институционально-социальными, ментальными параметрами современного типа, что не исключает их национально-цивилизационного и регионального своеобразия.

Таблица 1.

**Схема периодизация истории Урала
в контексте российского государства**

	XV – XVII вв.	XVIII в. – 1870-е гг.	1880-е гг. – XX в.
<i>1) Механизмы взаимодействия с Центром</i>	Использование специальных центральных органов управления с региональной компетенцией (Приказ Казанского дворца; затем – Сибирский приказ)	Постепенная унификация механизмов взаимосвязи Центра и региона, но при этом фрагментарное сохранение особых военизированных форм администрации, например в Оренбуржье до 1881 г. (военный губернатор, генерал-губернатор)	Стандартные унифицированные механизмы взаимосвязи Центра и региона

²³ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. *Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней*. М.: Наука, 2008; Гаврилов Д.В. *Горнозаводский Урал XVII–XX вв. Избранные труды*. Екатеринбург: УрО РАН, 2005.

2) <i>Местное управление</i>	На местном уровне – разнообразие форм управления и самоуправления, сохранение своеобразного локального самоуправления у проживающих на территории народов	На местном уровне – постепенная унификация системы управления, но длительное фрагментарное сохранение разнообразия форм управления и самоуправления (например, военизированное управление у Оренбургского и Уральского (Яицкого) казачества; особая военизированная кантонная система управления в Башкирии в 1798–1865 гг.)	Унификация системы управления
3) <i>Освоенность территории</i>	Процессы колонизации (заселение, аграрно-промысловое освоение)	Фрагментарные процессы колонизации (заселение, аграрная и промышленная колонизация)	Процессы освоения завершены
4) <i>Милитаризация социальной структуры и ландшафта</i>	Милитарность (фортификационные сооружения – крепости, остроги; роль в социальной структуре военно-служилого населения – служилые люди)	Фрагментарная милитарность (фортификационные сооружения; роль в социальной структуре военно-служилого населения – казачество, военно-служилые этносы (Башкиро-мещеряцкое войско))	Гражданская социальная структура
5) <i>Ментальность</i>	Традиционная ментальность	Конгломератная ментальность: доминирование традиционной ментальности; но формирование анклавов ментальности современного типа (горнозаводское население, образованное общество)	Формирование ментальности современного типа (индустриального общества)

Естественно, границы между эпохами в предложенной периодизации условны, относительны. Нередко уходящие тенденции предшествующего этапа еще длительное время сохраняются на последующем этапе. С другой стороны, обычное явление – формирование черт нового, характерного для наступающей эпохи, в недрах прежней эпохи. Это можно проиллюстрировать на примере перехода от второго к третьему периоду.

Так, несомненна роль Великих реформ 1860–1870-х гг. как фактора, ускорившего начало индустриального транзита. Институциональные перемены 1860–1870-х гг. имели большое политическое и социальное значение и способствовали постепенному переходу к капиталистической модернизации, однако их несомненное поворотное значение не следует переоценивать²⁴. Во-первых, такие институциональные ограничения, как крепостное право и принудительный труд, преодолевались усилиями людей задолго до 1861 г. А к моменту падения крепостного права, например, на Урале, по мнению историка Ф.С. Горового, удельный вес вольнонаемной рабочей силы на горных заводах и золотых промыслах составлял 40%, в том числе до 20–25% на основных заводских работах и до 80–90% на вспомогательных. Во-вторых, несмотря на тормозящее воздействие крепостного права технические инновации, открывшие дорогу промышленной революции и раннеиндустриальной модернизации, также начали внедряться в промышленность до 1861 г. (так, на Урале в конце 1830 – в 1850-е гг. начали осваиваться новые способы выделки железа – пудлингование, контуазский способ, появились и стали распространяться паровые машины и водяные турбины, началось применение т.н. эллиптических печей в доменном производстве). В-третьих, нередко активизацию культурно-просветительной деятельности в стране связывают с реформами 60–70-х гг. Это действительно так. Однако при этом необходимо помнить, что это оживление преемственно связано с предшествовавшей эпохой, когда на сцену общественной жизни вышел разночинец²⁵. В-четвертых, с одной стороны, рыночные отношения

²⁴ См. Готтрелл П. Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 106–126.

²⁵ См. Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань. Изд-во Казанского ун-та. 1974.

отвоевывали свои экономическую и социальную ниши еще до буржуазных реформ, а с другой стороны, последние не привели к моментальному и повсеместному внедрению в экономику рыночных механизмов хозяйствования. Элементы внеэкономического принуждения длительное время сохранялись после отмены крепостного права. Условия освобождения крестьян на длительное время прикрепили их к земле, вынуждая трудиться на основе полуфеодальных «отработок». То же самое можно сказать о мастеровых Урала, прикрепленных системой «отработок» к заводам. На Урале, к тому же, была сохранена практически в неприкосновенности окружная система организации горнозаводского производства, крепостническая в своей основе. Непокоренным оставалось горнозаводское землевладение – основа могущества горнозаводчиков-латифундистов. Лишь землеустройство горнозаводского населения в начале XX в. серьезно подорвало горнозаводское землевладение. «Несвобода» во всех ее проявлениях выкорчевывалась медленно, в том числе и в общественной жизни, а инерция истории в определенной степени обеспечивала континуитет исторических процессов вне зависимости от «великих» преобразований. Тем не менее, в конце XIX – начале XX в. общество и экономика несомненно менялись.

Интеграция. Значимой представляется проблема интеграции региона в страновое пространство: институционализация его взаимоотношений с центром, в конечном итоге гомогенизация пространства по меркам страны. При этом интеграция должна пониматься как многоуровневый и многоаспектный процесс, естественно не сводимый к институционально-политическому измерению, но включающий и хозяйственно-экономические, и социокультурные аспекты. Интеграция не исчерпывается моментом политического присоединения той или иной территории; напротив, данный момент служит зачастую лишь начальным рубежом длительного социointegrативного процесса.

Основы интеграции Урала в состав России были заложены русской колонизацией края в XV–XVII вв., миграционными процессами, которые резюмировались складыванием в регионе многоэтничного по составу населения, формированием единого историко-культурного ареала. Возникшие на Урале группы русского народа: горнозавод-

ские жители, оренбургские и уральские казаки, локальных отрядов крестьянства, – длительное время сохраняли местные особенности²⁶. Включение Урала в состав России осуществлялось как насильственными, так и мирными методами при общем доминировании последних, что в целом создавало благоприятные условия для межэтнических и межкультурных взаимодействий. Особенностью интеграции Урала в страновое пространство являлся интенсивный контакт народов, принадлежавших к различным языковым семьям (финно-угорской, тюркской, славянской) и конфессиональным мирам (исламскому и христианскому, в первую очередь), который с конца XVI в. осуществлялся в интервале «длительной исторической протяженности» и стал постоянным и существенным фактором истории региона, основой формирования регионообразующего межэтнического согласия, этнических и локальных самоидентификаций²⁷. Межэтнические взаимовлияния и заимствования охватывали широкий круг явлений материальной и духовной жизни народов Урала, носили обоюдный для вступающих в контакт этносов характер и способствовали взаимообогащению их культур, оптимальной адаптации народностей к условиям своеобразной природной и социокультурной среды. Ярким свидетельством межэтнических взаимосвязей стало распространение в зонах тесного этноконтакта двуязычия. В XVII–XIX вв. на Урале в результате активных контактов между народностями складывались своеобразные симбиозные этнические группы (тептяри и бобыли, кряшены, нагайбаки) и синкретические этнические культуры (например, у уральских марийцев, на основе синтеза язычества, христианства, ислама²⁸).

²⁶ Миненко Н.А. Русская этнокультурная традиция на Востоке России (XVIII – первая половина XIX века) // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Доклады Екатеринбург, 1995. С. 50–54; Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века (этнические традиции материальной культуры). Пермь, 1991

²⁷ См. Головнев А.В. Оттенки этничности на Урале // Антропология социальных перемен сб. ст. М., 2011 С. 429–444.

²⁸ См. Побережников И.В. Традиционная культура уральских марийцев второй половины XIX в. // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. / Материалы международной научной конференции г. Екатеринбург, 29 ноября – 2 декабря 1999 г. Екатеринбург, 1999 С. 238–246

Важнейшим фактором интеграции выступает развитие транспортной сети, охват территории коммуникациями, включение ее в транспортную систему страны. В этом плане на старте в конце XVI в. огромное значение для интеграции Урала имела прокладка прямой сухопутной дороги от Соликамска до верховьев Туры (Бабиновская дорога), в 7 раз сократившей путь в Сибирь, пролежавший ранее по водным артериям в северных, малодоступных районах Урала. Результатом этого стал значительный рост потока переселенцев на Урал и в Сибирь. Создание же в конце XIX в. общеуральской железнодорожной сети содействовало развитию рынка промышленного сырья и топлива, совершенствованию внутрорегиональных экономических связей²⁹

Интеграции содействовало аграрное и торгово-промышленное освоение региона. XV–XVII вв. в истории Урала – эпоха военно-промысловой и аграрной колонизации. Аграрная колонизация продолжалась и в последующие столетия: только с середины XVIII в. началось мощное земледельческое освоение Южного Урала (Оренбуржье), большие массивы свободной земли были распаханы в Башкирии, Предуралье и Зауралье во второй половине XIX – начале XX вв. Аграрное освоение региона создавало базу для обеспечения местной промышленности собственным хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. В XVIII в. в условиях незавершенной аграрной начинается интенсивная промышленная колонизация, создаётся сеть крупных металлургических заводов, поставлявших продукцию на мировой рынок.

Свидетельством успешности интеграционных процессов является то, что уже в ранний период регион начинает «работать» не только на себя, но и на соседние регионы, на страну в целом. Благодаря созданию в XVII в. в Зауралье мощного хлебопроизводящего района была решена проблема продовольственного обеспечения сибирских городов. В XVII в. приобрели всероссийское значение уральские центры солеварения и торговли, такие как Соликамск и Новое Усолье, Ирбитская слобода³⁰ Начиная с первой четверти XVIII в. горнозаводской сегмент уральской промышленности становится ведущим и стратегически значимым для всей Российской империи.

²⁹ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв. Избранные труды. Екатеринбург, 2005 С 205–214.

³⁰ Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений. М., 1957

Ярким, рельефным индикатором степени интегрированности территории в российских условиях выступала организация местного управления, схема институционализации взаимоотношений с Центром, призванная обеспечивать согласование локальных (региональных) и общегосударственных интересов. Сам по себе административно-управленческий фактор играл заметную роль в процессах присоединения и освоении восточных регионов России³¹. При этом колонизационная специфика накладывала сильнейший отпечаток на развитие административно-территориальной системы на востоке страны. «Периферийность» Урала в XVI–XVII в. подчеркивалась подчиненностью его территории, входившей тогда в состав обширной Сибири, специальным центральным органам управления с региональной компетенцией: Посольскому приказу (1580–1590-е гг.), приказу Казанского дворца (в начале XVII в.), наконец, учрежденному в 1637 г. Сибирскому приказу.

В XVIII в. административно-территориальное устройство осуществлялось в контексте проведения политики модернизации, предусматривавшей в перспективе рационализацию и унификацию системы управления, замену в конечном счете исходного многообразия административных форм внутренне усложненной моновариантной моделью, предполагавшей рост централизации и бюрократизации управления. Однако недостаточно глубокая интегрированность большинства территорий на востоке России вносила существенные коррективы в общий курс административного благоустройства. Управленческие структуры востока России длительное время сохраняли черты особенности, отличности от соответствующих структур центральных регионов России. Причем эта особенность возрастала по мере движения на восток.

Что касается Урала, то признаком «незавершенной» интегрированности, пограничности выступала заметная милитаризация региона, проявлявшаяся в размещении здесь поселенных иррегулярных формирований (Уральское, Оренбургское казачество, Башкиро-мещерякское казачье войско)³², установлении особых военизированных

³¹ Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. Сб. материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2007. Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998.

³² История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1. XVI – первая половина XIX века. Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века.

форм администрации, в частности, на юге региона (пост оренбургского генерал-губернатора был упразднен лишь в 1881 г. после того, как край утратил значение пограничного), запоздалом распространении на регион общероссийских институций. В частности, земства, как органы местного самоуправления, введенные в стране в 1864 г., появились в Вятской губернии в 1867 г., в Пермской – в 1870, в Уфимской – в 1875, а в Оренбургской – лишь в 1913 г. Столь поздние сроки организации земского общественного самоуправления в двух последних губерниях были обусловлены их нетипичностью на фоне остальных земских губерний России: наличием значительной доли инородческого населения в Уфимской и казачьего – в Оренбургской.

В контексте фронтальной модернизации. С начала XVIII в. Урал включается в общероссийские модернизационные процессы, хотя основы для их развертывания в регионе возникли в более ранний период. Огромные рудные богатства Урала создавали предпосылки для промышленного роста региона. Русская колонизация края включала как аграрное, так и торгово-промышленное освоение. Поиски руд и других полезных ископаемых активно велись с XVII в.³³

При анализе истории региона на протяжении XVIII – XIX (начала XX) в. можно опираться на модель фронтальной модернизации³⁴. Дело в том, что характер модернизации существенно зависит от пространственного измерения: особое значение при этом имеют такие параметры как размер страны, ее природно-географические условия, геополитическое положение, пространственная динамика. Специфические условия для модернизации возникали в странах фронта, которые продолжали осваиваться в современную эпоху. К их числу можно отнести и Россию. Следует подчеркнуть, что исторически формировавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах освоения регионы различались административно-управленческими, хозяй-

³³ Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М., 2005

³⁴ См. Побережников И.В. Фронтеры в контексте цивилизационного развития России // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв. пространственно-временной аспект / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, Е.Т. Артемов и др. Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2011. С. 305–330; Он же. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – Москва: Новый хронограф, 2013. С. 246–274.

ственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Представляется, что Урал, в основном включенный в состав России к XVIII вв., может рассматриваться как региональный вариант фронтальной модернизации. Для России как страны фронтальной модернизации был характерен освоенческий синдром, что выразилось в подвижности населения; дифференциации пространства страны на центр (ядро) и периферию, которые различались по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам; в наличие доступных пограничных областей, богатых ресурсами и служивших клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов; в возможности для лиц и групп, считавших себя незаслуженно обиженными, не сумевших обеспечить себе удовлетворительных условий существования, мечтавших культивировать нетрадиционные представления, переселиться в пограничные области; в потребности в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов; в проблеме адаптации и ассимиляции, возникавшей вследствие притока мигрантов на периферийные территории; в растянутости по времени колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение); в экстенсивном характере аграрной экономики; в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, в различной степени заселенности и освоенности территорий; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т.п. Колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию, ослабляя таким образом целый ряд модернизационных по своей природе процессов, таких как урбанизация, индустриализация и т.д. Освоение новых пространств как ведущий региональный процесс сближало Россию с переселенческими странами, в частности, со странами Нового света³⁵

³⁵ См. Тёрнер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М. 2009; Супоницкая И.М. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010. Она же. Опыт освоения земель Сибири и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / Материалы международной конференции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США. РГГУ (Москва). 21–22 февраля 2007 г. М., 2007. С. 134–143; Побережников И.В. Канадский и сибирский фронт: общее и особенное (XVI – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 25–30.

Земли, которые присоединялись или относительно недавно присоединенные территории, к которым, в частности, можно отнести восточные регионы России – Урал и Сибирь, продолжали осваиваться в эпоху модернизации, когда страна в целом проходила прото- и раннеиндустриальную стадии модернизации. Характерным признаком «фронтирных» территорий являлась также заметная милитаризация, проявлявшаяся в размещении здесь фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований, установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник).

Регион в диффузионных волнах. В условиях пространственного (фронтирность) и темпорального (переходные эпохи социальных трансформаций, в частности, длительный модернизационный переход) пограничья колоссальную значимость приобретает деятельность, связанная с переносом и заимствованиями технологий, организационных форм, культурных ценностей. Один из способов внедрения инноваций связан с их переносом из одних обществ, обычно более продвинутых, в другие, обыкновенно менее развитые. Данный способ получил отражение в моделях диффузии инноваций. Диффузию, то есть распространение артефактов, технологий, практик, институтов, идей, следует считать универсальным механизмом не только социального развития, но и самого существования и функционирования общества. В ее основе лежит естественная способность человека подражать, действовать по образцам. Можно, вероятно, говорить о вертикальной (диахронной, транстемпоральной, исторической – от одного момента времени к другому, от эпохи к эпохе, от поколения к поколению) и горизонтальной (пространственной, географической – от места к месту, региона к региону, от общности к общности и т.д.)³⁶.

Уже проведенные исследования свидетельствуют о значимости диффузии инноваций в контексте российских модернизаций как на

³⁶ См. Побережников И.В. Диффузия, цивилизация, модернизация: теоретические аспекты // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всероссийской научной конференции, 10–11 ноября 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 23–34

страновом³⁷, так и на региональном уровнях³⁸. Уральский материал свидетельствует против восприятия диффузии как элементарного механического процесса. В действительности инновации, если они приживались, сопровождалась адаптацией к местным условиям, переосмыслением, вызывали подъемы творчества, дальнейшего технологического развития уже в определенной степени на местной основе. Естественно, многое при этом зависело от личности, таланта местных жителей. Ярким примером мощного творческого всплеска может служить деятельность доменщика М. Орловского, благодаря которому в 1730-е гг. сложилась оригинальная школа уральских доменных мастеров, имевшая в качестве прототипа «олонецкую» школу, которая, в свою очередь, восходила корнями к «шведской»³⁹.

Участниками проекта Е.В. Алексеевой и С.А. Нефедовым осуществлена реконструкция воздействия диффузионных волн XVII–XIX вв. на развитие уральского региона⁴⁰. В качестве рабочей модели использована идея реципронной, взаимосвязанной сети узлов – инновационных центров, соединяющих множеством связей разные страны, всевозможные органы управления, производства, людей во всех их социальных и человеческих ипостасях и взаимоотношениях. На протяжении

Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007. Она же. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006. Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5–6. С. 152–183. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008: «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М., 2009; *Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*: Сб. ст. М., 2010; Роль эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург, 2014.

³⁷ Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В. Технично-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011.

³⁸ Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. С. 83. Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В. Технично-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. С. 102–117.

³⁹ Алексеева Е.В., Нефедов С.А. Россия и Урал в мировых диффузионных волнах XVII–XIX вв. (военно-технологический аспект) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 28–34.

XVII–XIX в. историки Е.В. Алексеева и С.А. Нефедов выделяют четыре основные диффузионные волны, докатившихся из Европы до Урала и вызвавшие ответный отклик на региональном и общенациональном уровнях: первая европейская диффузионная волна Нового времени была обеспечена распространением технологий доменной металлургии и улучшением качества медного литья; вторая диффузионная волна, пришедшая в Россию в конце XVII в., была обусловлена новыми достижениями в железоделательном производстве, позволившими улучшить качество металла; следующая, третья, диффузионная волна была обязана своим возникновением созданию первых точных металлообрабатывающих станков; наконец, начавшаяся в конце XVIII в. в Англии промышленная революция породила четвертую диффузионную волну, намного превосходившую диффузионные волны прошлого – промышленная революция принесла с собой целую серию фундаментальных инноваций: прядильные и ткацкие станки, паровую машину, пароходы и паровозы, точные металлообрабатывающие станки, массовое производство литой стали. Доказано, что очевидные изъяны социальной организации труда, объективные и субъективные технические сложности, ограниченный уровень понимания и решения сложных логистических и технологических задач чиновниками российского правительства привели к растянутым темпам модернизации военного производства на Урале, ее нестабильным и недостаточным – по сравнению с промышленными лидерами второй половины XIX в. – результатам. При этом оказалось, что история России в XVII–XIX вв. в значительной мере формировалась под воздействием диффузионных волн, исходивших от различных стран Европы и вызванных масштабными технологическими и военно-техническими инновациями. Промышленность уральского региона чутко реагировала на мировые инновационные тренды, заметно преобразовалась под их действием, влияя на российскую, а через нее и на мировую историю.

Региональная конгломератность как отражение российского цивилизационного своеобразия. Пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Согласно определению А. Неклессы, «Россия – погра-

ничное, фронтирное пространство, расположенное между Востоком и Западом. Это страна и люди, воспринявшие энергии восточного деспотизма и христианского персонализма (в его восточной версии), предопределявшие совершенно уникальное положение личности. В значительной мере именно пограничность, «сшибка» мощных культурных ориентаций источник перманентно повторяющихся в обществе дисбалансов, дисгармоний»⁴¹. Региональные пограничья – характерная особенность российской цивилизации: к их числу длительное время относился и Урал. Естественным следствием пограничности региона, продолжения на его территории освоенческих процессов, межэтнической миксации становилась конгломератность, т.е. длительное сосуществованием и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений (согласно концепции А.Д. Богатурова и А.В. Виноградова, данные пласты образуют внутри общества анклав, эффективная организованность которых дает им возможность выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата)⁴². Множества социально-сословных, этноконфессиональных, профессиональных групп создавали конгломератный ландшафт уральского региона.

Конгломератность была существенно усилена в ходе модернизации, импульсы которой Урал, как регион, ощутил с начала XVIII в., времени активной промышленной колонизации края. Протоиндустриальная модернизация XVIII в. сопровождалась интенсивной диффузией западноевропейского опыта – технологического и организационного, даже буквальным переселением на Урал приглашавшихся для работы иноземных специалистов⁴³. Очаговый характер модернизации резюмировался созданием промышленных анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией⁴⁴. Даже в конце XIX в. хотя уральская горная промышленность и захватывала Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую и отчасти Вятскую и Вологодскую губернии, но в наибольшей степени она

⁴¹ Неклеса А. Модернизация и инновации в постсовременном мире // Интеллектуальная Россия // http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/6804-borba-za-budushhee.html

⁴² Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт трансформационной теории // Восток-Запад-Россия. М., 2002. С. 109–128.

⁴³ Алексеева Е.В. Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 46–54.

⁴⁴ Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века) М., 2000.

была развита в Пермской губернии (составлявшей центр «горнозаводства» на Урале), в меньшей – в Уфимской и Оренбургской.

Более того, анклавность составляла суть самой модернизации, поскольку в ее процессе широко применялись традиционные институты и социальные технологии – в частности, внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами. Успехи уральской металлургии на протоиндустриальной стадии развития во многом достигались за счет привлечения принудительного труда мастеровых и работных людей в основном производстве и приписных крестьян на вспомогательных работах. В первой половине XIX в. была упрочена и консолидирована окружная организация горнозаводской промышленности, построенная на крепостной основе; горнозаводское производство наделялось монопольными правами, а вся система ставилась под военно-административный контроль и государственную опеку.

Формирование региональной идентичности. Под региональной (территориальной) идентичностью, отличной от идентичности этнической, понимается «солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом». Данный вариант идентичности находит выражение в причислении себя к жителям определенной местности, региона, района, города, его части и т. д. Идентичность обладает мощным потенциалом сплачивания людей в устойчивые группы, объединенные общими системами ценностей, схожей реакцией на социальные процессы, единой волей к социальному действию, она может выступать основой для мобилизации общественных сил как созидательных, так и разрушительных⁴⁵.

На первый взгляд формирование региональной идентичности слабо связано с тематизацией региональной истории в страновом и цивилизационном контексте и скорее выступает индикатором региональной самоизоляции, герметизации, «окукливания». На

⁴⁵ См. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях – материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля, Рос. ассоциация междунар. исследований М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2. Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И.М. Бусыгиной. С. 84, 87.

самом деле это не так. Региональная идентичность формируется как следствие далеко зашедших процессов территориальной интеграции, резюмирующихся региональной специализацией, профилизацией. Сама региональная идентификация осуществляется различными способами и предполагает как объективный фундамент, так и субъективное осознание. Формирование регионально-го самосознания – кульминация в развитии региональной идентичности, означающая трансформацию исторического пространства, заданного «извне», то есть сконструированного наблюдающим независимо от представлений исторических акторов, в пространство, сконструированное самими участниками социального взаимодействия, наделенное ими особыми смыслами, выраженными посредством символического универсума системы культуры (социальных мифов об особых качествах местообитания, мистических компонентов традиции, примет «малой родины», дизайна места обитания), поддерживаемыми коллективной памятью, сложившимися ценностями и нормами, сконструированными самообразами, созданными специфическими чертами быта (одежды, диеты, словаря и т. п.).

При этом сильное субъективное осознание региональной идентичности характерно прежде всего так называемым «вернакулярным» районам (т.е. «обыденный, идущий как бы снизу, не связанный с научной или художественной рефлексией, а рожденный словно по наитию, интуитивно»)⁴⁶, обычно не слишком большим по размерам (например, Мещера, Полесье, Поморье).

Для «больших» регионов, к числу которых относится и Урал, региональная идентичность скорее обеспечивается формированием некоей территориальной общности под воздействием длительного совместного проживания людей на определенной территории. Если воспользоваться терминологией этнологов, такую идентичность можно трактовать как «примордиалистскую»⁴⁷. На Урале очевидно складывается

⁴⁶ Там же. С. 104

⁴⁷ Л.В. Смирнягин приводит показательный пример из книги Патриции Лимерик по истории американского Запада, которую она назвала «Something in the soil» («Что-то особенное в самой почве»). Рефреном в данной книге проходит мысль о том, что сама природная среда и новейшая культурная история американского Запада заставляли меняться в строго заданном направлении (Limerick P. Something in the soil: legacies and reckonings in the New West. N.Y., L. W.W.Norton, 2001). См. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности. С. 92.

территориальная общность людей с самобытной системой ценностей, весьма целостная общественная структура, располагающая особой системой ценностей, широким спектром как хозяйственных отраслей, так и социальных ролей. Данный процесс был ускорен довольно ранним (уже в XVIII в.) формированием профиля региона как горнозаводского.

В этой связи представляется перспективной идея о смене исторических форм пространства, теоретически обоснованная участником проекта исследователем К.И. Зубковым, который установил, что в целом история Урала в составе Российского государства (XVI–XX вв.) вписывается в эволюционный порядок развития социального пространства, который сводится к превращению колонизируемого пространства сначала в территорию, а затем территории – в регион⁴⁸. Пространство в контексте этой типологии – это не только физическая протяженность, но и заполняющая каждый ее фрагмент среда, созданная силами природы и предшествующей социальной деятельности. «Пространство-среда» еще не имеет четких границ – как не имеет фиксированных границ свободное течение природных процессов (применительно к истории Урала это период XV–XVI вв.). Территория – это пространство, начинающее обретать границы. На «пустых» колонизируемых пространствах свойство граничности, по мнению К.И. Зубкова, скорее, возникает не в связи с политическими притязаниями, а в соответствии с эмпирически устанавливающимися границами деятельности – тогда, когда освоитель начинает соизмерять пространственный горизонт своих инструментальных возможностей с полнотой присвоения тех или иных полезных свойств «пространства-среды» (конец XVI – начало XVIII вв.). Превращение территории в регион происходит на следующем этапе освоения, когда системное давление извне, а отчасти и ход эволюции самой территории, стимулируют возникновение в ее пределах более сложной производственной функции, которая требует уже не простого присвоения ресурса, но и соединения различных природно-материальных, социальных, технологических и культурных факторов с целью производства определенного продукта.

⁴⁸ Зубков К.И. Урал в составе российского государства XVI–XVIII вв. от пространства к региону // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всероссийской научной конференции. 17–18 июня 2013 г. РАН, УрО РАН, ИИиА, ИФиП Екатеринбург АМБ, 2013. С. 161–169.

Системная организация разнообразных факторов производства и порождаемые ею эффекты регулярных социальных взаимодействий, в сущности, и выступают важнейшим критерием региональности как качественно нового (по сравнению с территориальностью) этапа эволюции пространства. Урал петровской эпохи, как полагает К.И. Зубков, – это уже быстро формирующийся регион, в основе генезиса которого лежала усложняющаяся территориальная организация производственной функции, потребовавшая и создания особых систем управления.

Существенное влияние на процесс региональной идентификации Урала оказало складывание здесь параллельно становлению уральской крупной горнометаллургической промышленности в XVIII в. системы местной горной администрации (Уральское горное управление)⁴⁹. Сфера компетенции Уральского горного управления охватывала предприятия, расположенные в Сибирской, Казанской, Оренбургской губерниях. На протяжении второй и третьей четверти XVIII в. оно еще не было чисто уральским учреждением. Ему подчинялись горнометаллургические хозяйства Западной и даже Восточной Сибири. Надрегиональный характер института отразился в его наименованиях (например, «канцелярии Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов»). Тем не менее, уже в данный период создание территориально-отраслевой системы управления с центром в Екатеринбурге способствовало ускорению региональной консолидации Урала; обозначился и центр ее – Екатеринбург, замкнувший центростремительные силы, стягивающие Средний и Южный Урал, Приуралье и Зауралье. Функционирование региональной системы управления горнозаводской промышленности ускорило выделение уже в XVIII в. Уральского горнопромышленного региона, окончательно приобретшего самостоятельный административно-территориальный облик во второй половине XIX в.⁵⁰

Индикатором динамики регионоформирования служит и выделение определенной территории в качестве сложившегося региона в схемах районирования, которые предпринимались учеными-современ-

⁴⁹ Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX в.. Уральское горное управление / Отв. ред. И.В. Побережников. М., 2008.

⁵⁰ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. М., 2004. С. 319–357

никами. Так, уже в 1818–1819 гг. известный географ, историк, экономист К.И. Арсеньев в своем основном труде «Начертание статистики Российского государства» идентифицировал как особый регион – «Уральское пространство»⁵¹. Существенный вклад в развитие отечественной экономической географии внес великий русский ученый Д.И. Менделеев. Выделенная Менделеевым Восточная область включала Вятскую, Казанскую, Уфимскую, Оренбургскую, Пермскую и Самарскую губернии. Перспективу экономического развития Восточной области Д.И. Менделеев связывал с удачным сочетанием в ней богатых сырьевых запасов с удобной системой коммуникаций (Волга и Кама)⁵².

Впрочем, Уралу повезло и с рефлексивной региональной идентификацией, той самой, которая обретается путем исследования литературных и визуальных источников самого широкого спектра – путеводителей, записок путешественников; сугубо научных работ по фольклору, диалектам, этнографии, истории; художественной литературы; разумеется, и вообще произведений искусства. С художественным освоением Урала в русскую культуру вошла новая модель геопространства, доминирующим началом которой стала неистощимая глубина земли (П.П. Бажов, Алексей Иванов, Ольга Славникова и др.).

Предложенный нами подход, базирующийся на взаимодополняющих друг друга теоретических перспективах – цивилизационной парадигме, теории структуризации, центр-периферийной модели, модели фронтальной модернизации, модели диффузии инноваций, позволяет проанализировать историю уральского региона в тесной взаимосвязи с историей российской цивилизации, рассмотреть вклад региона в становление и развитие цивилизации, выявить механизмы взаимодействий между центром и регионом, трансформации позиции региона в страновой структуре. Разработка указанных вопросов позволяет органично вписать историю Урала в контекст российского общественного развития XVI–XX вв., определить и значимость региона для страны и цивилизационно-страновую «ответственность» за особенности регионального развития. На основе таких параметров как базовые ак-

Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818. Ч. 1. С. 19, 22–26; 1819. Ч. 2. С. 157–208.

⁵² Основы фабрично-заводской промышленности. Топливо // Менделеев Д.И. С думою о благе российском. Избранные экономические произведения. Новосибирск, 1991. С. 42–43.

торы освоения и развития, степень укоренения и размещения агентов освоения на осваиваемой территории, характер взаимоотношений центральных и региональных институтов управления, региональная структура, доминирующие способы освоения и регионального развития, менталитет была разработана схема периодизации истории Урала, включающая эпохи колонизации XV–XVII вв., фронтальной модернизации XVIII в. – XIX вв., индустриализационного транзита XX в. По мнению автора, на протяжении указанных эпох наблюдался процесс сложной трансформации уральского региона в цивилизационном контексте, включавший постепенную эрозию периферийных черт и усвоение качеств странового ядра.

Урал, составляя длительное время своеобразное пограничье российской цивилизации, воплощал в полной мере черты, в целом ей присущие. Географическое положение Урала благоприятствовало широким этнокультурным контактам на его территории. Многоэтничный состав населения Урала способствовал этноцивилизационным взаимодействиям, которые обогащали культуры вступавших в контакт народов, служили дополнительным фактором адаптации их к условиям окружающей среды. В результате активных контактов между народностями на Урале сложились своеобразные симбиозные этнические группы и синкретические этнические культуры. Особенностью края была своего рода фронтальность, большая подвижность населения, сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особая роль военного элемента. Включение еще недостаточно освоенного региона в модернизационные процессы способствовало усилению его гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливому переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры. В то же время, по принципу обратной связи, Урал выступал как региональный фактор российской истории, упрочивая страновое своеобразие, которое выражалось, в частности, в цивилизационной пограничности и продолжавшемся освоении территории.

УРАЛ В ЕВРАЗИЙСКОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

При всей ясной выраженности своих природно-географических характеристик – как древней, сильно разрушенной горной страны, разделяющей по меридиану две величайших равнины Евразии – Восточно-Европейскую и Западно-Сибирскую, Урал, тем не менее, может быть отнесен к регионам, которые были в большей мере сформированы силами и обстоятельствами истории, чем географии. Соответственно, роль таких регионов в истории определялась не столько постоянством их географических свойств, сколько эволюционирующей, пластично изменяющейся семантикой их связей с окружающими территориальными ансамблями. Возможно, именно поэтому попытки определить границы Уральского региона никогда не находили твердой опоры в фактах одной только географии и неизбежно должны были учитывать более широкие пространственные проекции, определяемые силой экономических и культурных влияний Урала на сопредельные территории. Симптоматично, что в 1923 г., в разгар кампании по районированию Советской России, уральских руководителей больше всего беспокоило именно то, что вместо проектируемой ими мощной области они могли получить на выходе одну «только географическую карту Урала» – узкую, вытянутую по линии горного хребта цепь стареющих металлургических заводов, слабо связанных меридиональными железными дорогами.⁵¹

Эти особенности позиционирования Урала в структуре формирующейся государственной территории России находили весьма противоречивое отражение в русской историографии. Урал допетровской эпохи едва ли рассматривался большинством крупнейших русских историков как самостоятельная региональная величина: он еще всецело отождествляется с узкой линией горного хребта, отделяющего Европейскую Россию от Сибири. При этом, однако, историки не обошли вниманием те особенности Уральской горной страны, которые если не устраняли вообще этот разделительный момент, то,

⁵¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2352. Л. 55.

по крайней мере, существенно не препятствовали геополитической связности российских территорий. Об относительной легкости и незаметности для русских людей решающего, состоявшегося при Иване IV перехода через Уральские горы – «по их незначительной высоте» и близости истоков рек камской и сибирской систем – уверенно говорил С.М. Соловьев.⁵⁴ Об условности и проницаемости проходящей по Уралу границы между Европой и Азией как важном факторе, обусловившем взаимопроникновение европейских и азиатских начал в истории России, упоминал В.О. Ключевский.⁵⁵ Региональные контуры Урала – уже не только как географического рубежа, но и как обширной и довольно однородной соединительной платформы между Европейской и Азиатской Россией, – намечало наблюдение В.И. Ламанского, который подчеркивал: «Между восточными и южными окраинами Европейской России и западными и северо-западными окраинами русской Азии ... не существует никаких строгих и резких различий и противоположностей ни в географическом, ни в этнологическом, ни в историко-культурном отношении».⁵⁶ М.К. Любавский, рассматривая процесс русской колонизации Урала и Сибири, приходил к важному выводу о том, что со времени образования строгановской «вотчины» в южном Прикамье (1558 г.) можно говорить уже о зарождении на Урале относительно самостоятельного центра русской исторической жизни – не только хозяйственно полнокровного и давшего начало русской горной промышленности (в виде соляных промыслов), но и способного на историческую инициативу. Решающий акт присоединения Сибири историк вполне оправданно объяснял не столько усилиями далекой московской власти, сколько возникновением в Прикамье важного плацдарма и самой идеи завоевания Сибири: «Дальнейшая инициатива в деле покорения Сибирского царства и утверждения в нем русских людей вышла уже не из центра, а с северо-восточной окраины Московского государства, из новозаселившейся Пермской земли».⁵⁷ Действительно, удовлетворенные правительством в 1574 г. притяза-

⁵⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. С. 69

⁵⁵ См. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. М., 1987. С. 63, 65

⁵⁶ Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 190–191.

⁵⁷ Любавский М.К. Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 439.

ния Строгановых на соседние с Прикамьем сибирские земли создают впечатление осознанной «достройки» ими своего предприятия в виде чего-то, похожего на устойчивый регионально-хозяйственный комплекс. Уже поэтому, с точки зрения последствий для процесса регионообразования, между новгородскими, а затем и московскими походами в северо-западную Сибирь в XIV–XV вв., в лучшем случае связанными с Уралом лишь разведками удобных межгорных проходов, и исторической обстановкой, делавшей поход Ермака в Сибирь естественным продолжением широкой русской колонизации Приуралья, пролегает огромная качественная дистанция.

Но, пожалуй, с наибольшей полнотой высказанные русской историографией взгляды на место и роль Урала в истории России были обобщены и развиты в исторической концепции евразийцев. Согласно П.Н. Савицкому, в географической структуре «русского мира» Урал никогда – по крайней мере, в последние несколько веков его истории – не играл той «определяющей и разделяющей роли», которая ему приписывалась географической наукой и, соответственно, не нарушал непрерывного единства «России-Евразии». Благодаря своим орографическим и геологическим особенностям, подчеркивал Савицкий, Урал не только не разъединяет, а, наоборот, теснейшим образом связывает «Доуральскую и Зауральскую Россию», образуя их своеобразное «шарнирное» сочленение. Это проявляется не только географически – в том, что меридиональная цепь Урала нигде не нарушает «флагоподобного», широтного чередования почвенно-ботанических и климатических зон Евразии, но и исторически. Задолго до Ермака – со времен существования Джучиева улуса – Уральский хребет, фактически, перестал быть и сколько-нибудь существенным геополитическим рубежом. Даже при весьма примитивных средствах передвижения через него в обоих направлениях осуществлялась интенсивная и вполне беспрепятственная циркуляция геополитических влияний (походы московских ратей в Югорскую землю, активная вовлеченность зауральских ханов в русско-ордынские отношения и в борьбу с Москвой за влияние в Казанском ханстве, набеги вогулов и сибирских татар на русские владения в Перми Великой, строганов-

ском Прикамье и Башкирии и т.п.).⁵⁸ Замечательные черты сходства обнаруживала и тактика распространения русской власти по обе стороны Урала с помощью связных линий крепостей, опирающихся на реки: артерия Волги с Казанским и Астраханским кремлем почти зеркально воспроизводит артерию Туры и Тобола с кремлями Верхотурья и Тобольска.⁵⁹

Последнее обстоятельство, кстати, наглядно показывает, что русская колонизация сталкивалась с гораздо большими препятствиями и жертвами в преодолении границы между лесом и степью, чем горной преграды Урала («Земного пояса» средневековых географов). Напряженный ритм колонизации, определявшийся этапами освоения широтных полос, стабилизируемых укрепленными линиями, и ощущавшийся еще и в XIX в., резко контрастирует со стремительным броском Русского государства за Урал и выходом к Тихому океану уже к середине XVII в. Неизбежные длительные остановки в движении русской колонизации с севера на юг в какой-то степени объясняют, почему для составителей «Книги Большому чертежу» (конец XVI – начало XVII вв.) еще было вполне чуждым восприятие Урала как единой горной страны. Наиболее высокий – северный – отрезок Уральского хребта, собственно и получивший название «Камня», еще никак не связывался ими с южными «Аралтовыми горами» (Уралтау), а сглаженная, часто вообще не замечаемая съемщиками средняя часть Урала едва ли вообще рассматривалась как непрерывная горная цепь.⁶⁰

Ранние представления русских людей об Урале в целом обнаруживают причудливое переплетение реальной и имажинативной (воображаемой) географии, отражений непосредственного, непрерывно пополняемого землепроходческого опыта и нарративной традиции. Несомненно, что помещаемые «Румянцевским летописцем» между Московским государством и «Сибирской страной» «камень и горы превысокия зело, яко инем холмом до облак небесных досязати».⁶¹

⁵⁸ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 279, 300, 311.

⁵⁹ Там же. С. 316.

⁶⁰ Магидович И.П., Магидович В.И. История открытия и исследования Европы. М., 1970. С. 212–213.

⁶¹ Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 32.

– это вставной образ, имеющий отношение не к условиям похода Ермака, но к более раннему этапу проникновения русских людей в Сибирь через Полярный и Северный Урал, в первую очередь, к реалиям московского похода в Югорскую землю 1499 г., в ходе которого перед русскими ратниками, действительно, предстали необычайно высокие горы («...а Камени в облаках не видити, а коли ветрено, ино облака раздирает»).⁶² В более полном прототипе «Румянцевского летописца», «Есиповской летописи», эта характеристика Урала дополняется еще более архаичной вставкой «... так бо Божиими судьбами устроись, яко стена граду утвержена»,⁶³ которая отсылает нас к представлениям средневековой географии об Урале как крае Ойкумены, северной оконечности непреодолимой горной стены, отделяющей народы цивилизованного круга от народов «нечистых», отверженных Богом и запертых до Судного дня (Гог и Магог христианской космографии, Яджудж и Маджудж мусульманских географов). Печать этих мифических представлений, отличавшихся поразительной живучестью и нормативной силой, несут и первые дошедшие до нас летописные известия о выходе русских к Уралу – упоминание о походе новгородцев под предводительством Улеба (Ульфа Рагнвальдссона) к «Железным вратам» (1032)⁶⁴ и рассказ Гюряты Роговича о походе новгородцев в Югру (1096).⁶⁵ Вместе с тем, сведения о более южных подступах к Уралу, пролежавших через территорию Волжской Булгарии и башкирские земли, – начиная от сочинения аль-Истахри – ибн-Хаукаля⁶⁶ и заканчивая описаниями путешествий Рубрука и Плано Карпини⁶⁷ – отмечены полным отсутствием всяких упоминаний о какой-либо горной преграде, запирающей путь на восток. Точно так же, рассказ «Есиповской летописи» о походе Ермака в Сибирь, подробно описывающий маршрут его движения по рекам («Идоша же в Сибирь Чю-

⁶² Цит. по: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1 М., Л., 1937 С. 204

⁶³ Там же. С. 44.

⁶⁴ Полное собрание русских летописей Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004. С. 52.

⁶⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л. 1989. С. 93.

⁶⁶ См., напр. The Oriental Geography of Ebn Haukal, an Arabian traveller of the Tenth Century / Transl. by W. Ouseley L. 1800 P 192.

⁶⁷ Плано Карпини Дж. дель. История монгалов. Г де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997 С 51–52, 108–109.

совою рекою и приидоша на реку Тагил, и плыша Тагилом и Турою, и доплыша до реки Тавды»), совершенно умалчивает о прохождении им Уральских гор.⁶⁸ Эти соответствующие духу средневекового мышления, фрагментированные, отмеченные узостью непосредственных впечатлений и перегруженные умозрительными конструкциями, представления о восточной оконечности Европы в известной степени объясняют, почему целостное географическое видение Урала как протяженной горной системы – и тем более как особенной области – не могло возникнуть ранее рубежа XVII–XVIII в. Одним из первых свидетельств такого расширения географического кругозора можно считать содержащееся в «Описании Сибири» (по списку Императорской публичной библиотеки) (конец XVII – начало XVIII вв.) и не лишённое показного эрудитства упоминание о проходе Ермака «степью» (!) до «каменя Верхотурскаго», который «лежит от моря-океяна поясом до моря Хвалинского высок и широк зело...».⁶⁹

В общем соответствии с эволюцией географических представлений об Урале происходили изменения его места и роли в формирующемся историческом пространстве России. Приведенное в начальной части «Есиповской летописи» восторженное описание девственных лесов Урала, сбегających с его склонов многочисленных рек, поражающего воображение разнообразия животного и растительного мира⁷⁰ – это характерная, имеющая поразительно схожие аналоги в описаниях Нового Света модель восприятия вновь колонизируемого, сказочно богатого и предназначенного для освоения «пространства-среды», находящегося едва ли не на краю известного мира. Это пространство при всем своем впечатляющем богатстве на данном этапе еще воспринимается как «пустое». Так, дарованные Строгановым в 1558 г. прикамские «места пустые» объявлялись таковыми именно потому, что «... прежд деи сего на том месте пашни не пахиваны и дворы деи не ставвали, и в мою деи цареву и великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала, и ныне не отданы никому, и в писцовых де книгах и в купчих и в правожных то место не написано ни у

⁶⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. С. 51

⁶⁹ Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: «Александрия», 2008. С. 369

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 36. С. 44

кого».⁷¹ «Пространство-среда» еще не имеет четких границ – как не имеет фиксированных границ свободное течение природных процессов. Характерно, что в той же жалованной грамоте 1558 г. границы будущей строгановской «вотчины» вовсе не фиксировались – указывались лишь, с опорой на речные ориентиры, векторы хозяйственной экспансии.⁷²

На следующем историческом этапе происходит превращение «пространства-среды» в территорию, что связано, прежде всего, с определением границ и установлением институтов контроля над пространством. На «пустых» колонизируемых пространствах свойство граничности возникает не столько в связи с какими-либо заранее определенными политическими притязаниями, сколько в соответствии с эмпирически устанавливающимися границами деятельности – тогда, когда освоитель начинает соизмерять пространственный горизонт своих инструментальных возможностей с полнотой присвоения тех или иных полезных свойств «пространства-среды». В этом случае первичными регуляторами, организующими территорию и устанавливающими ее границы, становятся не столько средства политического контроля, сколько значимые для хозяйственной деятельности и расселения критерии близости или удаленности.

Границы территории приблизительны и условны настолько, насколько они обусловлены избирательностью и узостью ее первоначального использования, сведены к ограниченному числу социальных измерений. На этой стадии эволюции потенциал «пространства-среды» еще неизмеримо богаче и разнообразнее, чем уже определившиеся функциональные векторы развития территориальности, и непрерывно совершаемое перемещение ресурсов из «среды» в сферу функциональности, по-видимому, и составляет процесс становления и бытия территории. По существу, территория может рассматриваться как объект ограниченной ресурсной эксплуатации пространства, чаще всего – простой, или первичной, апроприации его природных богатств. Освоение на этом этапе часто сводится к оптимизации какой-то одной или от силы двух-трех полезных функций. По этому

Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 332

⁷² Там же. С. 333

признаку, более или менее определившейся территорией, несомненно, можно считать Сибирь конца XVI – начале XVIII вв. То, что ее освоение, как и управление ее огромной территорией, протянувшейся от Волги до Тихого океана, было подчинено практически одной функции – организации добычи пушнины и регулярного поступления в казну ясака, проницательно замечал еще Г.К. Котошихин.⁷³ Для этой цели, в сущности, поддерживалась в Сибири и вся опорная сеть ее городов и острогов с военно-служилым населением. Все остальные хозяйственные и административные функции носили подсобный, а потому неразвитый характер. Это в известной степени объясняет, почему на фоне уже довольно далеко зашедшей (хотя и формирующейся *ad hoc*) дифференциации управления дворцовым, а затем и государственным хозяйством Сибирь управлялась территориальными приказами (Казанского дворца, а затем Сибирским) – то есть, по существу, как отрасль, а не как сложившаяся и богатая разносторонним хозяйственным бытом часть государства. Необъятности и подвижности тогдашних границ Сибири соответствовала слабая упорядоченность ее внутреннего административного устройства, о чем можно судить по частым для первой половины XVII в. столкновениям административной юрисдикции сибирских городов по поводу контроля над территориями ясачных сборов.⁷⁴

В эту эпоху Урал, по существу, еще не вычленяется из состава громадной территории Сибири, подчиняясь общим с ней процессам промысловой и аграрной колонизации. Исключением из этого тренда становятся постепенно усиливающие свое значение факторы, протекающие, в конечном счете, из особенностей природно-географической среды Урала. Во-первых, это особая роль уральских территорий в реализации очень выразительной, хотя и исключительно вспомогательной, функции обеспечения русско-сибирского транзита. Хотя в представлениях того времени Урал не наделялся безусловными атрибутами границы между Россией и колонизируемой территорией Сибири и воспринимался скорее как внутренний сегмент последней, именно

⁷³ Московия и Европа / Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я Стрейс. Царь Алексей Михайлович. М., 2000. С. 84.

⁷⁴ Андриевич В.К. История Сибири. Ч. I. Период с древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. СПб., 1889. С. 116–117.

он, по естественным условиям местности (крупный водораздел между Волжско-Камским и Обь-Иртышским бассейнами) и в силу широкого использования в процессе колонизации естественных путей сообщения (речные системы), оказался предназначен к тому, чтобы здесь, на волоковых путях, локализовались основные пункты контроля над путями перемещения товаров и людей между Россией и Сибирью. Часть городков, оседлавших верховья ведущих в Сибирь рек (Лозьвинский, Верх-Тагильский), были вскоре упразднены, и весь поток товаров и людей, следующих в Сибирь, был стянут к верховьям Туры, где в 1598 г. был основан Верхотурский острог.⁷⁵ Если Сибирь можно было уподобить огромному мешку с пушными сокровищами, то учрежденная в 1600 г. Верхотурская таможня, несомненно, являлась сужающейся горловиной этого мешка, образующей таможенную границу между Россией и Сибирью. Во-вторых, не менее важным моментом «прерывности» в общем колонизационном тренде стало начавшиеся уже в первые десятилетия XVII в. поиск и разработка рудных богатств Урала, создание здесь первых металлургических производств, определивших поворот в господствующей модели освоения. Как отмечают Е.А. Курлаев и И.Л. Манькова, успехи в открытии залежей железных руд, меди и других полезных ископаемых на Урале оказались во многом связаны с процессами «возвратной» колонизации и укреплением населения на притоках Туры, то есть в известном отрыве от магистрального, следующего течением рек потока сибирской колонизации и, в каком-то смысле, вопреки ему.⁷⁶ Вышеупомянутые факторы, несомненно, формировали «завязки» новых процессов и отношений, усиливая дифференциацию колонизируемых территорий Сибири и вычленив из их массива уже территорию собственно уральскую.

Согласно логике усложнения социально-пространственных форм, превращение территории в регион происходит на следующем этапе освоения, когда системное давление извне, а отчасти и ход эволюции самой территории, стимулируют возникновение в ее пределах более сложной производственной функции, которая требует уже не простого присвоения ресурса, но и соединения различных природно-

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 36. С. 140–141

Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М., 2005. С. 51–52

материальных, социальных, технологических и культурных факторов с целью фабрикации определенного продукта. Эта «сборка» становится зародышем внутреннего системного строения, которое, прогрессируя, и превращает территорию в регион. Системная организация разнообразных факторов производства и порождаемые ею эффекты регулярных социальных взаимодействий, в сущности, и выступают важнейшим критерием региональности как качественно нового (по сравнению с территориальностью) этапа эволюции пространства. Благодаря устойчивости образующих его системных связей, регион как бы «кристаллизует» подвижный ареал территории, стабилизирует его множасьими функциональными проекциями.

Применительно к Уралу, действие этой закономерности было отмечено, однако, существенными видоизменениями ее логического порядка. В истории Урала отчетливое возникновение свойств региональности – по крайней мере, на части его территории – относится к довольно раннему времени, когда Урал еще собственно не выделился из состава колонизуемых сибирских территорий. Как отмечено нами выше, признаки складывания сложного многоотраслевого регионального хозяйства уже во второй половине XVI в. отчетливо обнаруживаются в политике Строгановых, стремившихся распространить свои иммунитетные права по обе стороны Уральского хребта, в том числе на соседние с Прикамьем сибирские земли. Эта предполагаемая ими «достройка» своей «вотчины» (тогда еще в реальности – кортомного, по сути, посессионного владения) за счет зауральских земель была попыткой не только расширить владения и сформировать защитный гласис против враждебных нападений из-за Урала, но и существенно диверсифицировать структуру своего базировавшегося на соляных промыслах хозяйства доступом к добыче пушнины и разработке горных богатств (включая добычу руд и выплавку металлов). Такой опережающий общий темп и логику колонизации «прорыв» региональности едва ли не в решающей степени был обусловлен беспрецедентной для той эпохи полнотой совмещения в руках Строгановых промышленной деятельности и общего управления территорией, на которой она велась. Это привело к быстрому (хотя и временному) формированию в Прикамье относительно самостоятельного центра русской истори-

ческой жизни, который не только взял на себя инициативу колонизации Сибири, но и оказывал существенное воздействие на процессы, происходившие в европейской части страны (например, важная организующая роль Строгановых в преодолении Смуты, финансовое содействие государственной казне после избрания на царство Михаила Федоровича⁷⁷). Вместе с тем, ускоренные, по историческим меркам, весьма ранние и опережавшие естественный ход эволюции процессы регионообразования в такой же степени были обусловлены и естественно-географическими детерминантами – уникальными природными богатствами Урала.

Формирование горнозаводской экономики Урала в период петровских преобразований, по существу, следует считать уже вторым – не в пример более масштабным, имевшим колоссальные и необратимые исторические последствия – фазисом ускоренного регионообразования. Этот форсированный, ускоренный всей мощью абсолютистского государства и обеспечиваемый особым режимом управления процесс регионообразования, неся в себе черты модернизационного прорыва, резко выделил Урал в общем экономическом ландшафте востока России, сообщая его развитию – по этой же причине – анклавный, образно говоря, «островной» характер. Урал петровской эпохи (первая четверть XVIII в.) – это уже, несомненно, быстро формирующийся регион, в основе возникновения которого лежала усложняющаяся территориальная организация производственной функции, потребовавшая и создания особых, обладавших значительной функциональной «автономией» систем управления.⁷⁸ Эта активная фаза формирования Уральского региона продолжается практически весь XVIII в., находя отражение и в расширении ареала горнозаводской промышленности (фактически, до современных границ индустриальной части Урала), и в динамике показателей прироста производства, и в постепенном закреплении соответствующей региональной идентификации – самого названия «Урал». Вместе с этим возрастало орга-

⁷⁷ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV История России с древнейших времен. Т. 7–8. С. 510, 525; Кн. V. История России с древнейших времен. Т. 9–10. С. 16–17

⁷⁸ Об этом подробнее см.: Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века. Уральское горное управление / К.И. Зубков, Н.С. Корепанов, И.В. Побережников, Е.С. Тулисов. [отв. ред. И.В. Побережников]. М., 2008.

ничное единство внешних и внутренних регионообразующих связей: определившаяся производственная функция, ускоряя внутреннюю системную организацию территории, в то же время более прочно интегрировала ее в общую системную организацию государства.

Регион является чрезвычайно сложной формой организации пространства, которая вырастает или вычленяется из территории на основе сложноорганизованной, полифункциональной и, как правило, стационарной системы утилизации ее ресурсов. Исходный и самый широкий детерминационный базис складывания региона, несомненно, образуют естественно-природные предпосылки, располагающие к определенным видам хозяйственной деятельности и определяющие такой значимый критерий региональности, как ареальная однородность. Однако размеры, очертания, содержательные характеристики и – главное – системную связность конкретного региона, в конечном счете, формируют пространственно-зависимые социальные факторы – технологические схемы организации производства и коммуникаций, сопрягаемые с ними трудовые циклы и модели расселения, способы управления и т.п.

Представляя ранний вариант регионообразования, связанный со становлением протоиндустриального уклада, формировавшаяся в рамках горнозаводского Урала региональная система не могла не обнаруживать достаточно сложный тип комбинирования естественно-природных и социально-институциональных факторов организации производства, что отчетливо просматривалось в особенностях ее таксономического построения: макроуровень (горное управление) – мезоуровень (горный округ) – микроуровень (заводуправление). В логике становления этой многоуровневой системы хорошо видно, что ее недостатки и слабости, обусловленные зависимостью от природно-географических условий развертывания горно-металлургического производства (отсутствие центрированности; распыленный, «кустовой» характер размещения основного и вспомогательного производств; слабость проявления узловых эффектов, способствующих диверсификации производства), удачно компенсировались особой социально-институциональной организацией. Хотя горнозаводская система не охватывала всего многообразия социально-хозяйственных

форм, спонтанно зарождавших на территории (особенно на периферии), именно она, несомненно, представляла собой устойчивый каркас формирования региона, поскольку воспроизводила прототип универсальной системы социального воспроизводства, основанной на тесном взаимодействии экономических, социальных, политических и культурных факторов.

Эмпирически подтверждаемое выделение двух ранних фазисов ускоренного регионообразования на Урале наводит на мысль о неслучайности локализации этих процессов, о глубинной детерминационной обусловленности этого типа развития природно-географическими свойствами уральской территории. Больше того, в этом свете уместно говорить о раннем проявлении на Урале не только свойств региональности как таковой, но и качества «центральности» как средоточия наиболее передовых экономических, технологических, социально-политических и культурных тенденций своего времени. По существу, Урал в контексте российского исторического процесса XVI – XIX вв. можно рассматривать как феномен комбинированного развития, сочетавший в себе, с одной стороны, признаки колонизируемой периферии и, с другой, черты анклавной «центральности», иначе говоря, центра второго порядка – необходимого уже в силу колоссальных размеров страны. Соответственно, периоды прогрессивного подъема и относительного упадка Уральского региона на общем историческом фоне можно рассматривать в контексте усиления или ослабления соответствующих черт в его развитии.

В этом свете лучше может быть оценено значение методологической «революции», которую осуществила евразийская историография в понимании роли и значения Урала в российской истории. Несомненная научная заслуга евразийцев заключается в том, что, смещая фокус исторического анализа на внутренние части Евразийского континента, их концепция, возможно, в наибольшей степени способствовала преодолению взгляда на Урал и прилегающие к нему районы Сибири только как на периферию расширяющегося «русского мира», непрерывно сдвигаемую на восток границу между цивилизацией и варварством. Евразийцы, несомненно, были правы, необычайно широко раздвигая геополитический горизонт ранней российской

истории и предлагая рассматривать диспозицию в нем Урал в принципиально ином свете – как региона «срединного», «осевого», стягивающего и организующего евразийское пространство. Задолго до того, как Урал смог выдвинуться на эту роль в качестве связующего звена между Европейской Россией и всё более сближающейся с нею Сибирью, подобный эффект, согласно Г.В. Вернадскому, по крайней мере, трижды воспроизводился в истории Евразии в той мере, в какой геополитическая связность ее пространства поддерживалась повышенной подвижностью кочевнических народов – в рамках «скифской», «гуннской» и «монгольской» эпох.⁷⁹ Созданная завоеваниями Чингисхана и стремительно распадавшаяся в XIV–XV вв. «монголосфера» хронологически непосредственно предшествовала тому этапу геополитического объединения Евразии, который был открыт русской колонизацией Урала и Сибири.

Какими бы натянутыми ни казались попытки евразийцев искать прототип Российской империи в политическом наследии Монгольской державы, нельзя отрицать того, что их концепция содержала важное указание на системно-структурную зависимость развития составляющих Евразию регионов от масштаба и пространственной конфигурации вмещающего их геополитического формата. Поскольку всякий геополитический формат (в самом простом смысле, государственно-политическая форма) предполагает определенную систему контроля над пространством, любые сколько-нибудь существенные его изменения неизбежно отзываются ощутимыми перегруппировками векторов и динамики регионального развития. В данном случае речь идет об особом регулятивном факторе исторического развития, который, в силу своей системной природы, подчас эмпирически неосязаем, но по производимому им историческому действию – более чем реален.

Данный концептуальный взгляд позволяет лучше уяснить, в чем, собственно, заключалась «осевая», центростремительная роль Урала на обширных пространствах Евразии. Несомненно, что сама постановка вопроса о том, являлся ли Урал действительной прегра-

⁷⁹ С наибольшей последовательностью этот взгляд на историю Евразии был представлен в работе Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000.

дой, замыкающей выход Российского государства на простор Евразии, представляет вполне односторонний взгляд на историю региона – а именно, в том ракурсе, в каком она видится из великорусского исторического центра. Историко-геополитическая концепция евразийцев предлагала иную, более широкую и синтезирующую, трактовку исторической роли Урала, выводя на первый план обусловленный природно-географическими свойствами региона момент прерывности в том «однообразии природных форм», которое, согласно С.М. Соловьеву, вело к сравнительной однородности хозяйственных занятий славянского населения Русской равнины и тем самым затрудняло взаимное экономическое тяготение и прочное сцепление ее отдельных, редко населенных частей.⁸⁰ Именно созданный самой природой достаточно резкий переход от равнинных, впоследствии в основном земледельческих, частей Европейской России и Западной Сибири к неплодородной, но изобилующей рудами и минералами Уральской горной стране создавал эффект притяжения разностей, плодотворный для развития интенсивных хозяйственных обменов между горной, в будущем индустриальной, частью Урала и прилегающими к нему с запада и востока аграрными полосами.

Эти выводы евразийцев в главном опирались на антропогеографическое учение В.П. Семенова-Тян-Шанского, который стремился облечь в «экономогеографический закон» многочисленные факты, выявляющие зависимость резкой смены характера и типа экономической деятельности от «известного нарушения в строении земной коры» и связанного с ним либо изобилия горных богатств, или смены климатических условий, а вместе с ней – характера почв и растительности.⁸¹ Эту закономерность географ прилагал – как к наиболее зримому ее примеру – к формированию Уральского горнопромышленного района, где именно азональная расчлененность рельефа исторически создала сумму естественных предпосылок к преимущественному использованию горных богатств. В силу этого, в региональной структуре России Урал, по мнению Семенова-Тян-Шанского, самой природой был предназначен к превращению в узловую, «срединный»

⁸⁰ Соловьев С.М. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 70.

⁸¹ Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.: Л., 1928. С. 140–141

регион, естественно расширяющийся за счет экономического притяжения более бедных в ресурсно-экономическом отношении соседних областей, и, как следствие, в «один из богатейших промышленных центров, имеющих первостепенное значение» для страны.⁸² Принципиально отрицая разделение России на Европейскую и Азиатскую, Семенов-Тянь-Шанский рассматривал развитие Урала в перспективе его выдающейся роли в оптимизации «могущественного территориального владения» России – как «оси», которая мощным притяжением хозяйственной жизни способна максимально сократить гигантский (почти в 3 тыс. км) разрыв между центром населения страны и географическим центром ее территории. Эту задачу географ полагал одной из главных в обеспечении геополитической устойчивости всего здания русской государственности – как в видах охранения его от внешних угроз, так и с точки зрения лучшей организации в нем экономических процессов.⁸³

Увлеченным номадологией евразийцам в подобном же свете виделась и роль Урала в истории кочевых народов Евразии. В их непрерывном движении вдоль евразийского степного «коридора» вклинивающийся в него лесистый, богатый металлами горный массив Урала (наряду с Алтаем и Кавказом) становился одним из естественных пунктов приостановки и перегруппировки кочевых волн – и, в силу этого, одной из важнейших зон этногенеза.⁸⁴ Этот вывод, впрочем, также не был открытием историков-евразийцев, поскольку стал общим местом в русской и европейской историографии уже к началу XIX в. Таким, в частности, дорусский период истории Урала виделся еще П.А. Словцову, который назвал регион «прародиною многих уральских семей и также становьем подвигавшихся с востока племен монгольского, турецкого и финского происхождения», «вековым стойбищем гуннов, торков, аваров, козаров, мордвы, черемисов, вотяков, болгаров и ногаев».⁸⁵

⁸² Семенов-Тянь-Шанский В. Предисловие к пятому тому // Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. V. Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. IV

⁸³ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. С. 162, 194; его же О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Пространственная экономика 2008. № 2. С. 145, 149.

⁸⁴ См.: Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь, М., 1996. С. 235–240, 245–246.

⁸⁵ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 540.

Из вышесказанного можно заключить, что евразийцы, аккумулируя выводы предшествующей русской историографии, теоретические достижения географии, экономики, естественных наук, вплотную подошли к выработке плодотворной в научном отношении историко-геополитической концепции, позволяющей осмыслить роль и место Урала в российской истории. Однако, очевидно, что эта концепция носила все-таки не столько историографический, сколько нормативно-регулятивный характер. Она в большей степени была обращена в будущее, чем в прошлое Урала, и выражала прогрессивные научно-теоретические и общественные тенденции своего времени – рубежа XIX–XX вв., в частности, осознание наиболее дальновидными учеными и государственными деятелями объективно назревшей необходимости превращения Урала в мощный общероссийский центр хозяйственной жизни.⁸⁶ Подобные нормативные установки не всегда и далеко не просто могут становиться инструментом исторического анализа, поскольку разрыв между объективными естественно-географическими и системными предпосылками того или иного исторического процесса и конкретными формами его реализации может быть очень значительным. Особенности развития Урала как горно-промышленного региона с этой точки зрения весьма показательны. Например, несмотря на достаточно острую потребность государства в металлах в XVI–XVII вв., естественные предпосылки развития на Урале горной промышленности долгое время не могли реализоваться в порядке общего исторического прогресса – как ответ на хозяйственные нужды страны, и сколько-нибудь заметно переломить инерцию аграрно-промыслового типа колонизации восточных окраин. В течение всего XVII в. масштабы поисков рудных месторождений в регионе оставались ограниченными и эпизодическими, а деятельность первых металлургических заводов – Ницынского и Пыскорского – отличалась неустойчивым характером. Подобных примеров «отклонения» региональных исторических процессов от траекторий развития, подсказываемых условиями географической среды и объективно назревшими потребностями государства и общества, в истории Урала

⁸⁶ Об этом см. Зубков К. И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 22–24

можно обнаружить немало. Но именно в контексте ясного понимания этих методологических ограничений нормативные идеи как раз и могли становиться инструментом взыскательной и критичной оценки исторического прошлого.

Следует заметить, что по мере стабилизации к концу XIX в. территориального состава и региональной структуры Российской империи как державы, расположенной между цивилизациями Запада и Восток, идеи «срединного» положения Урала и вытекающей из этого неординарной роли региона в будущей хозяйственно-экономической организации страны из проектировок постепенно превращались в историческую реальность. В 1896 г. великий подвижник индустриализации России Д.И. Менделеев писал о России как о стране со «средней» степенью промышленного развития, считая таковую все еще недостаточно соответствующей ее крайне уязвимому – «среднему» – географическому положению между плотно населенными, индустриально развитыми странами Запада и еще более многочисленными, вступающими на путь промышленного прогресса странами Востока (Япония, Китай, Индия). России, испытывающей возрастающее давление с запада и востока, как считал ученый, «промышленный и всякий иной прогресс... обязательнее, чем множеству других стран».⁸⁷ Уже эта особенность геополитического положения России усиливала в просвещенных кругах России понимание того, что в наступающем XX веке внешнее могущество России на важнейших стратегических направлениях мировой политики целиком производно от роста ее экономики и культуры в географически выгодных узловых сочленениях ее огромной территории, иными словами – от создания внутренней «критической массы» развития, закономерно перетекающей во внешнеполитический активизм. Примечательно, что эта мысль разделялась политическими силами самых разных направлений – от консервативно-охранительного и либерально-прогрессистского до социал-демократического, становясь чем-то вроде общенациональной идеи. В 1908 г. князь А.Г. Щербатов, лидер монархическо-славянофильского Союза Русских людей, целиком еще находясь под впечатлением от

⁸⁷ Менделеев Д.И. С думою о благе российском: Избранные экономические произведения Новосибирск. 1991. С. 147

поражения России в войне с Японией, сравнил промышленное состязание великих держав с настоящей позиционной войной за овладение перспективными рынками: «Россия на Дальнем Востоке боролась не с Японией, а с всемирной промышленностью, которая снабжала Японию деньгами, военными судами, оружием, продовольствием, научными данными и военными техническими указаниями германской армии и английского флота. Борьба с промышленными державами должна быть промышленной. Военная сила является только подспорьем промышленной организации и решающим условием в последнюю минуту».⁸⁸ «...Великий народ не может под угрозой упадка и вырождения “сидеть смиренно” среди движущегося вперед, растущего в непрерывной борьбе мира»⁸⁹, – писал в 1908 г. идеолог кадетов П.Б. Струве, подводя фундамент под свою концепцию «либерального империализма» как курса внешней политики России, основанного на мирном культурно-экономическом лидерстве. В 1899 г. марксист Владимир Ильин (В.И. Ульянов) публикует работу «Развитие капитализма в России», в которой доказывает, что капитализм не может развиваться без «постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран». По Ленину, развитие российского капитализма «вширь», его движение на окраины – это набирающая силу прогрессивная тенденция, обещающая перспективу «еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем». Для Ленина вопрос о политической судьбе окраин и реальности российского суверенитета над ними – это целиком вопрос о темпах их вовлечения в орбиту влияния российского капиталистического рынка.⁹⁰

Между тем, на рубеже XIX–XX вв. отчетливо выявился такой лимитирующий развитие страны фактор как узость сложившейся территориальной базы промышленного роста. Столь необходимый России рост фабрично-заводской промышленности для многих ее частей представлял совершенно новую задачу развития, поскольку, по наблюдению Менделеева, области «чисто промышленного, т.е. наиболее сложного и развитого быта» в стране ограничивались окрест-

⁸⁸ Щербатов А.Г. «Обновленная Россия» и другие работы. М., 2002. С. 70.

⁸⁹ Струве П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. Январь. Кн. 1. С. 145.

⁹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. М. 1975. С. 595–596.

ностями Москвы, Петербурга, Риги и Варшавы – немногих центров, выросших на путях тесного общения с Европой. На остальной территории страны можно было наблюдать «поучительное сочетание частей во всех периодах развития», в том числе громадных пространств, переживающих лишь начальные ступени экономической жизни (охотничий быт племен Крайнего Севера и Сибири, кочевой быт степняков, чисто аграрный тип экономики «в еще немалой части Великой, Малой и Новой России»). Коренное несовершенство территориальной организации российской экономики Менделеев видел в тех же контрастных категориях, в каких его позднее видели и советские экономисты: на одном полюсе – густо населенные, оплодотворенные культурой и ранним приобщением к промышленному укладу области центра и севера Европейской России, на другом – еще только колонизируемые, малонаселенные, но богатые плодородными землями и природными ресурсами окраины (Юг, Кавказ, Урал, Сибирь). Движение промышленности на окраины с их земельным простором и громадными «запасами природных материалов», по Менделееву, не сводится к простому ее рассеянию по территории страны: исключительно удачное сочетание в новых районах всех основных факторов производства способно было сделать их промышленное развитие «наиболее плодородным и выгодным для всей страны», придать индустриальному прогрессу новое качество роста.⁹¹

Еще более решительно ратовал за расширение баз сосредоточения населения и промышленности в направлении географического центра России и за выравнивание культурно-экономических потенциалов ее европейской и азиатской частей В.П. Семенов-Тян-Шанский. Урал с его громадными естественными богатствами, по мнению географа, самой природой предназначен к превращению в «один из богатейших промышленных центров, имеющих первостепенное значение для всей Российской Империи», и это его предстоящее развитие должно было стать «естественным и мужественным перемещением части центра тяжести нашей экономической и культурной жизни вслед за нашей колонизацией на восток».⁹² Это движение должно

⁹¹ Там же С. 42, 44.

⁹² Семенов-Тян-Шанский В. Предисловие к пятому тому // Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под общим руководством В.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского; под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. V Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. IV.

было служить начальным звеном построения новой полицентричной пространственной структуры российской экономики, опирающейся на четыре новые колонизационные культурно-экономические базы – на Урале, Алтае, в горном Туркестане и Кругобайкальской области.⁹³ Критическое усиление «срединных баз» экономики могло, по мнению Семенова-Тян-Шанского, быть наилучшей гарантией сохранения позиций России как великой державы в условиях нарастающих международных угроз на ее западных и восточных границах.

Русско-японская война служила для современников ясным указанием на то, что начатое Александром III строительство Великой Сибирской железной дороги, связавшей коренную Россию с берегами Тихого океана «только одной парой рельсов», есть лишь начальная фаза необходимого в связи с обострившейся мировой борьбой заселения и промышленного обустройства пустынных восточных окраин.⁹⁴ В поражении России отчетливо сказалось, по образному выражению философа В.Ф. Эрн, почти физическое ощущение того, что в тылу русской армии «расстилалась чудовищная *пустота*, почти полный отрыв от “эфирного тела” России».⁹⁵ Однако лишь немногие представители русской политической мысли, подобно П.Б. Струве, полагали, что поражение в войне, которая «велась на огромном расстоянии», «на далеком от седалища нашей национальной мощи море», требует радикальной перемены геополитического курса, что теперь «для создания Великой России есть один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область – весь бассейн Черного моря, т.е. все европейские и азиатские страны, “выходящие” к Черному морю».⁹⁶ (Как показали дальнейшие события, происходившее после 1907 г. перенесение главного вектора российской внешней политики на Балканы оказалось геополитическим миражом, еще вернее подведшим Россию – с ее слабым и в этом направлении экономическим тылом – в 1914 г. к

⁹³ Об этом подробнее см. Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.) СПб., 2009. С. 170–175.

⁹⁴ Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995. С. 200; Щербатов А.Г. Указ. соч. С. 262.

⁹⁵ Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 344.

⁹⁶ Струве П.Б. Указ. соч. С. 145.

государственной катастрофе).⁹⁷ Уроки войны с Японией объективно подталкивали русскую общественную мысль к осознанию того, что новые раунды борьбы за Тихий океан и за расширение русского присутствия в Азии потребуют еще более активного и энергичного, чем прежде, промышленного и железнодорожного строительства на востоке страны. По оценке М.К. Бандмана, характер многих экономических начинаний, предпринятых Россией к началу XX в. (строительство Транссиба, организованные аграрные переселения на юг Сибири и Дальнего Востока, создание на востоке очагов горнодобывающей промышленности), сколь бы разрозненными они ни казались, ясно говорит о формировании уже в это время парадигмы «сдвига производительных сил на восток».⁹⁸ У большевиков эта тенденция нашла самое ясное и радикальное программное выражение: противопоставление индустриально развитой западной полосы Европейской России (Украина, Центрально-промышленный район, Ленинград) остальной территории страны, располагающей колоссальными природными ресурсами для промышленной экспансии, связывалось уже не просто с необходимостью поощрения естественного «расселения» промышленности, но в с идеей «планомерного передвижения» центра промышленного производства на восток.⁹⁹

Идеология «восточного сдвига», несомненно, находилась под мощным влиянием крепнущего «оборонного сознания», переплетающегося с экономическим национализмом. Сетования по поводу засилья иностранных капиталов в русской промышленности в сознании многих представителей русской общественной мысли начала XX в. (включая Щербатова и Менделеева) напрямую увязывались со стратегическими изысками размещения ее основных мощностей в узкой пограничной полосе между Балтикой и Черным морем – очень часто в роли придатков западноевропейской экономики.

⁹⁷ См. об этом подробнее: Зубков К.И. Азиатская политика России в позднимперский период: геополитический аспект // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 1994. С. 16–17.

⁹⁸ Бандман М.К. Государственная региональная экономическая политика: веки, задачи и пути ее реализации в Сибири // Регион: экономика и социология. 1996. № 2. С. 36.

⁹⁹ См.: Из материалов Уральского облплана о перспективном плане уральской части Урало-Кузнецкого комбината на 1932–1937 гг. [6 июля 1931 г.] // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: Сб. статей и док-тов. Екатеринбург. 2010. С. 347–348

Госплановские разработки начала 1930-х гг., клеймя нерациональное размещение промышленности как историческую вину «монополистически загнивающего капитализма», подхватывали эту тему, охотно оперируя материалами дореволюционной статистики, которая доказывала, что, например, в 1908 г. в полосе до 100 км от западной границы России, в зоне возможного обстрела с моря, были расположены 1/3 довоенной обрабатывающей фабрично-заводской промышленности (в том числе более 2/5 металлообрабатывающей и 2/3 – химической), в то время как на Уральский и Западно-Сибирский районы, где в значительной части размещались природные богатства страны, приходилось лишь 3,6 и 1,1% всей суммы производства обрабатывающей промышленности, соответственно.¹⁰⁰ При этом опыт Первой мировой войны, во время которой отдельные отрасли промышленности (химическая, металлообрабатывающая) – ввиду прекращения импорта – стихийно обратились за сырьем на восток России, служил самым сильным аргументом в пользу того, каким будет характер наступающей эпохи и какая территориальная организация промышленности должна ей соответствовать.¹⁰¹

Большевики, в силу самих условий своего прихода к власти, не могли не сделать упора, прежде всего, на милитарную составляющую геополитической «программы» русского буржуазного патриотизма, придав ей – ввиду резко обострившейся конфронтации с капиталистическим Западом – силу безусловного императива. В фокус большевистской политики Урал и Кузнецкий бассейн – как база стратегического отступления советской власти – попали уже весной 1918 г., когда В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому пришлось отчаянно балансировать между двумя нависшими угрозами – германского наступления на западе и поддерживаемого Антантой японского – с востока. По воспоминаниям Троцкого, сценарий этого отступления виделся Ленину так: «Отступим дальше, на восток, на Урал... Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь... Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Ура-

¹⁰⁰ ГАСО. Ф. Р-241 Оп. 1. Д. 803. Л. 38–39.

¹⁰¹ Там же. Л. 40.

ло-Кузнецкой республики снова расширится и вернемся в Москву и Петербург».¹⁰² Нелишне заметить, что именно в этой чрезвычайной обстановке весны 1918 г. рождались ленинские идеи о новой «материальной основе крупной индустрии», которая может возникнуть на базе гигантских запасов руды на Урале и каменного угля Западной Сибири.¹⁰³ Позднейшая советская историография сделала эти идеи канонической, вневременной основой советской доктрины размещения производительных сил, во многом игнорируя именно экстренный, военно-оборонительный контекст их зарождения.

С этого времени геополитическая мотивация подспудно присутствовала во всех разработках, касающихся Урало-Кузнецкого проекта, – даже в тот период, когда они упирались в чисто экономическую проблему выбора региональных приоритетов капиталовложений, отвечавших оптимальным темпам и результативности политики индустриализации. В возобновившемся споре между украинским Югом и Уралом за приоритеты развития на стороне последнего была масса аргументов, но все они, как убеждали «украинцы» во главе с проф. Я.Б. Диманштейном, относились не к реальным практическим предпосылкам, а к области «промышленного мифотворчества». В 1925 г. оппонент Диманштейна, уральский экономист Н. Березов мог убедительно доказывать лишь то, что развитие коксовой металлургии на Урале на привозном угле Кузбасса, если еще не состоялось практически, то вполне созрело с точки зрения настроения, отразившись уже в дореволюционный период в десятках докладных записок, инженерных предложений, постановлений Съездов советов торговли и промышленности и т.п.¹⁰⁴ В этой ситуации обеспечить решительный перевес в пользу реализации Урало-Кузнецкого проекта мог, прежде всего, учет геополитических соображений. По-видимому, этот принципиальный поворот советского руководства в сторону геополитики состоялся за три-четыре года до XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) и

¹⁰² Троцкий Л. Д. О Ленине: Материалы для биографа. М., 1924. С. 88–89.

¹⁰³ Об этом подробнее см.: Зубков К. И. Геополитические мотивации формирования Урало-Кузнецкого проекта: вызовы 1918 года // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Новосибирск, 2010. С. 45.

¹⁰⁴ См.: Березов Н. К вопросу о перспективах развития уральской металлургии на кузнецком топливе // Хозяйство Урала. 1925. № 12. С. 74–80.

XVI партконференции (апрель 1929 г.), где еще шла бурная полемика между сторонниками «украинского» и «уральского» вариантов индустриализации. Еще в июле 1925 г. И.В. Сталин в письме В.М. Молотову, подчеркивая стратегическую роль удаленных от границ регионов, писал: «Я думаю, что при выработке строительной программы новых заводов следовало бы учесть, кроме принципа приближения заводов к сырью и топливу, еще два соображения: смычку с деревней и географически-стратегическое положение новых заводов. Наш основной тыл Урал, Поволжье, Черноземный юг... именно эти районы представляют наиболее удобный тыл для нас в случае военных осложнений. Поэтому именно в этих районах надо развить промышленное строительство».¹⁰⁵

Аргументы в пользу форсированного развития «срединной» индустриальной базы на Урале сводились в первой трети XX в. не только к учету геополитического, оборонного фактора, но и к пониманию значения богатых ресурсных баз востока страны для организации индустрии в совершенно новых – передовых – масштабах и организационно-технических формах. Это высказанное Д.И. Менделеевым соображение еще более определенно зазвучало в России как раз в период сталинской индустриализации. Так, Н.И. Бухарин именно в слиянии задач индустриализации с программами освоения бескрайних, богатых ресурсами пространств Евразии видел возможность для Советской России не только достичь «американского размаха» в развитии промышленности, но и превзойти его.¹⁰⁶ Таким образом, зависимость перехода России на новую ступень индустриального прогресса от сдвига промышленных центров вглубь континента, в первую очередь на подготовленную предшествующим индустриальным опытом площадку Урала, выстраивалась в некоторую объективно-предначертанную потребность развития страны. В данном случае можно провести полную аналогию между разрабатываемыми для Урала планами индустриализации и протоиндустриальной модернизацией петровской эпохи. В силу уникального сочетания высококачественных ресурсов (руд, леса, водной энергии) металлургическое производство на Урале

¹⁰⁵ Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: (Сб. документов) М., 1995. С. 30–31.

¹⁰⁶ Бухарин Н.И. Избранные труды: История и организация науки и техники. Л., 1988. С. 33.

в петровскую эпоху развивалось преимущественно в новой для своего времени – крупнозаводской – форме, что имело следствием применение более эффективных технологий, значительную «экономия масштаба» и снижение себестоимости производства.¹⁰⁷ В сталинскую эпоху от форсированного развития индустрии на Урале, несомненно, ожидался подобный революционный эффект.

Реализация Урало-Кузбасского проекта стала наиболее ярким воплощением идеи создания мощной «срединной» индустриальной базы России и основой планов дальнейшего развития глубинных континентальных районов страны. По существу, вторая угольно-металлургическая база, опирающаяся на Урал и Кузбасс, должна была формироваться как мощный промышленный центр, на который возлагались задачи не только расширения ареала индустриального освоения на востоке страны, но и развития глубоко диверсифицированного комплекса передовых производств, которые могли не только надежно гарантировать обороноспособность страны, но и обеспечивать ее дальнейший индустриальный и социально-культурный прогресс. Великая Отечественная война 1941–1945 гг., создание атомного комплекса на Урале стали доказательством реалистичности этого замысла. Однако в послевоенные годы, в силу сложившейся инерции развития западной и восточной зон экономики СССР, Урал, оставаясь базой промышленного освоения азиатской части СССР, все больше приобретал по отношению к Европейской части СССР черты периферии, предназначенной поставлять туда в основном сырье и полуфабрикаты.¹⁰⁸ Таким образом, и в XX в. в развитии Урала ярко проявлялась отмеченная нами для предшествующих эпох сложная диалектика функций «периферийности» и «центральности», которую можно считать одной из главных линий конкретно-исторического изучения роли Урала в организации евразийского геополитического пространства.

¹⁰⁷ Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 105.

¹⁰⁸ Проблемные регионы ресурсного типа: Экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. С. 47

ИСТОРИЯ УРАЛА В КОНТЕКСТЕ ТРЕХФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Трехфакторная модель исторического процесса подразумевает анализ воздействия на историческую динамику трех важнейших факторов: демографического, технологического и географического. Географический фактор задает относительно стационарные внешние условия, а два других фактора являются динамическими и в различные периоды действуют на общество различным образом. Для этих факторов существуют теории, которые позволяют достаточно детально указать на те конкретные следствия, которые должно вызвать их действие. В частности, действие демографического фактора описывается *демографически-структурной теорией* Дж. Голдстоуна, которая представляет собой современный вариант неомальтузианства¹⁰⁹. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено *средствами существования*»¹¹⁰. В аграрных обществах рост населения приводит к освоению целинных земель, внутренней колонизации, а когда земли становится недостаточно, начинается продвижение земледельцев на неосвоенные окраинные территории, внешняя колонизация. Вплоть до XX века Урал был периферийной областью России, и история Урала во многом была историей земледельческой колонизации. Долгое время крестьянство не испытывало здесь недостатка в земле и хлебе, поэтому на Урале был относительно высокий уровень потребления, в то время как в Центральной России нарастало крестьянское малоземелье и уровень потребления снижался. Неомальтузианская теория утверждает, что падение потребления в конечном счете приводит к голоду, к восстаниям и гражданским войнам – к экосоциальному кризису. Экосоциальный кризис означает гибель значительной части населения. Земли и пищи

¹⁰⁹ Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. London, 1991.

Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. Г. 2. М. 1993. С. 22. Выделено Мальтусом.

теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается, и население вновь начинает расти¹¹¹.

Механизм действия технологического фактора описывается группой теорий, объединяемых в концепцию *диффузионизма*. Согласно одной из этих теорий, «теории культурных кругов», развитие человеческого общества происходит под воздействием *фундаментальных открытий* – это открытия, расширяющие экологическую нишу данного общества, увеличивающие объем его ресурсов. Это могут быть агротехнические инновации, но это может быть и новое оружие, позволяющее увеличить территорию обитания за счет окружающих народов. Фундаментальные открытия дают освоившему их обществу решающие преимущества перед другими народами и порождают волну военной, экономической, культурной экспансии. Завоеватели подчиняют другие племена и народы и создают ксенократические общества, в которых они становятся правящим военным сословием, а покоренные туземцы – эксплуатируемым низшим сословием. С другой стороны, перед лицом военной угрозы соседние общества стремятся заимствовать технологию противника: перед волной экспансии следует диффузионная волна заимствований – причем часто заимствуется не только технология, но также социально-экономические порядки и культурные обычаи завоевателей. Далее начинаются процессы социального синтеза в ходе которых некоторые привнесенные инновации могут быть отторгнуты в результате традиционалистской реакции¹¹².

В периоды, от которых не осталось письменных свидетельств о завоеваниях, заключение о происходивших миграционных и диффузионных процессах делается на основе анализа археологических артефактов – это традиционный «культурно-исторический» подход, распространенный метод работы археологов. «Мы находим некоторые категории остатков – пишет Гордон Чайлд, – керамику, орудия труда, украшения, виды погребального обряда, формы жилищ, – постоянно встречающиеся вместе. Такой комплекс связанных признаков мы на-

¹¹¹ См. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. I. М., 2010. С. 12-20; Алексеева Е. В., Нефедов С. А. Россия и Урал в мировых диффузионных волнах XVII–XIX вв. (военно-технологический аспект) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 28-34.

¹¹² См. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. С. 20-27; Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 49, 54.

зовем “культурной группой” или просто “культурой” Мы убеждены, что этот комплекс является материальным выражением того, что мы сегодня назвали бы “народом”»¹¹³ «Далее, – продолжает известный российский археолог Л. Н. Корякова, – как правило, следует анализ изменений в терминах миграции. Одним из вопросов является вопрос о происхождении нового типа и связанной с ним группы населения. Тщательное изучение керамики на прилегающих территориях может гипотетически определить место ее происхождения и даже направление миграции. В противном случае, если эти аргументы покажутся неподходящими, можно поискать параллели специфическим чертам культурных сочетаний в других местах. Если культурный комплекс не привязывается к какому-либо внешнему источнику, могут быть найдены некоторые связи... с какой-либо другой культурой. Если такие параллели находятся, археолог приведет доводы в пользу диффузии»¹¹⁴.

Таким образом, в рамках трехфакторной модели внутреннее развитие описывается с помощью демографически-структурной теории, однако на демографические циклы иногда накладываются диффузионные волны, порожденные различными фундаментальными открытиями.

Воздействие географического фактора отличается по своему характеру от воздействия других рассматриваемых факторов. Численность населения и технология являются переменными, динамическими величинами, в то время как природные условия остаются относительно постоянными на протяжении тысячелетий¹¹⁵ Географический фактор является *формообразующим*, он участвует в формировании различных хозяйственных типов (например, обществ земледельцев и кочевников), а в дальнейшем его влияние проявляется в процессах социального синтеза, которые начинаются в результате взаимодействия различных обществ.

На Урале важная роль географического фактора была обусловлена расчлененностью этого региона на различные природно-климатические зоны, на зону степей и зону лесов. Для внутренних областей

¹¹³ Цит. по Корякова Л. Н. Археология раннего железного века Евразии. Екатеринбург 2000 // <http://virlib.eunnet.net/books/ironage/>

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ См. Гринин Л. Е. Эпоха формирования государства. М., 2007. С. 61.

Евразии характерен резко-континентальный засушливый климат, поэтому степи здесь проникают далеко на север. В Приуралье, на левобережье реки Белой расположены самые северные степи Евразии – так называемый Дёмско-Чермасанский степной коридор, «северный выступ» Великой Степи. Лесостепь здесь также поднимается к северным широтам, и расположенная в долине реки Ай Месягутовская лесостепь глубоко вторгается в зону лесов.

Засушливый климат неблагоприятен для земледелия, поэтому зона земледельческого освоения в Предуралье располагалась севернее, чем в западной части Русской равнины. Условия для развития земледелия на Урале были сравнительно неблагоприятными. Число дней в году с температурой выше 0 градусов в районе Кирова, Уфы, Екатеринбурга составляет 200-210, примерно столько же, сколько в районе Вологды и на 10-20 дней меньше, чем в районе Москвы. Сумма температур выше 10 градусов составляет в Екатеринбурге 1700, а в Москве 2100; это означает, что на Среднем Урале могут возделываться только самые неприхотливые культуры, прежде всего рожь и овес¹¹⁶.

Помимо неблагоприятных природных условий, земледельческое освоение региона было затруднено тем, что Урал отделен от колыбели земледельческой цивилизации, Ближнего Востока, широким поясом степей и пустынь. Расселяясь с Ближнего Востока, земледельцы в конце VI тысячелетия до н. э. продвинулись в Северное Причерноморье до Днепра и основали здесь поселения трипольской культуры. К востоку от Триполья, в степях за Днепром обитали охотничьи племена, которые, отчасти смешавшись с колонистами, со временем познакомились с основами земледелия и скотоводства – таким образом, в процессе диффузии и социального синтеза сложилась новая культура полуоседлых скотоводов и земледельцев – это были предки современных индоевропейских народов¹¹⁷.

В степях лишь немногие земли были доступны для обработки мотыгой, однако изобильные пастбища позволяли содержать большие

¹¹⁶ Каблуков Н. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1899. С. 22; Павлова М. Д. Практикум по агрометеорологии. Л., 1984. С. 70, 113.

¹¹⁷ См. Кузьмина Е. Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг // Вестник древней истории. 2000. № 4. С.

стада скота – так что в хозяйстве древних индоевропейцев преобладало скотоводство. Но плотность скотоводческого населения ограничена размерами пастбищ, и по оценке Ратцеля она не могла превышать 2 чел./кв. км¹¹⁸. Таким образом, плотность скотоводческого населения превосходит максимальную плотность для охотников и собирателей, но она в 5-10 раз меньше, чем у мотыжных земледельцев. Экологическая ниша скотоводов очень узка, и перенаселение наступает достаточно быстро. Начинает действовать демографический фактор: нехватка пастбищ приводит к быстрому расселению индоевропейских племен на восток, в степи Приуралья и Центральной Азии. Дальнейшее повышение демографического давления приводит к войнам между родами и племенами, при этом побежденным приходится отступать на окраины Великой Степи, а затем еще дальше – на земли северных охотничьих племен.

Племена, вытесненные из степи в леса за Волгу и Каму, смешавшись с местными охотниками, древними финнами, в начале II тыс. до н.э. создали синкретическую чирковскую культуру. Насельники этой культуры сохранили антропологический тип и язык древних финнов, но освоили лесное скотоводство – а возможно, также и навыки подсечно-огневого земледелия. В дальнейшем, во II тыс. до н.э., обитателям лесов пришлось испытать еще несколько вторжений из степи; это были вторжения абашевских и сейминско-турбинских племен, которые владели новым оружием степняков, боевой колесницей. Однако в условиях лесов боевая колесница не давала решающего военного преимущества, и эти вторжения не привели к радикальным переменам в жизни лесных финнов¹¹⁹.

Гораздо большее значение имело освоение степняками навыков верховой езды. В конце II тысячелетия до н. э. появился усовершенствованный уздечный набор (с мартингалом и оголовьем), который полностью подчинил лошадь всаднику. После освоения этой фундаментальной инновации наездничество перестало быть искусством многих джигитов – оно стало доступно всем, и все мужчины сели на

¹¹⁸ Ratzel F Anthropogeographie. B. II. Stuttgart. 1922. S. 173

¹¹⁹ См. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск. 2004. С. 125-140.

коней¹²⁰. Это открыло возможность освоения дальних пастбищ, и жители степей стали кочевать вместе со своими стадами. Кочевание помогло освоить северные степи и горные луга, однако оно потребовало смены образа жизни. «С переходом к кочевому скотоводству резко изменился облик степей. Исчезли многочисленные поселки, наземные и углубленные в землю жилища бронзового века, жизнь теперь проходила в повозках, в постоянном движении людей вместе со стадами от одного пастбища к другому»¹²¹.

Возникновение кочевничества сопровождалось появлением кавалерии и вспышкой войн¹²². «В поисках новых пастбищ и добычи скотоводы захватывали в сферу своего влияния... все новые группы населения, — пишет Г. Е. Марков. — Мог развернуться своего рода “цепной процесс” распространения кочевничества»¹²³. В X–VIII вв. до н.э. на всем протяжении Великой Степи — от Дуная до Хингана — утверждается единая культура, говорящая о господстве в степи группы родственных кочевых народов. Эти народы — киммерийцы, скифы, савроматы — это были древние иранцы.

Переход к кочевой жизни лишь ненамного увеличил допустимую плотность населения в степи. Демографическое давление оставалось высоким, и нехватка пастбищ приводила к бесконечным войнам между родами и племенами. В этих войнах сформировался психофизический тип кочевников — это были сильные, смелые, агрессивные воины, прекрасные всадники, привыкшие проводить жизнь в седле.

Кавалерия обеспечила кочевникам полное военное превосходство, и волна завоеваний вскоре распространилась за пределы Великой Степи. В соответствии с теорией, завоевания приводили к созданию ксенократических обществ, в которых кочевники становились военной знатью, а покоренные туземцы — зависимым населением, крепостными или рабами. Типичным примером такого государства была Скифия, где скот кочевников пасли рабы, и их было так много,

¹²⁰ См. Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977. С. 115; Смирнов А. П. Скифы. М., 1966. С. 13.

¹²¹ См.: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 5.

¹²² Там же.

¹²³ См.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 31.

что похороны не только представителей знати, но и рядовых скифов часто сопровождалось принесением в жертву рабов – слуг или наложниц¹²⁴. В Приуралье мы видим подобную картину: здесь появляется ананьинская культура, в укрепленных поселениях которой правит военная знать – всадники, вооруженные боевыми топорами, мечами и луками скифского образца. В могилы этих воинов кладут рабов и наложниц из местного населения: вожди в знак своей власти носят шейные гривны, и близ их могил ставят каменные стелы с изображением оружия – как у киммерийцев, савроматов и скифов¹²⁵.

Как известно, ананьинцы считаются предками удмуртов и коми¹²⁶. Ананьинская культура существовала на обширной территории Среднего Поволжья и Прикамья, однако эти области подвергались постоянным набегам степных кочевников. В конце VI в. до н.э. ананьинские поселения на Средней Волге были разгромлены кочевниками, и уцелевшее население бежало на север. По мнению А. Х. Халикова, эта миграция положила начало заселению ананьинскими племенами северных территорий – вплоть до Вычегды и Северной Двины¹²⁷.

Следующий рубеж в жизни приуральских племен были связаны с так называемым «Великим переселением народов». В основе этой грандиозной миграции лежала волна завоеваний, порожденная фундаментальной технической инновацией – появлением стремени. Стремя сделало всадника устойчивым в седле и позволило применять характерную для средневековых рыцарей тактику таранного удара. Новое оружие стало достоянием обитавших в восточной части Великой Степи тюркских племен, и военная экспансия тюрков вынудила сармат, гуннов, угров уходить на запад. Часть этих беженцев пыталась закрепиться на северной, приуральской окраине Великой Степи; вскоре к ним присоединились некоторые тюркские племена, потерпевшие поражение в междоусобной борьбе: сначала болгары, а затем

¹²⁴ См. Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 163.

¹²⁵ См. Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М., 1977. С. 24, 29, 86, 218; Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 167; Мелюкова А. И. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Там же. С. 16; Дворниченко В. В., Копеняко В. А. Предшественники савроматов в Волго-Уральском междуречье, Заволжье и Южном Предуралье // Там же. С. 151.

См. Голдина Р. Д. Указ. соч. С. 198.

¹²⁷ См. Халиков А. Х. Указ. соч. С. 258.

печенег. Вместе с печенегами в Приуралье в IX в. пришли их родственники-башкиры, которые впоследствии дали свое имя перемешавшимся в «северном выступе» степи осколкам племен-беглецов¹²⁸.

Лишенные возможности осенних перекочевков на юг, беглецы были вынуждены приспособляться к снежным зимам Приуралья. Летом башкиры кочевали по степям, но одновременно готовили зимнюю стоянку, косили траву и заготавливали корма. Зимой часть стада, жеребых кобылиц и овцематок, держали на стоянке в стойлах, а сильных лошадей и жеребцов выгоняли на зимние пастбища. Лошади могли «тебеневать», разгребать копытами снег и есть жухлую траву; следом за ними шли овцы, которые доедали остатки. Конечно, этот метод давал лишь скудное пропитание для стад, и к весне многие животные погибали¹²⁹.

В то время, как башкиры оставались в степи, болгары продвинулись в леса за Волгу и Каму и подчинили часть удмуртских племен. В результате социального синтеза на Средней Волге сложилось новое ксенократическое образование – «Великая Булгария». Роды болгар включали в себя покоренных земледельцев и насчитывали тысячи членов; центрами родовых владений были небольшие укрепления замкового типа. Жившее на периферии зависимое население платило налог мехами – шкурку соболя с каждого дома. Меха составляли главный предмет торговли с «цивилизованными» странами Средней Азии: из Хорезма в Булгар регулярно приходили большие караваны мусульманских купцов. Тесные торговые связи с мусульманским Хорезмом и диффузионное влияние могущественного Арабского Халифата привело к постепенной исламизации Булгарии. В 922 г. правитель болгар, «йылтывар» Алмас, созвал сход болгарских племен, на котором был принят ислам. В Булгарию были приглашены мусульманские проповедники, были созданы мечети и начальные школы. Таким образом, Булгария стала северным форпостом мусульманского мира, сюда проникла мусульманская цивилизация и образованность. На основе арабского алфавита была создана болгарская письмен-

¹²⁸ См. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1997 С. 84-87.

¹²⁹ Там же. С. 110.

ность; появились местные богословы, литературы, историки и поэты. Булгар и Сувар были городами с населением в 10 тыс. человек, в этих городах работали мусульманские ремесленники и возводились здания из кирпича. Впрочем, большинство домов были деревянными и служили лишь зимними жилищами для булгар, которые летом уходили кочевать в степь¹³⁰.

В XIII в. Приуралье захлестнула новая волна нашествий из Великой Степи. Монгольское нашествие было связано с новой фундаментальной военно-технической инновацией, появлением сложносоставного «монгольского» лука. Этот лук был намного мощнее прежних луков «гуннского» типа, и он обеспечил монголам полное военное превосходство над их противниками. Тюрки-кипчаки, господствовавшие ранее над западной частью Великой Степи, были разгромлены монголами, и вошли в состав западного монгольского улуса, Золотой Орды. Некоторые из кипчакских племен бежали в северную приуральскую степь и присоединились к башкирам, но вскоре все эти племена были вынуждены подчиниться монголам.

В 1236 г. монголы взяли Булгар и полностью разорили центральные области Великой Булгарии. Уцелевшее население бежало за Каму, но монголы преследовали беглецов и в 1240 г. заняли и опустошили южные области Удмуртии. Удмурты были вынуждены переселяться на Вятку, где к ним присоединились беженцы из русских княжеств. Во второй половине XIII в. здесь образовалась «Вятская земля» – маленькое государство, которым правили воеводы, избираемые из числа русских и удмуртских «бояр»¹³¹.

После завоевания Китая монголы усвоили китайские административные традиции, включавшие проведение переписей, деление на «десятки» и «сотни», налоги, собираемые присланными из центра чиновниками. Главных налоговых сборщиков в Монгольской империи называли «даругачи» или «даругами» – позднее этот термин стал обозначением налогового округа или административной единицы. Эта китайская система управления распространялась на все области,

¹³⁰ См. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 402; Ибн Фадлан. Книга Ахмеда ибн Фадлана // Кестлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. СПб, 2006. С. 297, 324; Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 27, 29, 47, 77, 81, 86.

¹³¹ См. Голдина Р. Д. Указ. соч. С. 289, 323, 328, 331.

входившие в состав Золотой Орды – в том числе на болгарские, удмуртские и башкирские земли. Основным налогом с кочевников был «купчур» – одна голова со ста голов скота; с лесных народов собирали налог мехами -«ясаку»¹³².

Тем временем, мощное диффузионное влияние мусульманской цивилизации Ближнего Востока привело к тому, что при хане Узбеке (1313–1341) правящая верхушка Золотой Орды приняла ислам. Монголы к тому времени в значительной части ассимилировались и приняли язык кипчаков, которые, в свою очередь, стали называть себя по имени одного из монгольских племен – «татарами». Наиболее распространенным языком межплеменного общения стал язык кипчаков-татар – один из тюркских языков, который называют «тюрки». Таким образом, в Золотой Орде распространилась мусульманская культура и основанная на арабском алфавите письменность «тюрки». Город Булгар был восстановлен и снова стал северным форпостом мусульманского мира. Распространение ислама среди башкир было отмечено строительством первых в Башкирии каменных сооружений, мавзолеев местных улемов и ханов¹³³.

Однако правление Узбека закончилось внезапной катастрофой. Э. С. Кульпин ищет объяснение этой катастрофы в закономерностях демографического цикла, в перенаселенности степей, в резком увеличении численности скота и в стравливании пастбищ, которое должно было привести к экологическому кризису¹³⁴. Ал-Омари сообщает, что кочевники обнищали до такой степени, что были вынуждены продавать в рабство своих детей¹³⁵. Как известно, эпидемии в первую очередь поражают регионы, в которых люди страдают от хронического недоедания. В 1346 году разразилась катастрофа: пришла Черная Смерть. «Бысть мор силен на Бесермены и на Татарове... – говорит русская летопись, – яко не бе кому их погребати»¹³⁶. «Только в Крыму

¹³² См. История Башкортостана. С. 123.

¹³³ Там же С. 157, 175-176.

¹³⁴ Кульпин Э. С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., 2007 С. 82-84.

¹³⁵ Цит. по: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 117

¹³⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 225.

тогда погибло от чумы 85 тыс. человек, – писал М. Г. Сафаргалиев. – От последствий чумы Золотая Орда долго не могла оправиться»¹³⁷

Таким образом, в 1346-1348 гг. в Золотой Орде произошла полномасштабная катастрофа, завершившая демографический цикл. Монархия, созданная Узбеком, выдержала этот первый удар, но сокращение доходов, вызванное уменьшением численности податного населения, привело к междоусобной борьбе знатных кланов. В результате этих внутренних распрей Золотая Орда распалась на несколько враждующих ханств.

Наследником Золотой Орды в Приуралье стало Казанское ханство, которое включало в себя большую часть удмуртских и башкирских земель. Привилегированным военным сословием в Казанском ханстве были «огланы» – воины-татары, получавшие за свою службу небольшие поместья. Эти поместья обрабатывали закрепощенные крестьяне из местного населения и приведенные из походов пленники-рабы. Военную службу несли также простые татары, которых обычно называли «казаками». В войско включались также «тарханы» – воины из местного населения, в том числе наиболее зажиточные башкиры и удмурты, которым за их службу давали освобождение от налогов. Простой народ платил налоги (главным из которых был «ясак») и выполнял повинности, в том числе повинность по обслуживанию почтовых станций – «ям»¹³⁸.

Так же как Золотая Орда, Казанское ханство испытывало сильное диффузионное влияние мусульманской цивилизации Ближнего Востока. Оживленные торговые пути связывали Казань с Хорезмом и персидскими портами на Каспии. М. Г. Худяков отмечает, что должности чиновников в Казанском ханстве имели арабо-персидские названия (в отличие от названий должностей в Золотой Орде и в Крыму, где преобладала тюркская номенклатура)¹³⁹. Вероятно, поместная система содержания «огланов» была также заимствована из Персии, где такие поместья назывались «икта».

Следующий этап в истории Урала был связан с новой волной завоеваний, которая была вызвана появлением огнестрельного оружия. Ог-

¹³⁷ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С. 372.

¹³⁸ См. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 205, 211, 212.

¹³⁹ Там же. С. 209.

нестрельное оружие впервые появилось в Китае; затем оно было усовершенствовано в Западной Европе, где стали делать аркебузы с фитильным замком. Однако военная организация, позволяющая эффективно использовать огнестрельное оружие была впервые создана в Османской империи – это был знаменитый корпус «ени чери оджагы», янычары. Эта фундаментальная инновация породила волну османских завоеваний и вынудила другие страны создавать аналогичные воинские подразделения. Русский царь Иван IV создал «пушечный наряд» и подразделения стрельцов, что, в свою очередь, породило волну русских завоеваний. В 1552 году было завоевано Казанское ханство. Военные действия имели ожесточенный характер и привели к опустошению обширных территорий, в том числе и в Удмуртии; часть населения бежала в север и на восток. Опустевшие земли стали собственностью русского государства, и впоследствии были заселены крестьянами из центральных районов России¹⁴⁰.

После взятия Казани Иван IV разослал «по всем улусам черным людем ясачным жалованные грамоты, чтобы шли к государю, не бояся ничего... а их государь пожалует, а они бы ясак платили, яко же и прежним казанским царем»¹⁴¹. Башкиры и удмурты вошли в состав России в качестве «ясачных» или государственных крестьян; они платили налоги, но в целом находились в лучшем положении, чем крепостные крестьяне Центральной России. Свободные от налогов «тархань», как и раньше, несли военную службу – но теперь на русского царя. Административные единицы, как и прежде, назывались «дорогами». Русские переселенцы поначалу осваивали, в основном, земли на Вятке и Каме; так же, как удмурты, они имели статус государственных крестьян; помещичьего землевладения здесь практически не было. После катастрофы времен Великой смуты (которая завершила очередной российский демографический цикл) в центральных районах России было достаточно свободной земли и колонизация была медленной. С ростом населения в XVIII в. колонизация ускорилась, и к 1795 г. удмурты составляли лишь 14% населения Вятской губернии¹⁴².

Завоевание, как это обычно бывает, привело к частичной ассимиляции и к перениманию удмуртским населением аграрных техно-

¹⁴⁰ Там же С 233.

¹⁴¹ Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000. С. 221

¹⁴² Очерки истории Удмуртской АССР Т 1/отв. ред. И. П. Емельянов Ижевск, 1958. С. 144.

логий и обычаев русского народа. Происходит окончательный переход от подсеки к пашенному земледелию и к использованию «вятской сохи». Распространяются посевы озимой ржи, льна, а позднее – картофеля. Удмурты стали строить дома по образцу русских изб¹⁴³.

Русское правительство проводило активную ассимиляционную политику, проявлявшуюся, в частности, в насаждении православия. «Новокрещенов» на несколько лет освобождали от податей, а для «упорствующих язычников» подати, наоборот, увеличивались. Священников сопровождали воинские команды, которые иногда не останавливались перед насилием и разорением языческих деревень. В целях приобщения местного населения к христианству была создана удмуртская письменность на основе кириллицы, и в 1786 г. была издана Библия на удмуртском языке. Однако грамотность среди удмуртского населения распространялась очень медленно; начале XX в. доля грамотных среди взрослого населения составляла лишь 7%¹⁴⁴.

В Башкирии сопротивление местного населения до 1740-х гг. делало русскую земледельческую колонизацию практически невозможной. Воинственные и свободолюбивые башкиры отвечали восстаниями на попытки занятия их земель и увеличение ясака; особенно большие восстания имели место в 1662-1664, 1681-1684 и 1704-1711 гг. Русское присутствие в Башкирии в это время ограничивалось гарнизонами в нескольких крепостях, куда башкиры сами доставляли положенное количество ясака – в основном, пушнины¹⁴⁵.

Вхождение Урала в состав обширного Российского государство обусловило значительную интенсификацию диффузионных процессов. Распространявшиеся в Западной и Центральной Европе завоевательные и диффузионные волны стали непосредственным образом сказываться на историческом развитии далекого Уральского региона. С началом Нового времени наступила эпоха, когда развитие военных технологий стало немыслимо без развития промышленности. В XVII веке в Европе распространялась диффузионная волна, вызванная созданием шведской легкой артиллерии и победами короля Густава Адольфа. Эта

¹⁴³ Там же С. 51, 201.

¹⁴⁴ Там же С. 84, 107-108, 267

¹⁴⁵ См. История Башкортостана С. 179-220.

волна дала первый толчок развитию российской металлургии, выразившийся в создании чугунолитейных заводов в Туле и Пыскорского медеплавильного завода на Урале. Следующая диффузионная волна, пришедшая в Россию в конце XVII в., была обусловлена появлением снабженной штыком фузеи и созданием новой линейной тактики. Освоение этой тактики и создание регулярной армии европейского образца стало целью реформ Петра I. Необходимость обеспечить эту армию мощной артиллерией и пехотным оружием стала причиной создания комплекса металлургических и оружейных заводов на Урале – заводов, которые на столетия определили экономический облик региона.

Горные заводы строились на землях, принадлежавших башкирским племенам, что вызвало сопротивление кочевников. В 1734 г. российское правительство приступило к осуществлению масштабного плана по окончательному подчинению обширных территорий от Волги до Урала. Предусматривалось создание Оренбургской губернии и строительство 26 крепостей, которые обеспечили бы горнозаводскую и земледельческую колонизацию края; в Башкирию были отправлены значительные контингенты регулярной армии. Ответом башкир были два больших восстания, в 1735-1740 и 1755-1756 гг. При подавлении этих восстаний погибла значительная часть башкирского населения, десятки тысяч башкир бежали в казахские степи¹⁴⁶.

После подавления башкирских восстаний начался процесс земледельческой колонизации края. Русские дворяне переселяли на пожалованные им башкирские земли своих крепостных из центральных уездов. Горнозаводчики, чтобы обеспечить свои предприятия рабочей силой, покупали тысячи крепостных и привозили их на Урал. Испытывавшие недостаток земли государственные крестьяне нечерноземных губерний переселялись на Урал по собственной инициативе и с молчаливого разрешения властей. В Башкирию переселялись и татары, страдавшие на своей родине от земельной тесноты. К концу XVIII в. переселенцы уже превосходили своей численностью башкирское население, которое значительно уменьшилась в результате подавления восстаний¹⁴⁷.

¹⁴⁶ Там же. С. 221-261.

В послепетровский период диффузионное влияние Западной Европы привело к усвоению русским дворянством аристократических традиций Запада – в том числе стремления к роскоши. За роскошь дворянства пришлось расплачиваться крепостным крестьянам, повинности которых быстро росли, а социальное положение было низведено до положения рабов. В Приуралье было много крепостных, переведенных сюда своими помещиками, а на горных заводах крепостные составляли почти половину работных людей¹⁴⁷. В этих условиях в 1773 г. на Южном Урале вспыхнуло восстание Пугачева. Оно было начато оренбургскими казаками, поднявшимися на защиту своих вольностей, но было поддержано крепостным населением деревень и заводов, а затем к нему присоединились башкиры, стремившиеся вернуть отнятые у них земли. Восставшие сожгли все заводы Оренбургской губернии и двинулись за Волгу поднимать крепостных Центральной России – но в конечном счете, потерпели поражение.

Участие башкир в восстании Пугачева было последней попыткой кочевников отстоять свои земли от русской промышленной и земледельческой колонизации. В первой половине XIX в. эта колонизация приняла небывало широкие масштабы; за полвека население Оренбургской губернии увеличилось почти в три раза; в 1850 г. башкиры составляли лишь пятую часть населения края. Башкиры утратили большую часть земель и уже не могли, как прежде, вести экстенсивное скотоводческое хозяйство. Основная часть башкирского населения Оренбургской губернии перешла к земледелию, заимствуя у русских поселенцев их методы ведения хозяйства. Полукошачье скотоводство преобладало лишь в юго-восточных степях¹⁴⁸.

Первая половина XIX в. ознаменовалась новым технологическим переворотом, так называемой промышленной революцией. Это была целая серия фундаментальных открытий; появление паровой машины, пароходов и железных дорог, фабрик, оснащенных разнообразными станками, глубоко изменило жизнь людей. Промышленная революция дала в руки Запада новое оружие, винтовку, которая обеспечила победу Англии и Франции в Крымской войне. В Россию

¹⁴⁷ Там же С. 265-266

¹⁴⁸ Там же С. 303

¹⁴⁹ Там же С. 341, 367

пришла диффузионная волна перенимания западной промышленной технологии и западных социальных порядков, что привело к Великим реформам и сыграло большую роль в освобождении крестьян. На Урале, помимо освобождения крестьян, эти перемены проявились в создании оснащенных новой техникой промышленных предприятий, в том числе выпускавшего пароходы Воткинского судостроительного завода. В 1875–1878 гг. была построена первая на Урале большая железная дорога, соединившая Пермь и Екатеринбург.

Помимо технологического фактора, на развитие Российской империи действовал и демографический фактор. Его влияние проявлялось в росте населения, который приводил к нехватке пахотных земель, к аграрному перенаселению и падению потребления. Во второй половине XIX в. среднее душевое потребление в Центральной России находилось на уровне минимально допустимой нормы. В условиях большого разброса в величине крестьянских наделов это означало, что примерно половина населения находилось в условиях постоянного недоедания. Ситуация осложнялась тем, что Центральная Россия была областью наибольшего развития помещичьего землевладения, поэтому крестьянское малоземелье порождало здесь лозунг «черного передела» и конфискации помещичьих земель¹⁵⁰.

В окраинных областях Российской империи – и в том числе на Урале – положение было иным, здесь было достаточно земли и пастбищ, а помещичье землевладение было неразвито. Если в Тамбовской губернии средний крестьянский надел составлял 7 дес., то в Вятской губернии – 16,0 дес., Пермской губернии – 15,8 дес., а в Оренбургской губернии – 28,8 дес.¹⁵¹ Некоторая нехватка земли ощущалась лишь в западной части Уральского региона, в Уфимской губернии и Прикамье. В целом уровень потребления крестьян на Урале был значительно выше, чем в центральных районах, поэтому здесь не было столь острых социальных конфликтов, как в Центральной России.

Согласно неомальтузианской теории, аграрное перенаселение Центральной России должно было вызвать *экосоциальный кризис* –

¹⁵⁰ См. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. II М., 2011 С. 330-337.

¹⁵¹ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России СПб., 1907 С. 102, 103, 105, 125

крестьянские восстания, революцию и гражданскую войну. Русская революция проходила под лозунгами «Земля и воля!», «Земля – народу!», а гражданская война была, по существу, крестьянской войной, в которой крестьянство Центральной России сражалось за землю. Но для обеспеченного землей уральского крестьянства революция и гражданская война была, в основном, сторонним конфликтом; крестьянство было вовлечено в этот конфликт лишь постольку, поскольку оно протестовало против бесконтрольных реквизиций «белых» и продразверстки «красных».

После окончания экосоциального кризиса, согласно демографически-структурной теории, должна была наступить фаза восстановления. Теория утверждает, что после окончания войн и революций должны наблюдаться увеличение крестьянских наделов, уменьшение хлебных цен и ренты, увеличение потребления, повышение уровня жизни, и в результате – ускоренный рост населения. На структурном уровне кризис означает гибель значительного числа крупных собственников и уравнильное перераспределение собственности или ее огосударствление¹⁵².

Как было показано в одной из работ автора¹⁵³, эти характерные черты фазы восстановления действительно наблюдались в СССР в 1920-х годах. Раздел помещичьих земель привел к увеличению потребления крестьян примерно на 20-40%. Эпоха нэпа была самым сытым временем в жизни крестьянства, когда душевое потребление продуктов питания составляло около 3000 ккал в сутки (больше, чем в наше время), а налоги не превосходили 4% чистого дохода¹⁵⁴.

Характерные черты периода восстановления в наибольшей степени проявлялись в Центральной России. Поскольку уровень жизни на Урале и прежде был удовлетворительным, увеличение потребления здесь было не столь значительным. Однако за счет относительно-

¹⁵² См. Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007 С. 99-101.

¹⁵³ См. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009

¹⁵⁴ Там же. С. 121-122, 130. В 2005-2010 гг. среднее потребление, подсчитанной по той же методике, что и для 1920-х гг. составляло 2820 ккал в день. Подсчитано по: Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации - http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_1286360627828

го многоземелья доходы уральских крестьян оставались примерно на треть выше, чем в Центральном Черноземье¹⁵⁵.

Уровень потребления крестьян повысился, но, поскольку численность населения восстановилась уже к 1926 году, то в деревне снова образовался избыток рабочих рук. Перенаселение деревни проявлялось в измельчании крестьянских наделов, в большом числе безлошадных хозяйств, в падении производительности крестьянского труда. Аграрное перенаселение носило сезонный характер: в период уборки урожая, один месяц в году, деревня испытывала недостаток рабочей силы, но большую часть года десятки миллионов крестьян оставались без дела¹⁵⁶.

Вслед за революцией, коллективизация стала еще одним проявлением вмешательства внешних факторов в жизнь уральской деревни. На этот раз внешний фактор был проявлением глобального европейского демографически-структурного кризиса. Кризис, обусловленный перенаселением и недостатком ресурсов, в первой половине XX в. имел общеевропейский характер: он породил не только русскую революцию, но и две мировые войны. В этой обстановке военная угроза извне требовала создания мощной промышленности, что было возможно лишь посредством механизации сельского хозяйства и высвобождения миллионов сельских тружеников, которых планировалось направить в промышленность. С другой стороны, для того, чтобы обеспечить массы новых промышленных рабочих, требовалось отнять большую часть урожая у оставшихся в деревне крестьян. Это не могло не вызвать сопротивления крестьян, которое привело к «аграрной стачке» 1932 года и последовавшему за ней голоду.

Несмотря на эти трагические обстоятельства, коллективизация достигла своей цели: в 1926-1939 гг. из деревень в города переселилось 18,5 млн. человек. На Урале, который был одним из основных центров промышленного строительства, число переселенцев состави-

¹⁵⁵ Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. С. 130.

¹⁵⁶ См. Струмилин С. Г. Социальные проблемы пятилетки // На плановом фронте 1920-1930. М., 1958. С. 453.

ло 600 тыс. и еще примерно 800 тыс. человек прибыли из других регионов. Городское население региона увеличилось почти в три раза, а его доля во всем населении возросла с 20 до 47%¹⁵⁷.

Великая Отечественная война привела к эвакуации на Урал сотен промышленных предприятий и свыше миллиона рабочих. Урал стал «опорным краем державы», в годы войны он давал до 40% промышленной продукции СССР. Хозяйственный облик региона полностью изменился: сельское хозяйство и аграрные отношения отошли на второй план.

С окончанием войны окончился и европейский демографически-структурный кризис; проблема нехватки ресурсов была решена через посредство аграрной модернизации и либерализации торговли. В СССР возобновился период восстановления, прерванный Второй мировой войной. Освоение целины и применение минеральных удобрений обеспечили рост потребления продуктов питания вплоть до 1980-х годов. В этот период демографический фактор уже не определял направление общественного развития.

После создания ядерного оружия военное соперничество приобрело характер технологического соревнования; историю теперь определял, главным образом, технологический фактор. Урал стал одним из основных центров развития атомной промышленности и создания новых военных технологий. Однако, в конечном счете, Советский Союз проиграл технологическое соревнование. В 1980-е гг. на Западе произошла новая техническая революция: микроэлектроника, промышленные роботы, компьютеры, видеомагнитофоны стали символом превосходства западной цивилизации – не только военного, но и культурного превосходства. Новая мощная волна диффузионного влияния Запада подрывала идеологические устои советской власти – и Советский Союз не смог устоять перед этой волной¹⁵⁸.

¹⁵⁷ См. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации Тамбов, 2013. С. 50, 52.

¹⁵⁸ См. Алексеев В. В., Нефедов С. А. Гибель Советского Союза в контексте истории мирового социализма // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 74-76.

Таким образом, можно утверждать, что история Урала – так же как история других регионов и других стран – в значительной мере определялась взаимодействием трех факторов, демографического, технологического и географического. При этом история Урала является частью истории России, и ее понимание возможно лишь в контексте глобальных процессов, определявших течение российской и мировой истории.

УРАЛ В МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ

Формулировка проблемы. В современной языковой практике термин «Урал» – полисемантический. Им обозначаются различные географические объекты. Прежде всего – это горная система и экономический регион, также являющийся культурно-исторической областью, жители которой называют себя уральцами. Как правило, Уральский регион ассоциируется с Уральскими горами¹⁵⁹. Однако контуры данных объектов не совпадают. Уральские горы представляют собой сравнительно узкую полосу шириной от 50 до 200 км, протянувшуюся на 2600 км с севера от побережья Карского моря на юг до пустыни Большие Барсуки в Казахстане (некоторые специалисты к системе Уральских гор относят также о. Вайгач и Новую Землю).

Границы Уральского региона определить сложнее. Историографическая традиция рассматривает досоветский Урал в границах четырех губерний – Пермской, Вятской, Оренбургской и выделенной в 1864 г. из состава последней Уфимской; Урал советского и постсоветского времени – в границах Свердловской, Пермской, Челябинской и Курганской областей, Башкирской и Удмуртской республик.

Единым территориально-административным образованием Урал никогда не являлся. Существовавшая в 1923–1934 гг. Уральская область и ныне функционирующий Уральский федеральный округ очевидно, не могут считаться структурами, объединяющими весь Уральский регион. Они включают обширное пространство Западно-Сибирской равнины, которое, как правило, с Уралом не ассоциируется (хотя и тяготеет к нему вследствие направлений транспортных коммуникаций); но при этом за их границами оказались территории, которые обычно воспринимаются как «исконно» уральские: в 1920-е – 1930-е гг. – это Башкирия и Оренбургский округ Средневолжского

См. напр. Серединный регион: теория, методология, анализ Екатеринбург, 2009 С. 53-69.

края, сейчас – это в целом все Приуралье – Пермский край, Удмуртия, Башкирия и Оренбургская область.

Единственным территориальным образованием, полностью включавшим то пространство, которое считается Уралом, была Уральская горная область, созданная в 1824 г. для управления горнозаводской промышленностью и просуществовавшая до 1917 г. Она охватывала территорию шести губерний – Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской, Казанской и Вологодской и двух областей – Тургайской и Акмолинской. Но по сложившейся традиции Урал представляется не столь обширным пространством. Урал – это, прежде всего, территория, на которой горнозаводская промышленность оказывала существенное влияние на экономику. Таким образом, Уральский регион – это регион, возникший вследствие развития горнозаводской промышленности, результат специализации в системе национального и мирового хозяйства.

Если принять традиционное представление о контурах Урала, то его территория простирается с севера на юг на 1000-1200 км по широте Северного, Среднего и Южного Урала; с запада на восток – на 800-1000 км – от бассейна р. Камы до левых притоков р. Тобола, т.е. тех рек, которые берут начало в Уральских горах. Уральский регион не включает Полярный, Приполярный Урал и Мугоджары, но при этом «уральскими» считаются обширные равнинные пространства Приуралья и Зауралья. Различия в конфигурации Урала– региона и Урала-горной системы обусловлено тем, что регион возник в период русской колонизации XVI–XIX вв. в результате хозяйственного освоения данного пространства. За его пределами остались территории, недоступные для промышленной колонизации.

Однако, простой специализации не достаточно для того, чтобы сложилось представление об определенной культурной общности – Урале и уральцах. Необходимо было провести «стирание» древних рубежей и «перелицовку» пространства. Для того чтобы на месте средневековых Перми Великой, Пелыма, Башкирии, Угории, Югры и Сибири возник Урал, данное пространство должно было войти в состав Русского государства, и оно должно было быть заселено русски-

ми и иными некоренными народами. То есть Урал – это результат российской колонизации (прежде всего – промышленной) XVI–XIX вв.

Очевидно, что любое специализированное хозяйство вплетено в систему экономических связей; оно получает ресурсы, производит продукцию, отправляет ее потребителям. Вне связей находится только полная автаркия, примером которой может служить экономика Робинзона Крузо. Любое иное хозяйство, даже натуральное, но отдающее часть продукта в виде дани или оброка, либо знакомое с бартерным обменом, должно рассматриваться в системе хозяйственных связей. Если же речь идет о специализированном производстве, о его участии в отраслевом и региональном разделении труда, то такое хозяйство существует только в системе хозяйственных отношений, то есть отношений, которые имеют постоянный характер. Поэтому феномен Урала – региона, появление которого на карте было вызвано концентрацией горнозаводской промышленности и сопутствующих отраслей, не возможно понять без обращения к истории экономических отношений, рассматриваемых в пространственной проекции.

Урал до Урала: переселенческая колония. XV–XVII вв. в истории Урала рассматривается как период русской колонизации. Исходными пунктами колонизации были Вятка и Великий Устюг. Фактически, в это время районы Приуралья и Зауралья превратились в переселенческую колонию Русского Севера. Массовые миграции были обусловлены двумя причинами – это избыточное демографическое давление в уездах Поморья (относительно ресурсов и технологий ведения сельского хозяйства) и (с конца XVI в.) государственная политика по колонизации завоеванных территорий.

Пермь Великая. В XV в. русское население проникло на земли Перми Великой (район Верхнего Прикамья), которая до 1470-х гг. находилась в зависимости от Новгорода Великого, а затем стала данником Московского государства. В отношении Поморья Приуралье стало выполнять ряд функций. Во-первых, оно стало пространством для оттока избыточного населения. Положительный эффект проявился только в XVII в., – когда миграция приобрела значительные масштабы. Благодаря массовым переселениям черносошного населения на восток, в уездах Русского Севера возросла производительность труда,

товарность сельского хозяйства и увеличился объем хлебной торговли¹⁶⁰. Во-вторых, новый район служил источником сырья и рынком сбыта готовой продукции для ремесленных промыслов городов Поморья, в особенности Устюга, который, благодаря своему срединному положению, в XVI–XVII вв. стал крупнейшим торговым и промышленным центром на Русском Севере¹⁶¹. В-третьих, Приуралье послужило районом нового освоения для солеварения – традиционного промысла Русского Севера. В XV в. первые солеварни в Прикамье основали братья Калинниковы на р. Боровой, а затем на р. Усолке – «Усолье Камское», которое к XVII в. вырастет в г. Соликамск.

До конца XVI в. из-за постоянной угрозы со стороны кочевников масштабы русской колонизации бассейна р. Камы оставались невысокими. Во второй половине XVI в. геополитическая и геоэкономическая ситуация кардинально поменялась. Завоевание Казанского ханства в 1552–1556 гг. и добровольное вхождение в 1557 г. башкир в состав Русского государства минимизировало угрозу набегов и открыло прямой путь из центра Московского государства в Приуралье по Волге и Каме. Прямой выход к рынкам в Центральной России в совокупности с тем, что в XVI в. старые месторождения соли были заметно истощены, открывали широкие перспективы развития солеварения в Прикамье. Это вызвало приток капитала и труда из старых центров солеварения.

В Прикамье осели поморы-промышленники: Строгановы, Калинниковы, Г. Никитников и др., они организовали промыслы и сбыт продукции в центральную Россию. Солеваренные промыслы и сплав караванов с солью стали центром притяжения гулящих людей из Поморья, «что часто приводило к оседанию новоприходцев на промыслах». К началу XVIII в. все население Прикамья составляло около 60 тыс. человек.

В XVII в. Приуралье заняло лидирующие позиции в добыче соли в России. Соль сплавлялась по Каме и Волге до Нижнего Новгорода на барках, а отсюда расходилась по всей России. В XVIII–XIX вв. данный маршрут станет основным для вывоза металла с уральских

¹⁶⁰ Пресображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. М., 1972.

¹⁶¹ Там же.

заводов. В конце XVII в. более 200 варниц Соли Камской и ее уезда ежегодно производили до 7 млн. пудов соли, что составляло 70% всей добываемой в России соли.

В XVII в. Соликамск, благодаря соледобыче, а также перекрестку путей (здесь начиналась Бабинова дорога – единственный легальный путь в Сибирь на широте Среднего Урала в XVII в.), стал крупнейшим торговым, военно-административным и религиозным центром Приуралья. Прежняя столица Перми Великой – Чердынь в XVII в. постепенно угасала. С установлением коммерческих контактов с Китаем, Соликамск превратился в посредника в торговле между Москвой и Пекином.

Вторым быстрорастущим торговым центром Прикамья стал Кунгур. Кунгурский уезд был образован в 1648 г. на плодородных землях р. Сылвы. Во второй половине XVII в. население уезда возросло в 12 раз, а площадь пашни в 5 раз. Кунгурский уезд стал основным поставщиком сельскохозяйственной продукции солеваренным промыслам Прикамья. Благодаря заливным лугам в долине Сылвы, он превратился в центр товарного животноводства (площадь сенокосов здесь в 18 раз превышала площадь пашни), кунгурские кожи отправлялись на переработку в кожевенные центры страны – Ярославль и Казань¹⁶². На хлеботорговле и кожевенном промысле Кунгур будет специализироваться вплоть до начала XX в.

Заврале. Разгром Сибирского ханства в конце XVI в. открыл новые перспективы хозяйственного развития, которыми в полной мере постаралось воспользоваться государство. Завоевание всего огромного пространства от Урала и до Охотского моря прошло в поразительно короткий срок. Со времени выступления в поход дружины Ермака и до появления казаков на берегу Охотского моря прошло около 60 лет, т.е. в 1580-е – 1640-е гг. русское государство расширялось на восток со скоростью около 70 км в год, преодолевая сопротивление местного населения, отстраивая города, создавая систему управления, систему снабжения людьми, оружием, продовольствием. И все это – в весьма непростое время: поражение в 20-летней Ливонской войне, эпидемия чумы, неурожаи начала XVII в., династический кризис, вылившийся

¹⁶² История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 178, 179, 183, 184, 191.

в Смуту, восстановление страны после Смутного времени. В таких условиях экспансия на восток, отнимавшая значительные ресурсы, должна была иметь веские мотивы. Политические причины – вражда с Кучумом и его наследниками – может объяснить завоевание территории до Оби; дальнейшее продвижение на восток сложно объяснить «инерцией».

Возможно, ключевым фактором экспансии Российского государства в восточном направлении в XVI–XVII вв. являлся пушной промысел. До XVIII в. Россия не имела на своей территории разведанных месторождений серебра и золота. Вся звонкая монета поступала от экспортных операций при активном сальдо внешней торговли. В середине XVI в. сложилась благоприятная конъюнктура – было организовано прямое сообщение с Западной Европой через Белое море, в результате чего существенно вырос спрос на рынках Европы на «мягкую рухлядь», особенно на соболя. На полтора века пушнина превратилась в важнейшую статью русского экспорта и государственного бюджета.

В течение второй половины XVI в. на Русском Севере соболь был истреблен. Помимо этого, с 1550-х гг. английские и голландские промышленники пытались проникнуть и закрепиться в районе Обской губы. Стремление сохранить монополию в торговле пушниной и поиск новых охотничьих угодий толкали Россию к широкомасштабной экспансии¹⁶³. Хищническая добыча соболя приводила к быстрому «испромышлению» охотничьих угодий, что вынуждало осваивать все новые земли. Во второй половине XVII в. истощение охотничьих угодий стало сказываться на поступлениях в бюджет. Если в 1640–1650-е гг. пушной промысел обеспечивал 20% доходов Московского государства, то в 1680-е гг. – около 10%¹⁶⁴. Серьезный удар по «пушной экономике» России в это время был нанесен англичанами и французами, освоившими охоту на бобра и лисицу в Северной Америке, вследствие чего в Европе спрос на сибирского соболя упал. В начале XVIII в. «мягкая рухлядь» отошла на второстепенные роли в экономике страны.

¹⁶³ Чернышев С. А. Присоединение Западной Сибири к русскому государству в XVI–XVII вв. торгово-экономический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 107

¹⁶⁴ Вилков О. Н. Пушной промысел в Сибири // Наука в Сибири. 1999. № 45. 19 ноября.

Покорение Сибири требовало привлечения огромных ресурсов. Ключевую роль играло продовольствие, которым надо было обеспечивать гарнизоны сибирских городов. В 1580-1610-х гг. оно доставлялось из районов Поморья, Вятки и Перми Великой. Эти поставки были нерегулярны, что сказывалось на эффективности контроля за покоренной территорией. С завершением эпохи Смуты государство озабочилось созданием собственной продовольственной базы за Уралом. «В течение XVII в. такая база была создана в виде многочисленных крестьянских поселений Верхотурско-Тобольского земледельческого района»¹⁶⁵ по правым притокам р. Туры. В 1620-40-х гг. была освоена р. Ница с притоками, во второй половине XVII в. – долины Пышмы, Исети и Миасса. Примерно 2/3 слобод в Зауралье было основано воеводской администрацией. «Вольные и охочие люди» и насильственно переведенные на поселение на пашню государственные крестьяне становились пашенными крестьянами, несшими повинности в виде отработки государевой десятинной пашни. 1/3 слобод была основана «слободчиками». Население этих слобод платило государству оброк хлебом или деньгами. В конце XVII в. в Верхотурско-Тобольском районе (Зауралье и несколько слобод по Вагаю и Ишиму) насчитывалось более 70 острогов, слобод и погостов, в которых проживало более 40 тыс. чел, в т.ч. 76% крестьянского населения Сибири, на долю которого приходилось 60% государевой десятинной пашни и 98% оброчного хлеба. «Как следствие огромных успехов развития русского земледелия в Зауралье в 1685 г. были отменены поставки хлеба в Сибирь из европейской части России»¹⁶⁶.

В XVII в. не наблюдалось явных предпосылок интеграции Приуралья и Зауралья в единое пространство. Более того, с самого начала освоения Сибири государство попыталось поставить под свой контроль миграции и перемещение ресурсов через Урал. Первоначально дорога в Сибирь проходила по рр. Вишере и Сосьве. В 1597 г. посадский человек А. Бабинов открыл прямой сухопутный маршрут от Соликамска через горы, сокративший путь на 600 км. В конце до-

¹⁶⁵ Россия в XVII – начале XX в региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006. С. 156.

¹⁶⁶ Там же. С. 160.

роги на р. Туре был основан город Верхотурье. Бабинова дорога стала главной магистралью на полтора века – до отмены внутренних пошлин при Елизавете Петровне. Иные пути из Руси в Сибирь в XVII в. на широте Среднего Урала были официально запрещены, однако они достаточно активно использовались как местным населением, так и торговцами. По мнению Е.В. Вершинина, ярмарка в Ирбитской слободе сложилась стихийно, «пройдя «неуказной» дорогой в Зауралье, часть торговых людей предпочитала не появляться в Тюмени или Тобольске, где с них могли потребовать свидетельства об уплате пошлин в Верхотурье»¹⁶⁷

Что же касается металлургии, детерминировавшей становление Уральского региона XVIII–XX вв., то в XVII в. железодельные промыслы (Ницынский завод, Красноборский завод на Вишере, железный промысел Долматовского монастыря, промыслы в Алапаевской, Арамашевской, Арамильской, Камышловской слободах, в районе Кунгура и Соликамска и др.) в основном обслуживали крестьянскую округу и солеваренную промышленность, и базировались на традиционных технологиях изготовления сыродутного железа. Государство, не имевшее собственных источников меди, серебра и золота, было заинтересовано в развитии цветной металлургии. С конца XV в. оно организовывало геологоразведочные экспедиции при участии иностранных специалистов. Несколько исследований минеральных богатств в XVII в. было проведено на Урале¹⁶⁸. До стадии промышленного производства был доведен только один проект: в 1634 г. был построен первый в России медеплавильный завод – Пысковский, который проработал около 20 лет¹⁶⁹

Таким образом, в бассейнах р. Камы (Пермь Великая) и р. Туры (Верхотурско-Тобольский район) в XVII в. шел процесс формирования двух регионов, для которых Уральский хребет являлся естественной границей. Район Прикамья – Пермь Великая обладает всеми признаками сложившегося региона. Он специализировался на произ-

¹⁶⁷ Там же. С. 172

¹⁶⁸ Курласв Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М., 2005.

¹⁶⁹ Роль эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2014. С. 135.

водстве как готовой продукции – соли, так и сырья – кож, мехов, которые поставлялись в уезды Центральной России; имел внутреннюю структуру: функции промышленного и торгового центра выполнял Соликамск со своими варницами, функцию поставщика сельскохозяйственной продукции – Кунгурский уезд. Зауралье являлось частью Сибири, ее хлебопроизводящим районом. Что касается Южного Урала, то в XVII в. населявшие его башкиры жили традиционным укладом, и их участие в делах России ограничивалось выплатой ясака. Попытки усилить степень контроля наталкивались на упорное сопротивление.

Формирование этих регионов базировалось на традиционных технологиях и массовых миграциях населения из Русского Севера. В XVIII в. данный процесс прервется. Особая роль Зауралья как поставщика хлеба будет нивелирована с развитием сельского хозяйства в Южной Сибири. Лидерство Прикамья в соледобыче было подорвано государственной политикой (в первой половине XVIII в. трижды вводилась и отменялась государственная монополия на продажу соли, в результате чего добыча «пермянки» к 1760 г. упала до 700 тыс. пуд.) и освоением месторождений самосадочной соли на нижней Волге. Тем не менее, «пермянка» занимала значительное место в солеваренном промысле России. В середине XIX в. на частных промыслах Прикамья и на Дедюхинском казенном заводе вываривалось 4-8 млн. пуд соли (20-27% общероссийского производства)¹⁷⁰.

Становление Урала: промышленная колонизация. В 1701-1706 гг. после проведенных геологоразведочных и лабораторных исследований, показавших высокое качество руд Зауралья, государством было построено пять заводов для производства вооружения: Каменский и Невьянский чугуноплавильные, Алапаевский и Уктусский чугуноплавильные и железоделательные и Тобольский оружейный завод – первое в России государственное предприятие данного профиля. По мнению Е.А. Курлаева, изначально заводы строились для укрепления позиций России на сибирских рубежах (в 1680-1690-х гг. резко обострились противоречия Джунгарского ханства с соседями). Но неудачное начало

¹⁷⁰ О соляном промысле в России // Памятная книжка русских горных людей. Год первый СПб., 1862. С. 90-94. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 27.

Северной войны заставило поменять планы – продукция заводов была направлена на запад. Первый караван с продукцией Каменского завода был отправлен весной 1702 г. по р. Чусовой. Чусовая – это единственная река, которая берет начало в Зауралье, протекает горный хребет и впадает в Каму. Она на два столетия стала основным путем для транспортировки продукции горнозаводской промышленности Урала.

В 1705 г. из-за низкого качества выпуск артиллерийских орудий на Урале был прекращен. С этого времени участие уральских заводов в военном производстве ограничивалось поставками боеприпасов, чугуна и железа военным заводам и адмиралтействам. В XVIII в. во время внешнеполитических кризисов наряды на боеприпасы увеличивались, предпринимались попытки вновь организовывать литье орудий. Однако из-за низкого качества продукции, высоких транспортных издержек и развитого военного производства в западных, южных и центральных районах страны, производство вооружения на заводах Урала, как правило, в течение нескольких лет сворачивалось. Снабжение металлом государственных предприятий при Петре I было возложено на частные заводы, оно являлись формой натуральной платы за предоставленные государством земли и рабочую силу¹⁷¹

В соответствии с господствовавшими в XVIII в. меркантилистскими установками государство рассматривало свои заводы в качестве источника дохода от экспортных операций – до 80% казенного железа вывозилось за границу. В 1720-1730-х гг. под руководством В.Н. Татищева и В. де Геннина 18 казенных заводов¹⁷², которые решили проблему обеспечения казны медью, игравшей, помимо всего прочего, важную роль в монетарной системе страны, превратились в важный источник пополнения бюджета. По данным С.Г. Струмилина в 1730-х гг. казенные заводы приносили государству 70 – 100 тыс. руб. прибыли¹⁷³. Крупнейший из казенных заводов – Екатеринбургский – стал местом размещения Сибирского обер-бергамта. В 1727 г. в Екатеринбурге был организован монетный двор, который стал основным производителем медной монеты в России.

¹⁷¹ ПСЗ I. Т. 17 № 12453.

¹⁷² Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. *Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней* М., 2008. С. 339

¹⁷³ Струмилин С.Г. *История черной металлургии в СССР* М., 1954 С. 245.

Эффективность казенных заводов, рассматривавшихся государством преимущественно в качестве источника поступления средств в казну, зависела от способностей администраторов. После отстранения в 1737 г. В.Н. Татищева от управления заводами, они стали приходить в упадок. В 1738 г. при решении вопроса о передаче Гороблагодатского месторождения Штенбергу Высочайше учрежденная комиссия приняла решение: частные лица будут «более пеших о выгодах своего достояния, могут успешнее сбывать заводские изделия, продавая их не на одни наличные деньги, но отпуская также в кредит и выменивая на товары; они не будут обременять заводы ни обширным управлением, ни сложным счетоводством»¹⁷⁴. Руководствуясь этим решением в 1754, 1756, 1759 гг. казенные заводы были переданы представителям аристократии, однако большинство новых владельцев оказалось не способно вести заводское хозяйство. В течение 10–20 лет заводы перешли в руки купцов или были возвращены в казну. Тем не менее, у комиссии, принимавшей решение о приватизации, был наглядный пример эффективной работы казенных предприятий и ресурсов переданных в частные руки – хозяйство Демидовых¹⁷⁵.

В 1702 г. Невьянский завод был передан тульскому оружейнику Н.Д. Антуфьеву-Демидову за обязательство снабжать Адмиралтейство «с убавкою вполы» металлом и боеприпасами. В 1716 г. Н. Демидов впервые организовал экспорт железа в Европу. Эта операция оказалась настолько удачной, что уже в 1718 г. в Англии был издан первый закон, вводивший повышенные пошлины на русский металл. Благоприятная конъюнктура подтолкнула к активному заводскому строительству. В 1716–1725 г. Н. Демидов «завел» пять заводов. В следующие 20 лет его старший сын Акинфий построил еще 19 заводов. Младший сын Никита построил три и купил один завод. К середине XVIII в. предприятия Демидовых выпускали больше металла, чем предприятия казны.

Строительство заводов велось под наблюдением опытных специалистов, как русских (из Тулы и Олонца), так и иностранных.

¹⁷⁴ Цит. по: Чебышев К. О снабжении артиллерии металлами и механическими изделиями с казенных горных заводов // АЖ. 1867. № 4 Отдел неофициальный I С. 635

¹⁷⁵ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989 С. 272–273.

В новых заводах были аккумулированы новейшие достижения техники и технологии металлургического производства: двигателями служили мощные верхнебойные колеса, строились самые большие в мире доменные печи, передел чугуна в железо осуществлялся прогрессивным немецким способом (в сравнении с валлонским – применявшимся на тульских заводах), использовались плющильные машины – прообраз будущих прокатных станов, была разработана технология выплавки чугуна из магнитного железняка.¹⁷⁶ Препятствием к созданию эффективного предприятия мог послужить недостаток капитала (небольшие заводы мелких предпринимателей оказывались неконкурентоспособны и быстро закрывались), дефицит трудовых ресурсов и отсутствие рыночной инфраструктуры.

Недостатки инфраструктуры компенсировались созданием многопрофильных хозяйств, «базирующихся на латифундиальной земельной собственности»¹⁷⁷ Государство отводило под будущий завод значительные земельные площади, которые должны стать его топливной базой (леса) и обеспечить источники минерального сырья. Проблема нехватки кадров мастеровых и работных людей была решена государством при помощи института приписки. Государственные приписные крестьяне стали основной рабочей силой в первой половине XVIII в., на Среднем Урале к заводам было приписано 70% крестьян¹⁷⁸ Данная государственная политика хорошо согласуется с тем положением меркантилистской доктрины, согласно которому государственная власть обязана поддерживать создание и развитие обрабатывающих производств с целью обеспечения условий роста экономики как за счет внутреннего рынка, так (и это главное) за счет обеспечения активного баланса во внешней торговле.

Дешевая рабочая сила, новейшие технологии, дешевое топливо, обилие богатых руд в совокупности обеспечили низкую себестоимость продукции и, соответственно, высокую норму прибыли. Во вто-

¹⁷⁶ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 342-345

¹⁷⁷ Россия в XVII – начале XX в. региональные аспекты модернизации. Екатеринбург: 2006. С. 194

¹⁷⁸ Черкасова А.С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII веке (К истории становления пролетариата). Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1983. С. 17

рой четверти XVIII в. развернулось строительство заводов частными предпринимателями – Строгановыми, Осокиными, Тряпициным и др.

В 1740-х гг. началась промышленная колонизация Северного и Южного Урала. В 1730–1750-х гг. Башкирия была окружена цепью фортификационных сооружений¹⁷⁹ с севера, востока и юга с целью «замирить» башкир; изолировать их от возможной поддержки калмыками и казахами; начать разработку уже известных месторождений меди и соли; открыть торговые пути в богатые золотом Среднюю Азию и Индию. После того как было подавлено восстание башкир и Берг-коллегия в 1744 г. разрешила приобретать у башкир землю под строительство заводов, началось активное освоение Южного Урала. В 1745–1781 гг. здесь было построено 38 заводов. В 1760–1770-х гг. на Северном Урале М.М. Походяшин построил Петропавловский и Богословский заводы, которые стали выплавлять около 1/5 всей уральской меди. Активное строительство продолжалось на Среднем Урале и в Приуралье. Во второй половине XVIII в. предприниматели, привлеченные высокими прибылями в отрасли, как правило, строили заводы без прямой поддержки государства на собственных землях силами собственных крепостных.

Всего в 1741 – 1800 гг. частными предпринимателями – купцами и аристократами – было построено 113 заводов, казной – только три. За это время производство чугуна выросло в 8 раз (с 1 млн. пуд. до 8 млн пуд.), железа в 7 раз (с 700 тыс. пуд. до 5,4 млн. пуд.), меди в 5 раз (с 37 тыс. пуд. до 180 тыс. пуд.). К концу XVIII в. на долю Урала приходилось 4/5 общероссийского производства чугуна, 9/10 – железа и почти 100% – меди; а в масштабах мировой экономики – 27% чугуна и 20-27% меди¹⁸⁰

Бурному развитию черной металлургии на Урале способствовала благоприятная конъюнктура. До середины столетия рост производства осуществлялся преимущественно на основе внутреннего рынка, обеспечивавшего стабильный спрос и прибыль порядка 70-130%. Основным потребителем на внешнем рынке в этот период была Гол-

¹⁷⁹ 53 крепости, 40 редутов и форпостов (Худайгулов Т.С. Башкирское восстание 1755-1756 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук Уфа, 2008 С. 17

¹⁸⁰ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 354.

ландия. В 1740–1780-х гг. ситуация изменилась – рост производства железа обеспечивался растущим спросом в Европе и, прежде всего, в Англии. В европейских странах вследствие истощения лесов, служивших источником древесного угля, обозначились пределы роста металлургии. Особенно остро эта проблема стояла в Англии, осуществлявшей промышленный переворот и производившей при этом в год только 1,2–1,5 млн. пуд. железа. В 1738–1781 гг. экспорт вырос в 12 раз – с 300 тыс. пуд. до 3,6 млн. пуд. В 1754–1793 гг. вывоз русского железа в Англию вырос в 6 раз – с 375 тыс. пуд. до 2,2 млн. пуд., а ее доля в российском экспорте возросла с 50% до 74%. Но с 1793 г. успехи промышленного переворота, распространение технологий производства чугуна на каменном угле и железа в пудлинговых печах переломили ситуацию – спрос на импортное железо в Англии стал сокращаться¹⁸¹. В конце XVIII в. на первый план вновь выходит российский рынок. С 1781 до 1800 г. внутренний сбыт вырос в 7 раз – с 700 тыс. пуд. до 4,3 млн. пуд.

В XVIII в. практически вся медь потреблялась в России. Более половины выплавляемой меди шло на чеканку разменной монеты, остальная часть реализовывалась на внутреннем рынке (производство посуды, колоколов, артиллерийских орудий). В 1745 г. под Екатеринбургом было открыто первое месторождение самородного золота. Урал стал третьим в России, после Забайкалья и Алтая, золотодобывающим регионом. В 1745–1800 гг. на Березовских золотых промыслах было добыто около 240 пуд. золота¹⁸².

В XVIII в. определились контуры Урала. С севера, северо-востока и запада – это границы распространения горнозаводской промышленности – бассейн р. Камы, являвшейся основной транспортной артерией; на юге и юго-востоке – Оренбургская пограничная линия. Этот регион сложился в результате промышленной и военной колонизации¹⁸³. Ключевым фактором формирования региона послужил комплекс условий, на основе

¹⁸¹ Струмилин С.Г. Указ соч. С. 230.

¹⁸² Сапоговская Л.В. Национальная золотопромышленная политика XVIII – XX вв., или Нужно ли России золото? Екатеринбург, 2008. С. 22

¹⁸³ По мнению В.Г. Железкина, это был первый в мировой практике опыт масштабной промышленной колонизации (Россия в XVII - начале XX в. региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006. С. 194.)

которых возникла развитая горнозаводская промышленность. Сочетание месторождений полезных ископаемых, обилие лесов и горных рек, обеспечило уральским заводам абсолютное преимущество (в терминологии А. Смита) на мировом рынке железа. Если в первой трети промышленность насаждалась государством, преследующим свои внешнеэкономические и внешнеполитические цели, то затем процесс формирования комплекса горнозаводской промышленности управлялся законами рынка – благоприятная конъюнктура стимулировала рост производства. Горнозаводской Урал второй половины XVIII в. можно рассматривать как классический пример периферийного региона в мир-системной парадигме: используя подневольный труд мастеровых и работных людей, заводовладельцы обеспечивали центр мир-системы дефицитным сырьем – железом, а себя – сверхприбылями.

Между Европой и Азией: торговля и промыслы. Другим фактором, детерминировавшим специализацию региона, послужило его пограничное состояние – и как рубежа Европейской части России и Сибири, и как границы России и Средней Азии. Благодаря пограничному положению, здесь возникло несколько крупных центров посреднической торговли и переработки сырья, получаемого из Сибири, Средней Азии и Казахстана.

Ирбитская ярмарка являлась крупнейшей в восточной России и второй после Макарьевской. Она проходила ежегодно в февралемарте – когда заканчивался сезон добычи пушнины, а санный путь еще продолжал функционировать. Эта ярмарка специализировалась на посреднической торговле между Европейской Россией, Сибирью, Китаем и Средней Азией. Здесь формировались цены на пушнину и на китайский чай¹⁸⁴. Доля уральской продукции долгое время оставалась незначительной, только в середине XIX в. с развитием золотых промыслов в Сибири удельный вес товаров с Урала (кож, мыла, свечей) увеличился с 10 до 20%¹⁸⁵.

На возведенной в 1740-х гг. Оренбургской пограничной линии возникло три крупных центра торговли с Казахстаном и Средней Ази-

¹⁸⁴ Баянзина Н. П. Ярмарочная торговля Урала в пореформенный период // Ярмарки на Урале. История и современность. Кунгур, 2002. С. 4-5

¹⁸⁵ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М. 1989. С. 425.

ей: Оренбург, Троицк и Челябинск. Оренбургская меновническая ярмарка была второй по значимости на Урале. Среднеазиатские купцы поставляли золото, серебро, драгоценные камни, хлопок, шелк; казахи – скот и лошадей в обмен на ткани (ситец, сукно), пушнину, юфть, металлические товары и хлеб. В 1745–1755 гг. через Оренбург поступило 50 пуд. золота и 4,6 тыс. пуд. серебра¹⁸⁶.

Гурты скота из казахских степей перегонялись на Средний Урал, мясо продавалось в городах и заводах, кожа и сало шли в промышленную переработку. Кунгур был крупнейшим центром производства юфти— «русской кожи», которая шла на изготовление обуви. Часть изготовленной юфти возвращалась на оренбургскую линию и там продавалась азиатским купцам. В середине XIX в. кожевенный промысел получил развитие в Перми и Сарапуле.

Крупнейшим центром салотопенного промысла стал Екатеринбург. Наибольшая часть перетопленного сала шла на производство свечей, мыла и – с середины XIX в. – стеарина, а большая часть отправлялась в Петербург и на экспорт в Европу.

В конце XVIII в. Большой Сибирский тракт переместился с линии Соликамск – Верхотурье на линию Пермь – Кунгур – Екатеринбург. Это резко повысило значение городов, через которые прошла дорога. Расположенная на пересечении водного и сухопутного путей Пермь развивалась преимущественно как торговый и административный центр. Кунгур специализировался на выделке кож и хлебной торговле. Екатеринбург сохранял функции центра казенной горнозаводской промышленности (завод, монетный двор, гранильная фабрика) и центра переработки продуктов животноводства. Купцы постепенно угасавших Чердыни и Соликамска снабжали хлебом с Нижней Камы население Печеры¹⁸⁷

В начале XIX в. К.И. Арсеньев впервые в литературе обозначил Урал как особый регион. Он выделил «пространство Уральское» в границах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в числе десяти «пространств» Российской империи. Главным критерием для выделения Урала послужило наличие развитой горнозаводской про-

¹⁸⁶ Там же. С 287

¹⁸⁷ Там же. С 424.

мышленности. Это пространство, по его мнению, «было бы менее населено и менее важно в системе политического управления России, если бы недра Уральских гор не доставляли оному великих источников для народной промышленности и не привлекали бы работающего класса людей. Долины между горами и пространства по течению рек изобильны сенокосными лугами, питающими многие стада. Соляные ключи занимают великое число народа и дают новую важность сему краю»¹⁸⁸. В дальнейшем представления об очертаниях Урала неоднократно пересматривались¹⁸⁹

Начало XIX в. – 1880-е гг. – Горнозаводской Урал перед вызовами индустриализирующегося мира. В XIX в. уральская металлургия оказалась в том состоянии, в каком пребывала металлургия Западной Европы в XVIII в.: дефицит топлива, рост издержек производства и высокая стоимость продукции. За 80 лет выпуск железа в России вырос в три раза – с 5,4 млн. пуд. в 1800 г. до 17,9 млн. пуд. в 1880 г. В сравнении с европейскими странами, вступившими на рельсы индустриализации, этот результат оказался очень скромным. В первые годы XIX в. Россию по выделке железа и выплавке чугуна обогнала Англия, в 1825 г. – Франция и США, в 1855 г. – Германия и Австро-Венгрия. Доля России в мировом производстве черных металлов упала с 33% в 1790 г. до 10% в середине 1830-х гг. и 2% в 1880 г. Это был наименьший показатель нашей страны в мировом металлургическом производстве «за всю историю русской металлургии последних трех веков»¹⁹⁰.

Не выдерживая конкуренции дешевого металла, изготовленного в европейских странах на каменном угле, в первой половине XIX в. сократился удельный вес уральского железа на мировых рынках, а во второй половине XIX – начале XX вв. – на российском рынке.

Первым серьезным испытанием для металлургии стала континентальная блокада. Если в 1806 г. Россия экспортировала 2,2 млн. пуд. железа, то в 1809 г. – только 952 тыс. пуд. В результате сокраще-

¹⁸⁸ Арсеньев К. И. Начертания статистики российского государства. Часть первая. О состоянии народа СПб., 1818 С. 25.

¹⁸⁹ Серединный регион: теория, методология, анализ Екатеринбург, 2009 С. 70-159.

Иголкин А.А. Источники энергии. Экономическая история (до начала XX века). М., 2001 С. 77, 102.

ния вывоза в два раза снизились внутренние цены¹⁹¹. Это, в свою очередь, вызвало сокращение производства на одну четверть. Уровень 1801 г. «был превышен лишь в 1827 г.»¹⁹². В 1814 г. объемы экспорта были восстановлены (до 2,1 млн. пуд.), но затем экспорт железа сократился¹⁹³. В 1840-х гг. только Демидовы и Яковлевы, изготовлявшие самое качественное полосовое железо, вывозили свою продукцию в Европу и США, где она использовалась для производства стали. В 1850-х гг. экспорт железа в Европу практически прекратился¹⁹⁴. Около 300-400 тыс. пуд. вывозилось в страны Азии. Более того, во второй четверти XIX в. в целях защиты национального рынка от дешевого иностранного железа государством были установлены запретительно высокие таможенные барьеры.

В этих условиях государство свои предприятия переориентировало с производства продукции на экспорт на выполнение оборонных заказов, что потребовало переноса новейших европейских технологий. В первой половине XIX в. широкое распространение получила практика приглашения на службу иностранных специалистов. При их содействии было организовано производство стрелкового оружия в Ижевске, холодного оружия в Златоусте, стали в Нижнеисетском заводе, паровых машин в Екатеринбурге, производство пудлингового и контуазского железа и др.

Частные заводы, вступив в конкурентную борьбу за покупателя на внутреннем рынке, расширили сортамент металла. Если в конце XVIII в. Урал поставлял на рынок преимущественно кованные сорта (полосовое и сортовое железо), то в первой половине 60-х годов XIX в. самым массовым сортом становится листовое железо¹⁹⁵. Данная стратегия с позиций заводчиков себя вполне оправдала. Когда в конце 1850-х гг. таможенные пошлины были снижены и в Россию стало по-

¹⁹¹ Вологдин А.А. Внешняя торговля в условиях континентальной блокады // <http://www.rector.ru/ARH/PDF/Vologdin.pdf>

¹⁹² Иголкин А.А. Указ соч. С' 102

¹⁹³ Государственная внешняя торговля 1814 г. в разных ее видах. СПб., 1815. С. 80-81. Государственная внешняя торговля 1854 г. в разных ее видах. СПб., 1855.

¹⁹⁴ Суровцева Н.Г. Внешнеэкономические связи уральских заводчиков в 40-50-е годы XIX века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург: 2003. С. 17

¹⁹⁵ Устьянцев С.В. Черная металлургия Урала на путях перехода от мануфактуры к фабрике (техническая сторона процесса). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Свердловск, 1991. С. 87

ступать сравнительно дешевое железо, и когда в 1880-х гг. заводы Юга России приступили к производству дешевой литой стали, за уральскими заводами сохранился сегмент дорогого высококачественного металла – листового железа. Но высокая стоимость железа до конца 1850-х гг. объективно препятствовала развитию металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, железнодорожному строительству в России.

На первую половину XIX в. приходится первая опыт проникновения иностранного капитала в горнозаводскую промышленность Урала. Принявший российское подданство, комиссионер английского торгового дома Шнейдеров и голландского Гасельгреенов А. Кнауф в 1800–1804 гг. купил у И.П. Осокина Юговской, Курашимский, Бизарский, Саранинский, Верхний и Нижний Иргинские заводы, у С.П. Ягужинского Курганский завод (эти заводы стали называться Кнауфскими) и взял в аренду у казны Златоустовский, Саткинский, Кусинский, Артинский заводы, у Г.А. Строганова три Кыновских завода. Крауф начал модернизацию предприятий. Однако из-за финансовых проблем в 1811 г. государство, расторгло договор аренды, а Кнауфские и Кыновские заводы к 1818 г. оказались на грани банкротства¹⁹⁶.

В первой половине XIX в. Урал по-прежнему оставался основным районом добычи и выплавки меди. В XIX в. спрос на медь серьезно колебался. На рубеже XVIII–XIX вв. монетные дворы, потреблявшие 60 % всей выплавляемой в стране меди, были заняты перечеканкой старых денег, что негативно отразилось на конъюнктуре. Высокие мировые цены на медь спровоцировали рост экспорта красного металла в начале XIX в. В 1820–1830-х гг. стоимость вывозимой за границу меди превышала стоимость экспортируемого железа¹⁹⁷. Но в 1830-х гг. на мировой рынок вышла дешевая английская медь, а затем чилийская, австралийская и североамериканская, вследствие чего во второй половине 1850-х гг. экспорт уральской меди прекра-

¹⁹⁶ Неклюдов Е. Г. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горнозаводской промышленности Урала // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2004. № 31. С. 86-101.

¹⁹⁷ Государственная внешняя торговля 1814 г. в разных ее видах. СПб., 1815. С. 80-81. Государственная внешняя торговля 1824 г. в разных ее видах. СПб., 1825. С. 8-11. Государственная внешняя торговля 1834 г. в разных ее видах. СПб., 1835. С. 13-15.

тился. Более того, импортная медь стала поступать на российский рынок¹⁹⁸. В конце 1870-х – начале 1880-х гг. импорт в три раза превосходил производство меди в России¹⁹⁹

В конце 1850-х гг. правительство, руководствуясь идеями А. Смита и Д. Риккардо, пошло на существенное снижение ставок таможенных пошлин на импорт металлов. С этого времени ввоз чугуна, железа и стали неуклонно увеличивался, достигнув к 1880-м гг. величин, сопоставимых с объемом производства на Урале. В 1880 г. уральскими заводами было выплавлено 18,4 млн. пуд. чугуна, ввезено из-за границы – 15 млн.; железа изготовлено 10,6 млн. пуд., ввезено – 9,4; стали выплавлено 2,2 млн. пуд., ввезено – 5,3 млн. пуд.

Основной причиной роста импорта стал кризис горнозаводской промышленности в 1860–1870-х гг. – выпуск металла не покрывал внутреннего спроса. Отмена крепостного права вызвала спад производства, который был преодолен только в 1870 г. Кроме того, выявилось, что почти 1/3 горнозаводских хозяйств оказалась финансово несостоятельна. Правительство было вынуждено оказывать широкую поддержку заводчикам, предоставляя льготные кредиты, ссуды, рассрочку по платежам.

В 1860-1880-х гг. на импортном металле сложилась металлообрабатывающая промышленность Петербурга, Прибалтики и Польши. Однако зависимость от поставок металла из-за рубежа оценивалась как потенциальная угроза национальной безопасности. Кроме того, импорт металлов рассматривался как одна из причин оттока валюты из страны. По подсчетам Д.И. Менделеева за 12 лет (1869-1881 гг.) в Россию было ввезено чугуна, железа и машин на 1,1 млрд. руб., что привело к падению курса кредитного рубля относительно золотого (1,05–1,32 кредитных к 1 золотому в 1860-х гг., 1,80-1,81 кредитных к 1 золотому в 1880-х гг.)²⁰⁰

В начале XIX в. золото добывалось только на Березовских казенных рудниках. В 1812 г. в связи с тяжелым финансовым положением частным лицам было разрешено добывать золото, уплачивая в казну

¹⁹⁸ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Указ. соч. С. 386

¹⁹⁹ Сведения о привозе главнейших товаров по европейской границе за 1864-1883 гг. СПб., 1884. С. 49; Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Указ. соч. С. 429

²⁰⁰ Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. С. 12

«десятину» – 10-15% добытого металла²⁰¹ В 1814 г. Л.И. Брусницын открыл рассыпное золото. В результате активизировалась разработка золотоносных месторождений. «Урал был охвачен золотой лихорадкой, тысячи золотоискателей в поисках золота устремились в тайгу и на таёжные реки и речки»²⁰². В 1830-х гг. уральские купцы начали разрабатывать россыпные месторождения в Сибири. Благодаря освоению месторождений на Урале и в Сибири, Россия добывала в 1830-х гг. 1/3 мирового золота, в 1840-е гг. – 47%. Затем лидерство в золотодобыче перешло к США и Австралии. В 1860-х гг. на долю России приходилось 13% мировой добычи, в 1870-х – 20%, в начале XX в. – 5-7%. На Урале добывалось около 20-30%, в Западной Сибири – около 5-7%, в Восточной Сибири – 60-75%²⁰³

Золото, добытое промышленниками, вывозилось за рубеж. В 1840-х гг. Россия являлась крупнейшим поставщиком золота на мировой рынок. Золото государства (добытое на казенных промыслах и поступившее в виде десятины) в основном шло на чеканку монеты, оно использовалось для обслуживания огромного внешнего долга, для компенсации дефицита бюджета и для регулирования платежного баланса в те годы, когда он подводился с отрицательным сальдо. С 1875 г. началось накопление золотого запаса, который стал основой для введения в России золотого рубля С.Ю. Витте в конце 1890-х гг.²⁰⁴

В 1819 г. на Урале было открыто первое месторождение платины, в 1824 г. началась ее промышленная добыча. Практически вся платина добывалась в Нижнетагильском округе Демидовых. Добыча платины поддерживалась тем, что в 1830 г. была организована чеканка платиновой монеты в России. Вся платина сдавалась на Санкт-Петербургский монетный двор, там проходила очистку, 10% взималось в качестве пошлины, затем чеканилась монета, которую возвращали владельцу за вычетом производственных расходов. В 1845 г. выпуск этих монет был прекращен, вследствие чего добыча сократилась в 10 раз (с 210 до 21 пуд.). В 1850-х гг. правительство разрешило экспорт платины, пред-

²⁰¹ Сапоговская Л.В. Указ. соч. С. 24.

Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Указ. соч. С. 390.

²⁰² Рукосуев Е.Ю. Золото и платина Урала. История добычи в конце XIX - начале XX ввек. Екатеринбург, 2004. С. 65-67.

²⁰³ Сапоговская Л.В. Указ. соч. С. 72-74.

варительно очищенной на Монетном дворе. Низкие производственные мощности Двора «лишили Демидовых, а вместе с ними и всю российскую платиновую промышленность, возможности занять лидирующее положение на мировом рынке платины, контролировать процесс ее добычи, очистки и переработки, иметь решающий голос при установлении цен на этот металл». Обладая возможностями добывать 85% мировой добычи платины, Демидовы поставляли на мировой рынок столько, сколько их основной конкурент – Колумбия²⁰⁵. В дальнейшем на Урал приходилось 95% мировой добычи платины, однако данный рынок оказался под контролем не уральских промышленников, а иностранных фирм, осуществлявших очистку этого металла.

Кризис горнозаводской промышленности и рост импорта хорошо объясняются концепциями Д. Риккардо и его последователей – Э. Хекшера и Б. Олина. Согласно теории Риккардо, в условиях свободной внешней торговли страны торгуют товарами с относительными преимуществами, то есть теми товарами, производство которых в обмен на импортируемые товары дает большую выгоду в сравнении с организацией собственного импортозамещающего производства. По мнению Э. Хекшера и Б. Олина, сравнительные преимущества обусловлены избытком одних ресурсов и дефицитом других. Следовательно, кризис горнозаводской промышленности, испытывавшей нехватку капиталов, топлива и других ресурсов – это вполне закономерное явление. В перспективе данный вектор развития мог привести к ликвидации металлургии и специализации России исключительно на поставках сельскохозяйственной продукции, что, очевидно, не входило в планы государства. Более того, статус великой державы требовал иного сценария развития событий. В «век пара и стали» стране нужна была развитая металлургия, которая должна была стать базой индустриального развития экономики (не случайно во второй половине XIX – первой половине XX вв. ключевыми критериями уровня экономического развития страны являлись объемы выпуска черных металлов на душу населения). Как показывал опыт США, Германии и других промышленно развитых стран, чтобы запустить индустриальную модель экономического развития, необходимо было выполнить три

²⁰⁵ Суrowцева Н.Г. Указ. соч. С. 24.

условия: 1. создать развитую транспортную сеть, 2. обеспечить приток капиталов в промышленность и 3. защитить отечественную промышленность от иностранной конкуренции агрессивной тарифной политикой²⁰⁶. Применительно к металлургической отрасли в XIX в. требовалось выполнить еще одно условие – обеспечить предприятия коксующимися каменными углями.

Конец XIX – начало XX вв. – переход к индустриальной модели развития. В 1880-1890-х гг. введены высокие таможенные пошлины на металл и каменный уголь. Они вызвали приток прямых иностранных инвестиций. В 1880-1890-х гг. на Юге России на основе донецких углей, местных месторождений железных руд и иностранного капитала возник новый мощный комплекс металлургических предприятий. Развернув интенсивное железнодорожное строительство, государство гарантировало сбыт новым заводам продукции. Если в 1860-1870-х гг. внутреннее производство чугуна (20 млн. пуд.) удовлетворяло только 40% потребностей в черном металле (50 млн. пуд.), то в конце 1880-х гг. оно (56 млн. пуд.) покрывало уже до 90% потребностей в черном металле (60 млн. пуд.)²⁰⁷, в 1890-х гг. данная проблема была решена. Мощный подъем Юга лишил Урал лидерства в российской металлургии (на рубеже XIX – XX вв. на его долю приходилось только 28% выплавки чугуна).

Иностранный капитал стал проникать в горнозаводскую промышленность Урала еще до введения протекционистских мер. В 1879 г. Франко-русское общество (с 1889 г. – Камское) арендовало у князя С. М. Голицына Нытвенский округ. В 1881 г. образовано Товарищество Сергинско-Уфалейских заводов с участием французского капитала. В 1890-х гг. проникновение иностранного капитала усилилось. В 1893 г. возникло Волжско-Вишерское общество с французским и американским капиталами, построившее в бассейне р. Вишеры Кутимский, Велсовский, и Вижаихинский доменные заводы. В 1898 г. Южно-Уральское анонимное общество с бельгийским капиталом взяло у князя К. Э. Белосельского-Белозерского в аренду Катавские заводы. В 1900 г. образовано Общество Кыштымских заводов с английским

²⁰⁶ Алел Р. Глобальная экономическая история. Краткое введение. М., 2013.

²⁰⁷ Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. С. 13.

капиталом. В 1900 г. на долю иностранного капитала приходилось 42% акционерного капитала горнозаводской промышленности Урала, в 1917 г. – 26%, в 1917 г. – 19%²⁰⁸. В начале XX в. иностранный капитал почти полностью контролировал добычу золота и платины на Урале и выплавку 2/3 меди.

В 1870-1910 гг. на Урале создается сеть железных дорог. В 1877 г. Оренбургская железная дорога соединила Оренбург с Самарой; построенный в 1880 г. через Волгу мост Александра II связал эту дорогу с общероссийской сетью. В 1878 г. на средства частных лиц была построена дорога Пермь – Нижний Тагил – Екатеринбург. Она была проведена через основные горные круга Среднего Урала и получила название «Горнозаводской». В 1885 г. эта дорога была продлена до Тюмени и соединила судоходные Каму и Туру. В 1888-1890 г. построена Самаро-Златоустовская железная дорога. Она стала начальным отрезком Транссибирской дороги. В 1896 г. Горнозаводская и Самаро-Златоустовская дороги были соединены веткой Екатеринбург – Челябинск. В 1899 г. от горнозаводской дороги, переименованной в «Пермскую» построена ветка Пермь – Вятка – Котлас. В 1905 г. в Оренбург была проведена Ташкентская дорога. В 1906 г. Пермская дорога была соединена с Вологдо-Вятской и Петербурго-Вологодской железными дорогами. В 1909 г. был проведен прямой путь из Перми в Екатеринбург через Кунгур. В 1914 г. совокупный грузооборот двух железных дорог, связывавших Урал с Сибирью²⁰⁹, составил 223 млн. пуд., двух дорог, соединявших Урал с Европейской Россией²¹⁰, – 581 млн. пуд., т.е. в два с половиной раза больше. Грузооборот на внутриуральских ветках²¹¹ был на 1/3 больше, чем грузооборот с Сибирью – 309 млн. пуд.²¹²

²⁰⁸ Алексеев В В, Гаврилов Д В Указ соч С 414, 470; Тимошенко В П Урал в мирохозяйственных связях (1917 – 1941 гг.) Свердловск. 1991. С.12.

²⁰⁹ Ветки Екатеринбург-Куломзино Омской железной дороги и Челябинск-Иннокентьевская Сибирской железной дороги

²¹⁰ Ветка Челябинск-Батраки Самаро-Златоустовской железной дороги, ветки Вятка-Кунгур-Челябинск и Пермь-Екатеринбург Пермской железной дороги

²¹¹ Ветки Бердяш – Бакал, Кротовка – Сургут, Вязовая – Катав-Ивановский завод, Чусовая – Солеварни, Сан-Донато – Алапаевск, Чайковская – Нытва, Калино – Лысьвенский завод, Копи – Луньевка, Богданович – Шадринск.

²¹² Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 147 Перевозки по железным дорогам в 1914 г. Пг., 1918. С. 58-65, 92-95, 160-161, 164-165

Строительство железных дорог кардинально поменяло экономическую ситуацию. Изменилась география товарных потоков. После пуска в 1885 г. Екатеринбург-Тюменской дороги объемы продаж на Ирбитской ярмарке стали сокращаться. С пуском Транссибирской дороги этот процесс усилился – в середине 1880 г. здесь заключалось контрактов на 65 млн. руб., в 1900 г. – на 34 млн. руб. Ирбитская ярмарка перестала выполнять функцию главного посредника в торговле между Европейской Россией и Сибирью. Ее «спасала» торговля пушниной Сибири и Печеры. Попытки торговцев обойтись без посредничества ярмарки оборачивались неудачей – конъюнктура рынка и цена на меха определялись только на торгах в Ирбите. Во время торгов в феврале-марте здесь реализовывалось мехов на 8-9 млн. руб., общий оборот составлял 30 млн. руб.²¹³ В 1880-е г. в результате строительства Средне-Азиатской дороги караванная торговля Оренбурга со Средней Азией пришла в упадок, поскольку товарные потоки были перенаправлены по Каспийскому морю и Волге. Пуск Ташкентской железной дороги возродил торговлю. В 1902 г. оборот Менового двора составил 4,5 млн. руб., в 1913 – 15 млн. руб. Оренбург превратился перевалочный пункт из Средней Азии в Центральную Россию.

Благодаря сети железных дорог возникла система торговли хлебом. С пуском Оренбургской железной дороги Оренбургская губерния стала вывозить хлеб в Европу, с пуском Ташкентской – в Среднюю Азию. Объем отгруженного зерна в 1902-19013 гг. увеличился в 20 раз, муки – в 40 раз. Мукомольная промышленность стала ведущей отраслью экономики Оренбуржья, она производила 3/4 валовой продукции в крае²¹⁴. Строительство Самаро-Златоустовской дороги открыло возможность для организации экспорта хлеба Уфимской губернии. Пуск Транссибирской магистрали грозил наплывом дешевого сибирского хлеба на рынок Центральной России. Чтобы избежать падения цен в 1893 г. был введен «Челябинский излом» – повышенный тариф на перевозку хлеба. Составы с хлебом были перенаправлены по новой ветке на Екатеринбург, затем на Пермь, Котлас и далее на Архангельск

²¹³ Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914. С. 29-31.

²¹⁴ Горюнов Ю.А. Воздействие Ташкентской железной дороги на экономическую жизнь Оренбуржья первой трети XX века: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Оренбург, 2010. С. 20-22.

для экспорта. «Челябинский излом» избавил «Уфимскую губернию от наплыва дешевого сибирского хлеба и отрезал возможность поставки на уральские заводы. Поэтому продукция полей северной Башкирии практически целиком поступала в Рыбинск... Отсюда уфимский хлеб распределялся по российскому Нечерноземью... Наплыв сравнительно дешевого и качественного хлеба с востока в немалой степени способствовал разорению местного сельского хозяйства»²¹⁵. С пуском Транссибирской дороги Челябинск из «захолустного уездного городка... превращается в торгово-промышленный центр Южного Урала». Население Челябинска увеличилось с 9 тыс. чел. в 1890 г. до 67 тыс. чел. в 1912 г. Благодаря вывозу зерна по Транссибу (в 1898 г. – 4 млн. пуд., в 1913 г. – 60 млн. пуд.), здесь развивалась мукомольная промышленность (более 20 млн. пуд. накануне Первой мировой войны)²¹⁶. Железная дорога Екатеринбург – Курган (до революции построена только до Шадринска) открыла прямой выход екатеринбургских мукомолов к хлебопроизводящему юго-восточному Зауралью.

Создание сети железнодорожной сети на Урале стимулировали развитие внешнеэкономических отношений. Для европейских стран Урал был источником сырья и сбыта продукции машиностроительной промышленности. «Содержанием деятельности европейского торгового капитала на Урале стал экспорт масла, зерна, сельскохозяйственного сырья и сбыт сельскохозяйственных машин и орудий»²¹⁷. По подсчетам В.П. Тимошенко иностранные фирмы вложили в организацию импорта сельскохозяйственных машин около 25 млн. руб.²¹⁸ «Некоторые отрасли европейской промышленности базировались исключительно на уральском сырье: переработка пушнины и кожсырья в Германии, деревообрабатывающая промышленность в Англии, переработка пуха, пера и щетины в Австрии, производство... асбестовых фабрикатов во Франции и Бельгии»²¹⁹

²¹⁵ Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. С. 23-24.

²¹⁶ Тимофеев А.А. Великая сибирская магистраль: выбор маршрута, экономические и социально-культурные последствия на Южном Урале (1891-1914 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 14.

²¹⁷ Тимошенко В.П. Указ соч. 1991. С. 11

²¹⁸ Там же.

Если в Европу с Урала вывозилось сырье, то в страны Азии – вывозилась продукция перерабатывающей промышленности: металлические изделия, мешковина, брезент, бумажные ткани, хлеб, деревянные и резиновые изделия, фаянс и фарфор. «Большая их часть поглощалась Персией (31,1%), Китаем и Монголией (21,5%), Афганистаном (7%), Турцией (4,6%)»²²⁰

Железные дороги ликвидировали ранее непреодолимый барьер, препятствовавший развитию межрегиональных экономических отношений. В результате уральская экономика обрела новые направления развития: товарное маслоделие, лесопромышленность, добыча асбеста и пр. В целом, профиль специализации региона остался прежним – в направлении развитых стран поставщик минерального и сельскохозяйственного сырья; в направлении азиатских – поставщик продовольствия и потребительских товаров. Для того чтобы обрести специализацию на производстве наукоемкой, высокотехнологичной продукции страна должна была разорвать практически все внешне-экономические связи и превратиться в закрытую экономику. Именно такой курс, курс на создание автаркии, был взят в Советском Союзе. Экономические регионы, в число которых входил Урал, должны были стать максимально замкнутыми экономическими системами, нацеленными на выполнение общегосударственных задач. Благодаря этому Урал превратился в «опорный край державы».

Там же. С. 15.

²²⁰ Там же. С. 15.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В современной России региональная идентичность начинает приобретать все большее значение, соответственно растет актуальность данной темы в научном плане. В зависимости от целей и конкретных исследовательских задач региональную идентичность анализируется в различных контекстах и дискурсах. В историческом плане подчеркивается важность проведения региональных исторических исследования для такой «страны регионов», которой является Россия, необходимо исследовать процессы регионоформирования, показать значимость регионального фактора и региональной идентичности в российской истории. В культурологическом отношении проблема региональной идентичности изучается в тесной связи с проблемой региональной культуры. Социологи рассматривают региональную идентичность как часть социальной идентичности личности. П.А.Сорокин полагал, что из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Классик социологии писал: «Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь». В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы «ярославца», «помора», «сибиряка» и т.п.»²²¹. В политологических изысканиях региональная идентичность часто интерпретируется как политический ресурс, определяются возможности ее использования политическими элитами в своих прагматических целях. В контексте различных теорий экономического регионализма при определении понятия регион уделяется внимание региональной идентичности, учитывается значимость этого фактора при выработке стратегии региональной экономической политики.

Целесообразно проанализировать определения региональной идентичности, встречающиеся в современных научных публикациях.

²²¹ Сорокин П. Система социологии. В 2-х томах Т 2 М., 1993. С 210, 213.

Е.В.Еремина, придерживаясь социологического подхода, считает наиболее адекватным определение региональной идентичности «как результата когнитивного, ценностного, эмоционального процессов осознания принадлежности индивида к своему региональному сообществу, проявляющихся в созидательной деятельности на благо своего региона, укреплении его места и роли в системе территориальных общностей, формировании имиджа региона»²²². По ее мнению активное продвижение ценностей региональной надэтнической позитивной идентичности обеспечивает консолидацию населения территорий и федерации в целом и тем самым способствует повышению уровня региональной и общенациональной конкурентоспособности. Г.С.Корепанов, используя социокультурные и социоэкономические подходы, под региональной идентичностью понимает «переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности «своей» локальной общности, формирующие практическое чувство (сознание) территориальной принадлежности индивида и группы». В его интерпретации «региональная идентичность выступает как процесс интерпретации региональной уникальности, через которую целый регион становится институционализированным в определенном сообществе»²²³.

Работая в русле социальной географии, М.П.Крылов под региональной идентичностью понимает не просто «пространственность мышления», географическое знание пространства «по месту жительства», а системную совокупность культурных отношений, связанную с понятием «малая родина». «В пределах пространства социокультурного взаимодействия, – пишет он, – происходит рефлексия по поводу окружающей территории (которая тем самым становится неформальным регионом), которую индивид считает «своей» и где он считает себя «местным», с которой он себя идентифицирует»²²⁴. Под региональной идентичностью понимается отношение к малой родине и осоз-

²²² <http://regionsar.ru/node/781>

²²³ Корепанов Г.С. Региональная идентичность: социокультурный и социоэкономический подходы / Г.С. Корепанов // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3(65). С. 276-277

²²⁴ Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. Дисс. докт. географ. наук. М., 2006. С.34-37. 39.

вание ее культурной специфичности (своеобразия), которая одновременно является безусловной предпосылкой самоидентификации. Для отражения региональной специфичности (региональной идентичности) приобретают повышенное значение, например, историческая особенность местных говоров; своеобразие и богатство топонимики; «аккумуляция истории» на данной территории; характеристика знаменитых местных уроженцев; «дух региона», способный порождать и этих людей, и какие-то общие идеи. Однако всё это, справедливо подчеркивает М.П.Крылов, имеет хотя и важное, но лишь «служебное» значение для изучения отношения людей к малой Родине как формы рефлексии (в т.ч. на эту специфичность. – рефлексии, сопряжённой с определённым местным и общероссийским типом культуры и местным этнокультурным (субэтническим) «субстратом»)»²²⁵ Исследователь акцентирует внимание на внутреннем (с точки зрения самих местных жителей) и обычно «нераскрученном» имидже территории, включающем внутренний набор образов, символов, мифов, в отличие от внешнего – с точки зрения мигранта, путешественника, организатора туризма, политтехнолога (любого внешнего наблюдателя). Региональная идентичность понимается М.П.Крыловым как местная форма проявления культуры укоренённости, которая дополнительна к культуре мобильности, но не альтернативной ей (для ностальгического отношения к своей малой родине не обязательно жить именно на малой родине – можно жить и в другом месте). В научной литературе нет единого мнения по поводу соотношения понятий региональная идентичность и местный патриотизм. Если Д. Уиттлси, характеризуя «региональное сознание», отождествлял, по сути, эти составляющие, считая их взаимозаменяемыми, то М.П.Крылов настаивает на их априори самостоятельном характере, полагая, что в то же время экспериментально может быть установлен характер связи между ними – от тесной сопряжённости до полной автономии²²⁶.

Справедливым представляется замечание Р.Ф. Туровского относительно России, представляющей собой многоуровневую ландшафтную систему. Исследователь отмечает, что региональная иден-

²²⁵ Там же. С.39.

²²⁶ Там же. С.40–41, 46

тичность не относится к одному лишь уровню субъектов федерации. Сохраняются другие макрорегиональные и локальные системы идентичности. Субъекты федерации «должны найти себе место в общероссийской и макрорегиональных системах идентичности и одновременно консолидировать «микро-идентичности» своих составных частей». Используя традицию советских экономистов, к макрорегионам России Р.Ф. Туровский отнес Центр, Север, Юг, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток (возможно, Черноземье). По его убеждению, советские экономические районы имели «неплохой культурно-исторический смысл»²²⁷

Региональная идентификация в России – явление историческое, непосредственно зависящее от истории и географии страны в целом, административных преобразований в государстве. Каждая конкретная модель региональной идентичности непосредственно зависит от истории освоения регионального пространства в социокультурном и экономическом отношениях, политико-административного закрепления региональных границ. С одной стороны, это свидетельствует об изменчивости и подвижности данного феномена, а с другой – о значимости культурного и идеологического континуитета. «Проникновение в мир традиций, в том числе и региональных, призвано, помимо прочего, – подчеркивает С.В. Рыбаков, – способствовать развитию диалога между различными поколениями, между культурами, принадлежащими к разным временам и эпохам. Традиции наиболее наглядно проявляются в сохранении культурной идентичности самостоятельности той или страны, того или иного народа; выражают связь между поколениями, нормы и особенности, присущие сознанию людей, принадлежащих к одной цивилизационной, этно- и социокультурной общности»²²⁸.

Уральская идентичность, обусловленная самобытностью Уральского региона (в естественно-географическом, природно-ресурсном, социально-экономическом, административно-политиче-

²²⁷ Туровский Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. СПб: Геликон Плюс, 2003. С. 154–155.

²²⁸ Рыбаков С.В. Оренбуржье в контексте теории региональных исследований // Пятые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность. научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. Оренбург, 2011. С. 76.

ском, демографическом и социокультурном отношениях) на протяжении всей его истории была важной чертой общественного сознания. Наличие у уральцев развитого регионального самосознания, которое в значительной степени подпитывается дореволюционной символической и богатым историко-культурным (в том числе индустриальным) наследием. Важно проследить исторические этапы в процессе формирования уральской идентичности. В этой связи можно выделить следующие исторические вехи: этап первоначального хозяйственного освоения региона и формирование первых представлений об Урале; период интенсивной промышленной колонизации, научного изучения Урала и развития региональной литературы; формирование идеологии уральского областничества (в 1918 г.); создание Уральской области (в 1923-1934 гг.); «вторая жизнь областнических идей» в новых исторических условиях противостояния федеральной власти и попытки реализации проекта Уральской республики в 1993 г.; эволюция региональной идентичности на современном этапе. Вместе с тем, очевидно, что Урал можно отнести к числу регионов, для населения которых региональная этничность занимает более «высокий этаж», чем этническая²²⁹. Сегодня уральцам свойственна позитивная региональная идентификация, гармонично дополняющая общегражданскую идентичность.

Выработка основ региональной идентичности является итогом длительного исторического развития. Идентичность, как и многие понятия, конструируется из доступного исторического материала. При всей культурной многоликости современного Урала, край продолжают воспринимать в первую очередь как промышленный регион – старопромышленный район. Вероятно, выбор в пользу «горнозаводского», из имеющихся в распоряжении уральцев альтернатив, произошел далеко не случайно. Формирование региональной идентичности целесообразнее рассматривать не как «состояние», а как «становление». Подобное изучение, в том числе, помогает ответить и на вопрос: что заставляет регионы развиваться в том или ином направлении? В силу своего транзитного, а затем «срединного» положения Урал

²²⁹ Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание. Автореф. дисс. докт. культ. Екатеринбург, 2003. С.28.

имел мало шансов стать особым географическим образованием, если бы не обнаружение в его недрах столь нужных стране руд металлов. Темпы превращения пространства, соединяющего Центральную Россию с ее сибирскими и азиатскими окраинами, в регион увеличились в ходе целенаправленной промышленной колонизации XVIII в. Разработка рудных месторождений, углежжение, основные этапы железоделательного производства: доменное и передельное (традиционное молотовое – кричное), позднее пудлинговое, и в меньшей степени прокатное и мартеновское, сложный технологический процесс получение «черной», затем «красной» (чистой) меди, плюс многочисленные металлообрабатывающие цеха – все это появилось в крае, сделав Урал признанным промышленным районом России.

Зарождение в XVIII в. крупного горнозаводского производства собирало местность, где оно появлялось, в некое особое пространство со своими границами. Собственно горнозаводским Уралом стала территория, обработанная, освоенная и присвоенная горнозаводской промышленностью. Специфику её пейзажам и видам придавали сложные технические конструкции, применявшиеся в мануфактурном металлургическом производстве – гидротехнические сооружения, рудо- и водоподъемные механизмы, воздуходувные устройства, технологические машины. Своеобычная модель освоения окончательно закрепила за данной территорией статус суверенного социального порядка. Край не перестал быть глобальным транспортным коридором, однако его связующая функция оказалась в тени горнозаводского Урала. В ситуации нарастающей геоэкономической конкуренции между различными частями страны горнозаводские приоритеты долгое время обеспечивали территории лидирующие позиции в промышленном развитии. В это же время в ходе колонизации российского пространства появляется и затем становится важным вопрос о формировании внутренних границ страны. Речь идёт не о территориально-административных единицах, а крупных регионах – Русском Севере, Сибири, Кавказе, Крыме, Урале, впоследствии появившихся на карте империи, в том числе в роли ценностно-символических образов, поверх официальной разметки. Формирующимся в течении XVIII столетия представлениям об Урале (ранее не выделяемом из Сибири) как о некой территориальной, эко-

номической, культурной отдельности, особенности, способствовала специфика добывающей и металлургической промышленности края.

Отличия горнозаводского Урала от других территорий были видимы и отслеживаемы на уровне формальных институтов, властной дистрибуции, экономических практик. Региональная уникальность – наличие металлургических заводов на общем фоне сельскохозяйственной крестьянской России выступала как значимый ресурс, с помощью которого удавалось влиять на институты центральной власти и участвовать в территориальном разделении труда. Соответственно, поддерживались и описания «особости», истоки которой следует искать в деятельности практиков горнозаводского дела. После создания промышленных предприятий перед ними встала задача релевантно описать возникшую реальность. Выросший на окраине страны целый горнозаводской район представлял собой объект ранее не виданный, то непонятное новое, которое следовало отразить. Присвоить пространство горнозаводского Урала означало его описать. Проблема создания языка описания решалась местными горными администраторами в несколько этапов. Инструкции В.Н. Татищева и первые заводские штаты, трактат В. де Генина «Описание уральских и сибирских заводов» (1735 г.), сочинение А.Ф. Дерябина «Историческое описание горных дел в России с самых отдалённых времён до нынешних» (1801 г.), взятое за основу «Проекта горного положения» 1806 г., труды И.Ф. Германа²³⁰ и, наконец, обозрение П.Е. Томилова «Описание заводов хребта Уральского»²³¹ пробовали, выбраковывали, собирали и копили языковые ресурсы для обозначения новой реальности. Указанные произведения стали вехами пути, на котором от изложения отдельных технологий и разработки управленческих инструкций перешли к связному описанию такого целого пространственного феномена как горнозаводской Урал. В когнитивных схемах авторов, а затем и их читателей возникли подходящие ячейки

²³⁰ Герман И.Ф. Описание заводов, под ведомством екатеринбургского горного начальства состоящих. Екатеринбург, 1803; Он же. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810

²³¹ Описание заводов хребта Уральского, составленное пермским берг-инспектором П.Е. Томиловым (1807-1809 гг.) // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII-XIX вв.: Сб. докум. материалов / Редкол. проф. А.Н. Ефимов (гл. ред.) и др. Свердловск, 1956. С. 147-298.

для новых административно-экономических объектов. Сложившиеся стереотипы восприятия этих географических реалий воспроизводились в экономико-статистической программе описания на уровне элементов производства (фабрика, цех), завода, горнозаводского округа.

Следующим шагом формирования «уральской» идентичности стало повышение значимости промышленного труда. Его «вписывание» в систему основополагающих человеческих ценностей и приоритетов происходило, прежде всего средствами христианской идеологии. По сравнению с деятельностью в сельскохозяйственной сфере горнозаводское производство было иным. В особых технологических и социальных условиях трудового процесса требовался грамотный, инициативный, дисциплинированный работник. Сложные виды технических средств, применявшиеся в мануфактурном металлургическом производстве предполагали наличие значительного слоя людей, способных обслуживать и поддерживать существовавшие механизмы, приспособлять их к производству и внедрять новые. Когда заводская работа стала главным источником существования мастеровых и работных людей, а их главной обязанностью – обслуживание заводов, рудников и приисков, в «священной» истории кроме земледельца Адама появились новые персонажи. Судя по апокрифу, записанному у горнозаводского населения, Адам был пахарем, его сыновья – Авель и Каин – пастухом и земледельцем, а старшему сыну Лалиха Фафолю «показа господь руду копати, молот и клещи»²³².

Таким образом, делом Божьим, наряду с земледельческим и пастушеским трудом, был назван труд промышленный. Он стал рассматриваться как «призвание», то есть деятельность, к которой человек призван Богом и за которую он мог получить его благословение. Работники горнозаводского производства стали осознавать себя новой «породой» людей, обязанной своим возникновением «интересам государственным». «От нас... по ремеслам своим при заводах от трудов знатная... прибыль приносится», – заявляли заводчане. М.В. Вагина

Пихоя РГ. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII-XVIII вв.) Свердловск, 1987 С. 234

на примере изучения заводского населения Южного Урала в последней трети XVIII в. показала, что уже тогда «горнозаводской рабочий действительно воспринимал труд на заводе не как принудительную повинность, а как наследственную профессию»²³³

Однако главным средством повышения ценности промышленного труда стала идея жертвенности. Тяжелые условия труда приводили к тому, что мастеровые и работные люди во многом воспринимали себя как жертву, ибо трудились «до измору». Мотив жертвенности нашел свое отражение в легендарных преданиях о массовой гибели и убийствах рабочих (хрестоматийный пример – затопление Демидовым подвалов Невьянской башни, вместе с находившимися в них людьми). На Севере Урала рассказывали: «Наш медный завод Походяшин. хозяин-то, на костях выстроил. На костях и домну задул»²³⁴. Речь идет о Максиме Походяшине, известном заводчике, создавшем во второй половине XVIII в. самые северные в крае Богословские заводы.

О превращении данного образа в расхожее выражение свидетельствует угроза доверенного Строгановых Седова, публично заявившего, что застрелит лазаревского прикащика Ипанова на месте постройки Кизеловского завода «и пусть де Лазарев сделает основание завода на костях Ипанова»²³⁵. Строительство велось на спорной территории, из-за которой между Строгановыми и Лазаревыми велась многолетняя тяжба, и Лазарев решил окончить ее подобным образом в свою пользу. Виктимизация явилась способом консолидации горнозаводской общности. С помощью самопожертвования ее члены возводили себя в ранг исключительности, гордились полученным в лишениях большим социальным опытом. Они использовали эту категорию в качестве образного тропа для того, чтобы организовывать свой опыт и справляться с заложенными в нем конфликтами.

Если рассматривать Урал как пространство мобилизации со-

²³³ Вагина П.А. Личные хозяйства и рабочая квалификация мастеровых частных заводов Южного Урала в последнюю четверть XVIII в. // Ученые записки Уральского государственного университета. № 72. Серия историческая. Вып. 9. Вопросы истории Урала (Проблемы экономической и социальной истории) Сб. 8. Свердловск, 1969. С. 15-16, 33.

²³⁴ Лазарев А.И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972. С. 135, 137.

²³⁵ Новохрещенных Н.Н. Постройка Кизеловского завода И.Л. Лазарева. Уфа, 1892. С. 64.

циальных групп на борьбу друг с другом за определение того, чья культурная идентичность станет легитимным ядром региона, то становится ясно, что промышленная колонизация Урала XVIII в. создавала новую экономическую, социальную и культурную среду, изменила условия, образ жизни и занятия местных жителей. Переживающие трансформационные процессы население Урала формировало новую идентичность для того чтобы наделить изменяющийся мир каким-то смыслом. Эту категорию можно использовать для выявления происходивших перемен. Она предполагает образование разделительных линий, позволяющих противопоставлять «своих» «другим», показывает, как жители края конструировали окружающее их социальное пространство, как определяли свое место в локальном социуме, на какой основе строили границы между собой и другими. Задача исследователя заключается в рассмотрении мобилизации этой идентичности: борьбы ее носителей за ее сохранение и автономию, и признание представителями других социальных общностей обоснованность таких притязаний.

Сельское и горнозаводское население видело причины различий между собой именно в характере труда. Не прекращавшееся на протяжении XVIII – начала XIX вв. сопротивление приписных крестьян можно рассматривать как стремление отграничить сельский «мир» от заводского. Труд на заводах представал в глазах крестьян «бесчеловечным» и весь заводской порядок, по их мнению, был чужд человеческой природе. «Сие дело, – писал в 1712 г. об отношении местного населения к открытию горнорудных богатств И.Ф. Близэр, – за ниспослание коего надо Всевышнего благодарить, более проклинается...»²³⁰. Обе социальные категории использовали один и тот же прием: повышали престиж «своего» труда за счет снижения значимости «чужого». Взаимодействуя друг с другом, каждая из этих двух систем ценностей стала определять себя через отношение с другой, по-новому осознавая свою непохожесть именно в тот момент, когда она изменялась под воздействием самого контакта.

²³⁰ Цит. по: Попов Р. Горнозаводский Урал // Отечественные записки. 1874. № 12. С. 335.

Дискурс контраста – противопоставление труда земледельческого труду промышленному – оказался глубоко укоренен в самом ходе колонизационного процесса в крае. Он был не просто результатом воздействия индустриализации, а продуктом динамичного взаимодействия между ее культурными формами и доиндустриальной культурой. Процесс становления горнозаводской идентичности в XVIII в. показывает, что ее, скорее, следует рассматривать, как часть обширной долговременной модели регионального социального развития, чем как значительное отклонение от общероссийского пути, основанного на дихотомии «деревня-город». Ценностные ориентации горнозаводского Урала развивались в русле общероссийских социокультурных тенденций, поскольку страна в изучаемый период пребывала в состоянии «борения» и взаимосвязи с мировой урбанистической культурой, определяемой преимущественно западноевропейскими традициями. Во всемирно-историческом масштабе промышленное освоение Урала осмысливается как экспансия европейской цивилизации (в «перекодированном» русском варианте) на периферию. «Горнозаводской» проект являлся частью глобального колонизационного процесса, а завод выступал наиболее зримым его проявлением. Именно в его лице местному населению была предъявлена европейская цивилизация. При изначальной прогрессистской и европоцентристской направленности (поскольку за основу при создании заводов были взяты западноевропейские образцы) именно «горнозаводская» идентичность оказалась восприимчивой к процессу распространения общемировых культурных ценностей. Появление и распространение «промышленных» ценностей, которые становились отличительной чертой уральского региона, служило целям легитимации экспансионистского потенциала индустриальной, прогрессистской культуры. И именно горнозаводское начало придало культуре импульс для работы над региональной идентичностью. Это оказалось равносильным открытию данного региона как новой реальности. «В границах пространства, условно обозначаемого как Урал, – пишут авторы монографии «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике.

XVI–XX века», – существовало индустриальное горнозаводское ядро. и именно этот экономический «центр тяжести» должен был стать регионообразующей осью»²³⁷

Промышленная специфика региона продолжала оказывать ключевое влияние на формирование регионального самосознания уральцев на протяжении всего XIX в. и в следующем веке. Урал сохранял лидирующие позиции в российской металлургии вплоть до 1880-х гг. На этапе преодоления экономического кризиса (в конце XIX в.) и в период нового промышленного подъема в начале XX в. осмысление перспектив экономического развития Урала сопровождалось поисками региональной идентичности²³⁸.

Рассматривая записку Пермского губернского земства (ходатайство об открытии на Урале высшего учебного заведения, принятое на 40-й очередной сессии Пермского губернского земского собрания 3 декабря 1909 г., отправленное в столичные министерства в 1910 г.), как пример проявления региональной идентичности, Л.А. Дашкевич выделяет «несколько ведущих факторов, которые на уровне общественного сознания собирали Уральский край и выделяли его среди других регионов России». «Прежде всего, – полагает исследователь, – это Уральский хребет с богатствами его недр и исторически сложившейся здесь горнозаводской промышленностью. Будущее края местная интеллектуальная элита видела в сохранении его промышленного облика. Центром Урала считалась промышленная Пермская губерния. В социальном вопросе земские деятели признавали особенности культуры и быта местного населения, указывая на его особую энергетику и способность преодолевать трудности»²³⁹ Уральцам удалось отстаивать свои интересы на высочайшем уровне. На заседании междуведомственного совещания мае 1911 г. под руководством министра народного просвещения Л.А. Кассо решался вопрос об от-

²³⁷ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004. С. 450.

²³⁸ Россия в XVII – начале XX в. региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006. С. 304–310.

²³⁹ Дашкевич Л.А. Пермское земство об особенностях Урала и его насущных проблемах. к вопросу о складывании регионального самосознания // Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв. сб. науч. ст. / ФБУИ Институт истории и археологии УрО РАН. Отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург, 2013. С. 211, 216.

крытии высшего учебного заведения на Урале. Екатеринбургцы сумели аргументировать тезис о размещении вуза в их городе, считая первоочередным создание горного и лесного отделений. После прений совещание признало, что «Урал нуждается не столько в улучшении сельского хозяйства, сколько в правильной и планомерной эксплуатации его горных богатств». С этой целью решено было учредить политехникум в Екатеринбурге, а высшее сельскохозяйственное учебное заведение – в Самаре²⁴⁰

Обосновывая экономические и социокультурные особенности Урала и Сибири, К.Носилов объяснял в статье, опубликованной в газете «Урал» в 1918 г. «Смешивать, сливать их немыслимо, потому что горнозаводская промышленность никогда не сольется с земледелием и скотоводством, потому что горы Урала никогда не сольются с равниной центральной России и степями Сибири, потому что молот уральского рабочего ничего не имеет общего с сохой пахаря и плетью скотовода». Таким образом, отстаивая идеи экономического федерализма этих двух разных регионов, К.Носилов подчеркивал промышленную специфику Урала, противопоставляя ей приоритетное аграрное и сырьевое развитие Сибири. Главный вывод К.Носилова о том, что «Урал должен быть только Уралом, имея свою автономию, независимую от прочих. ...Связанный крепко рельсовыми путями, усиленный громадною площадью горнозаводской деятельности, питающий и питающийся соседними областями, производительный самостоятельный. Сильный, он должен быть звеном двух громадных областей – Центральной России и Сибири, каким создала для этого сама природа»²⁴¹, свидетельствует о глубоком патриотизме и вере в могущество своего края и его будущее.

В некоторой степени созвучны идеям К.Носилова взгляды современных географов и экономистов. Е.Г. Анимича и А.А.Глумов, например, для анализа экономического развития Уральского экономического

²⁴⁰ Дашкевич Л.А. «Имя его будет вырезано золотыми буквами в памяти города...» (о горном инженере Н.С. Михееве) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. мат-лы XI всерос. науч. конф., Екатеринбург, 26-27 сентября 2013 г. / ФБУН Институт истории и археологии УрО РАН; УрФУ. Отв. ред. Д.В. Гаврилов. Т.2. Екатеринбург, 2013. С 420-427

²⁴¹ Урал. 1918. 24 (11) ноября. № 7. С.5.

района используют понятие «срединного региона»²⁴². А.А.Глумов в своей диссертационной работе аргументировано доказал, что на протяжении длительного исторического времени сформировалась и сохраняется региональная идентичность Уральского экономического района. На протяжении многих веков, исходя в первую очередь из текущих и стратегических социально-экономических и политических целей центральной власти, происходило изменение границ Уральского региона, который все же сумел сохранить свою региональную идентичность. Даже после создания федеральных округов, когда экономическое пространство Уральского региона оказалось разделенным между Уральским и Приволжским федеральными округами, по мнению экономиста, данное изменение в политико-территориальном устройстве страны привнесло изменения в динамичное развитие Уральского экономического района, однако, сохранились исторически сложившиеся хозяйственные связи и целостность экономики Урала, позволив ей адаптироваться к современным реалиям и сохранить свою идентичность²⁴³.

Поиски региональной идентичности уральцами и развитие краеведческого движения взаимообусловленные процессы. Современные исследователи Л.П.Репина, С.И.Маловичко, М.Ф.Румянцева относят историческое краеведение к социально ориентированному типу исторического знания. В частности, С.И.Маловичко и Л.П.Репина дают следующее определение: «Историческое краеведение – область социальной деятельности, целью которой является обеспечение локальной коммеморации, формирования социальной памяти локуса и обеспечение на этой основе локальной идентичности»²⁴⁴. Развитию краеведения на Урале способствовали общественные организации. С 1870 г. в «горнозаводской столице Урала» действовало Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), занимавшееся широкой научно-исследовательской, собирательской, культурно-просвети-

Анимца Е.Г. Глумов А.А. Срединный регион: теория, методология, анализ. Екатеринбург: Изд-во Урал гос. экон. ун-та, 2007.

²⁴² Глумов А.А. Содержание и динамика процессов экономического развития срединного региона (на примере Уральского экономического района). Автореф. дис. канд. экон. наук. Екатеринбург: 2007. С.12-17.

²⁴⁴ Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст. Ижевск, 2012. С.8-9.

тельской, издательской работой. В Екатеринбурге и других уральских городах существовали другие общественные организации культурно-просветительской и краеведческой направленности: Пермский научно-промышленный музей, Общество любителей истории, археологии, этнографии Чердынского края, Екатеринбургское и Пермское церковно-археологические общества и другие. Краеведческую работу на Урале вели ученые архивные комиссии (Оренбургская, Пермская, Уфимская)²⁴⁵ Многие «краеведческие гнезда» сохранились до советского времени и смогли приспособиться к новым историческим условиям. По данным Л.В.Гальцевой в Уральской области в 1924 г. насчитывалось 82 краеведческих организации (в 1928 г., отмечает Л.Н.Мазур, на Урале насчитывалось уже 115 краеведческих организаций), деятельность которых под влиянием власти стала сворачиваться в конце 1920-х гг. Исследователи анализируют судьбу отдельных их них (например, предметом исследования Т.В. Сапожникова стала работа Осинского общества по изучению местного края в 1920-е годы)²⁴⁶. К 1937 г. краеведческие общества были полностью ликвидированы, краеведение попало под тотальный контроль государства. В дальнейшем краеведение трансформировалось в разновидность общественно и воспитательной работы, выполняя задачу воспитания любви к родине и своему краю, научная составляющая отошла на второй план. Ситуация стала меняться во второй половине 1980-х гг.²⁴⁷

В одном из современных определений под регионом имеется в виду «нерепрессивный обмен наблюдателей своими представлениями, составляющими социокультурный базис регионализма как движения и общественно-государственной практики развития»²⁴⁸.

²⁴⁵ Россия в XVII – начале XX в региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006. С.318-320.

²⁴⁶ Сапожникова Т.В. Деятельность Осинского общества по изучению местного края в 1920-е годы // Грибушинские чтения-2013. Летопись наследия. Кунгур, 3013. С.9-14; Мазур Л.Н. Историческое краеведение в системе современного исторического знания // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания; сб. ст. Ижевск, 2012. С.40.

²⁴⁷ См. подробнее: Мазур Л.Н. Историческое краеведение в системе современного исторического знания // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания; сб. ст. Ижевск, 2012. С.39-46.

²⁴⁸ Регион: политика – культура – образование (сборник научных статей). Екатеринбург, 1994. С. 59.

В историографии уделяется особое внимание истокам уральской идентичности, в частности, феномену уральского областничества начала XX в., который можно рассматривать и как идеологию, и как общественное движение. В условиях спокойствия и стабильности региональная идентичность проявляется преимущественно в социокультурном плане, в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей того или иного региона. В исторические периоды ослабления или кризиса национальной или гражданской идентичности региональная идентичность получает политическое звучание, что и происходило в российском обществе в 1917-1918 гг.

18 октября 1918 г. в Екатеринбурге состоялось совещание местных политических и общественных деятелей по вопросу об организации «Общества изучения Урала» (общества уральских областников). Основной задачей общества провозглашалось развитие и распространение идеи областничества на Урале, предусматривалось ее многостороннее («со стороны естественно-исторической, общественно-политической и хозяйственно-экономической») освещение в прессе. Общество уральских областников ставило цели: «а) изучение Урала в отношении историческом, географическом, естественнонаучном, этнографическом, бытовом, экономическом, культурно-правовом; б) популяризацию знаний и сведений об Урале; в) содействие свободному развитию экономических и культурных сил края на основе самостоятельности его населения; г) изучение, распространение и укрепление идеи автономии Урала»²⁴⁹. Для достижения своих целей общество предполагало: «а) собирать и изучать разного рода материалы, относящиеся к Уралу; б) устраивать библиотеки, музеи, выставки, показательные станции и т.п.; в) организовывать научные исследования по разным вопросам местной жизни путем снаряжения экспедиций, назначения конкурсов на премии, анкет; г) разрабатывать и публиковать собранные им материалы и издавать труды; д) устраивать публичные чтения, лекции, курсы, справочные бюро и другие учреждения; е) возбуждать вопросы, относящиеся к нуждам Урала и имеющие целью содействие развитию процветанию Урала. Предполагалось, что обще-

²⁴⁹ Горный край. 1918. 3 (20) декабря. № 4. С. 1

ство будет двигателем областнических идей, «живым органом государственно-областнического самоопределения Урала»²⁵⁰.

Одним из аргументов в пользу идеи уральского областничества ее идеологи считали особое географическое положение Урала, самобытного региона в естественно-природном отношении с его особенностями горного рельефа (и богатством полезных ископаемых, руд и минералов), климата, флоры и фауны. Географ, этнограф К. Носилов в статье «К автономии Урала» подчеркивал, что Уральский хребет – «это, действительно, что-то откованное словно самой природой для самостоятельности. поставленное на рубеже Европы и Азии...»²⁵¹. Природно-географическая специфика края подчеркивалась и в первых путеводителях по Уральскому региону. Например, в «Иллюстрированном путеводителе» В.Весновского отмечалось, что «природа Урала – это не природа Швейцарии, Кавказа, Карпат, это нечто своеобразное, только Уралу присущее»²⁵².

Под воздействием геополитического и природно-климатического факторов в этом регионе сформировалась самобытная региональная культура. О самостоятельности Урала как культурного ареала убедительно и с любовью писал известный художник А.Денисов-Уральский: «...Разве мало может дать нам Урал? Если Вас интересует горное дело – вы его найдете там; если вы художник – вы найдете многое для живописи; если вы литератор – вы встретите любопытные типы и массу бытового и этнографического материала; если коммерсант – вы там найдете живое дело. Урал – это богатый материал, как для сердца, так и для ума и вообще для самой разносторонней деятельности. Поездки молодежи по Уралу с целью ознакомления с его недрами, растительностью, горными видами, промышленностью и инородцами, несомненно, могли бы иметь большое образовательное и воспитательное значение»²⁵³. Особенности традиционной культуры Урала и ее последующая эволюция в значительной степени на уровне образов представлена в художественной литературе. На первой научной конференции, посвященной уральскому писателю Д.Н.Мамину-

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Урал. 1918. 24 (11) ноября. № 7. С. 5.

²⁵² Весновский В. Иллюстрированный путеводитель. По Уралу. Екатеринбург. 1904. С. 54-65.

²⁵³ Весновский В. Иллюстрированный путеводитель. По Уралу. Екатеринбург. 1904. С. 65-66.

Сибиряку, П.П. Бажов обратил внимание на одну деталь: «Сам Мамин в личной биографии написал, что отдельные его произведения принадлежат к разряду областной литературы, которая еще только нарождается. Эта областная литература, которая только нарождалась, не была в достаточной степени оценена». П.П. Бажов, высоко оценивая творчество Дмитрия Наркисовича, отмечал: «В этой литературе мы можем видеть подлинные и красочные картины, не фотографию, а картины прошлой жизни, сделанные художником»²⁵⁴.

Одним из краеугольных камней регионального культурного самосознания стало творчество «позднего» Д.Н. Мамина-Сибиряка. Современные уральские писатели Алексей Иванов и Ольга Славникова оживили уральскую тему, у истоков которой стоял Д.Н. Мамин-Сибиряк. И.А. Дергачев и В.В. Абашев подчеркивают «уральскость» описываемых им картин природы. Однако элементы геопозитического воображения и чувства, которые по убеждению В.В. Абашева, уже присутствовали в прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка, скрывались не в изображении природы, а в изображении людей и специфического уклада горнозаводской жизни, железных людей (металлургов) и других «гномов» «века огня и железа». Писатель выступает в роли социолога, анализируя социальные типы уральцев, а Урал предстает как своеобразный, непохожий на центральную Россию, социально-бытовой и хозяйственный организм. Теллурический код (ярко проявляется в изображении писателем мастеровых рабочих в их тесной связи с земными глубинами и стихиями, с рудниками, фабриками, механизмами, рекой и скалами, стихиями воды, земли и огня), по мнению В.В. Абашева, обнаруживает у Д.Н. Мамина-Сибиряка черты ландшафтного, геополитического мышления, которое системно не было реализовано, но тенденция была несомненна, у писателя была глубокая художественная интуиция Урала²⁵⁵.

Уральские областники и деятели художественной культуры обратили внимание еще на один аспект уральского регионализма, связанный с формированием специфического образа жизни, особенно

²⁵⁴ Бажов П.П. Дальнее – близкое. Повести, очерки, статьи, выступления. Свердловск, 1989. С. 304–305.

²⁵⁵ Абашев В.В. Д.Н. Мамин-Сибиряк у истоков геопозитики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 51, 54–58.

стей общественного сознания уральца. Далеко небеспристрастную сравнительную характеристику дает К. Носилов уральцам и сибирякам: «...население у одного (региона – Урала – Е.К.) сжатое в тесный комоч, интенсивное, сильное, деятельное, богатое, у другой (Сибири – Е.К.) – разбросанное, жалкое, дикое, непрогрессирующее и потонувшее в лесах, пространстве, или в лучшем случае растянутое тонкой ленточкой вдоль рельсового великого сибирского пути и рек и затерявшееся повсюду»²⁵⁶

Особенности менталитета уральцев просматриваются в художественных произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка. Неудивительно, что на страницах газеты «Урал», ставшей рупором областников, отдастся дань памяти этому «певцу Урала». Его произведения позволяют реконструировать исторический портрет уральца. Например, в рассказе «Правильные слова», впервые напечатанном в 1889 г., перед читателем предстает сплавщик с реки Белой, «высокий, плечистый, с большой косматой головой», «настоящий богатырь» начала 70-х гг. XIX в. «Такие типы, – пишет Д.Н. Мамин-Сибиряк, – попадаются еще в захолустьях, как Уфимская губерния. Замечательнее всего у нашего богатыря было лицо – широкое, с окладистой бородой и славянскими серыми глазами: на этом лице лежала печать удивительной доброты, а глаза смотрели совсем по-детски. Он и говорил особенно, тем языком, от которого веяло нетронутым домашним теплом». Автор определяет очевидную любовь к своему герою, «разговорчивому, интересному», гостеприимному, как «известный областной патриотизм». В рассказе с восхищением описывается уральская природа, оживающая под пером талантливого писателя, в которую влюблен и герой рассказа, и сам автор. И все же писатель далек от идеализации своего героя (и социально-экономических процессов на Урале). Уральскому сплавщику Никите, лишь из повиновения родителю не бросившего совсем землю и тяжелый крестьянский труд, говорящему «правильные слова» о земле и родительском благословении, противопоставляется «худенький старичок» из «расейских» (Тамбовской области), противопоставляются «богачество» («выростковые сапоги, ситцевая рубаша и бараньи шубы) первого и «беднота» и равнодушие к богат-

²⁵⁶ Урал. 1918. 24 (11) ноября. № 7 С. 5

ству («расейские лапти, домашнего холста белая рубаша и гречневик») второго. За «невидимой рознью мужиков» стояли разность жизненных укладов, детерминированных индустриальным развитием Урала (с пароходами и прочими атрибутами промышленного переворота) и аграрной специализацией Тамбовского края, и формирующиеся особенности регионального общественного сознания²⁵⁷

Отличительными особенностями уральца исторически являлись деловитость, предприимчивость, мастерство. В художественной литературе подчеркиваются вольнолюбие, широта души, независимость уральцев, способные оборачиваться своеволием, неуправляемостью и преступностью. Уральцу присущ своеобразный язык. Речь сплавщика Никиты «так и пересыпалась поговорками, прибаутками и тем красным словом, по которому узнаешь умного человека сразу»²⁵⁸.

Исследованием проблемы формирования региональной идентичности на материалах уральской прозы рубежа XIX–XX веков в настоящее время занимается Н.Б. Граматчикова, считая региональное самосознание неотъемлемым элементом общественного сознания и частью бытия человека, проживающего на Урале, одновременно подчеркивая, что в тот период сама проблема региональной идентичности зачастую выступает не вполне осознаваемой. Представители других наук, например, Л.В. Смирнягин обращают внимание на то, что «региональная идентичность очень часто существует в скрытой форме, исследователю приходится извлекать ее из общественного сознания»²⁵⁹ Довольно успешно делают это уральские филологи, показывая, что в общественном сознании уральцев на рубеже XIX–XX в. Урал обретает собственную географию, тогда как для российского, «стороннего», глаза остается порогом или частью Сибири. В произведениях уральских авторов, передающего взгляд населения (русского и коренного) Урала, очевидна пограничность, топографическая определенность Камня (Урала). Для многих литературных героев-пересе-

²⁵⁷ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений. М., 1981. Т.3. С. 581–589

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля. Рос. ассоциация междунар. исследований. – М. МГИМО-Университет, 2007. Т. 2. Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной. С.98.

ленцев это «глушь», «чужбина», край «никому не родной». Становление региональной идентичности, показывает Н.Б. Граматчикова, преломляется в культуре и литературе рубежа XIX–XX вв. разнообразием идентификационных моделей, обусловленных соседством людей с разной этнической идентичностью, усложняется религиозной составляющей, например, проживанием православного и старообрядческого населения. «Столетие назад, – заключает исследователь, – Урал представлял собой сложную сеть этнических, религиозных и социальных идентификационных моделей»²⁶⁰.

Свою лепту в эту палитру идентичностей Урала (дороги из Сибири и в Сибирь) вносили маргиналы: беглые, каторжники, разбойники и бродяги. Урал предстает в художественных произведениях как естественная преграда на пути в Сибирь и обратно, в процессе преодоления которой возможности трудности и опасные встречи. Другой группой персонажей с яркой региональной спецификой становятся герои-проводники: сплавщики, ямщики и собственно проводники (часто из инородцев). Еще одну значимую группу литературных героев-носителей специфической региональной идентичности представляют охотники (люди леса). Тяга к лесной жизни – это образ жизни уральца, позволяющий почувствовать себя вольным человеком, а не развлечение и не отдых. По мнению Н.Б. Граматчиковой, одним из важнейших проявлений регионального самосознания уральцев является ощущение вольности, несвязанности (уподобление перелетным птицам). Еще на одну примечательную особенность указывает исследователь – в текстах рубежа XIX–XX вв. основным топосом, где активнее всего формируется региональное самосознание становятся заводские поселения. В произведениях фигурируют знаковые персонажи: управляющие заводов, конторщики, рабочие, старатели²⁶¹.

Многосоставность и многослойность исторического и культурного фона, на котором происходило становление региональной идентичности Урала XIX–XX в., заставляет специалистов обращаться к отдельным срезам (пластам или уровням) идентичности. Обращаясь

²⁶⁰ Граматчикова Н.Б. Проблемы региональной идентичности (на материале уральской прозы рубежа XIX – XX веков) // Литература Урала: история и современность. Сборник статей. Вып.2. Екатеринбург, 2006. С.123

²⁶¹ Там же. С.124-125.

к теме региональной идентичности уральских писательниц XIX – начала XX в., М.А. Литовская устанавливает, что на рубеже 1850-х – начала 1860-х гг. самой актуальной для них была гендерная идентификация, второй по времени (в 1860-е гг.) идентификационной границей, которую они начали осознавать и проблематизировать, стала граница социальная, только с 1880-х гг. актуализируется проблема собственно национальной и региональной идентификации. Ближе к концу XIX в. все большее значение приобретает тема своеобразия места, где живет человек, например, Елизавета Гадмер (Ушкова), в творчестве которой Урал становится одним из главных героев, а его атрибутами – величественная природа, суровость климата, промышленность, многонациональный состав населения, присутствие ссыльных. «Е. Гадмер, – пишет М.А. Литовская, – воспринимает место жительства как значимую часть своей биографии, соотнося себя с другими его обитателями. Идентификация происходит через обнаружение в своей биографии неких общих черт с судьбой жителей края закономерностей. В творчестве Е. Гадмер Урал предстает как край, который никто не заселяет добровольно, как место вынужденных переселенцев...»²⁶². Формируется образ «никому не родного» сурового Урала. Е. Гадмер мыслит себя не уральской женщиной, а «перелетной птицей», считая все-таки «достойным литературы осмысление своей биографии в связи с местом жительства, выявление особенностей этого места, обладающего региональной специфичностью, основанной на полиэтничности, разноукладности Урала». Е. Словцова-Камская, А. Кирпишикова, Е. Гадмер, жившие в разное и существенно отличавшиеся по своим биографическим данным и творческим возможностям писательницы способствовали формированию образа Урала как особенного места²⁶³.

Несомненным фактором формирования региональной идентичности выступало административно-территориальное устройство края, – полагает И.В. Побережников, – «постепенно административно «отсекавшее» Урал от сибирских просторов и Поволжья». Показательна попытка (пусть и безрезультатная) создания чисто уральской

Литовская М.А. «Никому не родня родина»: тема региональной идентичности в творчестве уральских писательниц XIX – начала XX в. // Уральский исторический вестник 2009. № 1 (22). С.61. 63-64

²⁶³ Там же С.65

губернии уже в 1735 г. (путем объединения Уфимской, Вятской и Соликамской провинций). Областная реформа 1780-х гг. в значительной степени содействовала административному оформлению Урала. Функционирование региональной системы управления горнозаводской промышленностью (Уральского горного управления) ускорило выделение в XVIII в. Уральского горнопромышленного региона. Самостоятельный административно-территориальный облик регион приобрел во второй половине XIX в.²⁶⁴

Границы Уральского региона в общественном сознании россиян исторически были весьма подвижными. В докладной записке Пермского губернского земского собрания (от 3 декабря 1909 г.) «Уральская горная область» предстает вытянутой в пространственном отношении более, чем на тысячу верст. Богатая рудными, лесными и водными ботатствами, эта область включала, по мнению земцев, территорию нескольких губерний (Вятскую, Тобольскую, Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую), центральной среди которых называлась Пермская губерния. Именно здесь, в центре горнозаводского Урала, земские деятели хотели видеть учебное заведение для подготовки инженеров²⁶⁵

Уральские областники проектировали Уральский регион как обширную административную единицу. С.А.Груздев в докладе «Урал и его будущее», сделанном 12 октября 1918 г. в зале Народного университета, отбросив обвинения в сепаратизме, заявил, что «Урал, как штат единой Великодержавной России», представляется ему «не в виде только горнозаводского Урала, а в виде обширнейшей области, простирающейся от Ледовитого океана до Аральского моря»²⁶⁶. Успешное развитие региона областники связывали с идеей эффективного местного самоуправления в лице Уральской областной думы. Ее созданию должно было предшествовать создание Уральского област-

²⁶⁴ Побережников И.В. Уральская региональная идентичность: у истоков формирования // Десятые Татишевские чтения. Екатеринбург, 2013. С. 141-142; Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI-XX века. М., 2004. С. 319-357

²⁶⁵ Дашкевич Л.А. Пермское земство об особенностях Урала и его насущных проблемах: к вопросу о складывании регионального самосознания // Региональный фактор модернизации России XVIII-XX вв. сб. науч. ст. / ФБУН Институт истории и археологии УрО РАН. Отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург, 2013. С. 211-212.

²⁶⁶ Там же. 19 (6) ноября. № 2. С.4.

ного правительства, как временного органа. 8 августа 1918 г. определился состав Уральского правительства²⁶⁷. В докладе «о границах области Урала с точки зрения административного управления», поданном главноуправляющим по внутренним делам в Совет Временного Областного Правительства Урала предлагалось руководствоваться при определении границ Уральской области не только «национально-культурно-экономическими соображениями», а «быть может, больше всего» соображениями государственными. В докладе признавалось наличие смежных с уральским пространством крупных административных единиц (Сибирь и объединенных Самарским Правительством центральных губернии), но «не принимались во внимание самоуправляющиеся единицы, какими являлись казачьи и башкирские земли», подчеркивалась недопустимость «с точки зрения общегосударственных интересов дробить Россию на множество мелких автономных единиц». Территория Уральской области должна была охватить Глазовский, Сарапульский и Слободский уезды Вятской губернии, Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии, «на востоке отодвинуть границу до р.Оби, охватив Курганский, Ялуторовский, Тюменский, Туринский и часть Березовского уездов, на севере включить в область полуостров Ямал, острова Новой Земли. Северо-западная граница должна была пройти от «точки соединения Пермской губернии с Вятской на Усть-Сысольск и, охватив весь Тиманский хребет, выйдет на южную часть Ческой губы». К области предлагалось присоединить и остров Колгуев»²⁶⁸.

Идея «Большого Урала» спустя несколько лет (в 1923 г.) уже в других исторических условиях была положена в основу создания Уральской области. В административном отношении Уральская область делится на 15 округов: Верхне-Камский, Пермский, Сарапульский, Кунгурский, Верхотурский, Туринский, Тюменский, Свердловский, Шадринский, Курганский, Челябинский, Троицкий, Златоустовский, Ишимский и обширный Тобольский округ. Округа делились на районы и районы – на волости. Областным центром являлся Свердловск.

²⁶⁷ Зауральский край 1918. 9 августа. № 11 С. 2. Там же. 10 августа. № 12. С. 2.

²⁶⁸ ГАСО. Ф. 1951 рс. Оп. 1 Д. 8. Л. 40-41.

Показателен выпуск работ, посвященных истории Уральской области, составу ее населения и особенностям культуры и быта. По данным всесоюзной переписи 1926 г., население Уральской области и Башкирской АССР, вместе взятых, равнялось 9481723 чел., Уральская область имела население в 6786799 чел. В ней по данным всесоюзной переписи насчитывалось 1407477 чел. городского населения (20,7% городского населения области); по подрайонам городское население распределялось неравномерно: на горнозаводском Урале доходило до 51%, в Предуралье – 17%, в более «сельском» Зауралье – 9,4%, на Тобольском севере – 11%. Городов и поселений городского типа в области насчитывалось 160. Самыми крупными являлись города (с населением свыше 50 тыс. чел.): Свердловск – 136404 чел., Пермь – 84815, Челябинск – 59226, Тюмень – 50355. Громадная территория Уральской области и Башкирской АССР отличалась слабой заселенностью. Средняя плотность населения в Уральской области составляла 3,9 чел. на 1 кв. км²⁶⁹.

Экономической специфике региона уделялось в исследованиях значительное внимание. В частности, заслуживают внимания следующие факты: промышленность Уральской области и Башкирской АССР, общая валовая продукция которых за 1926/27 год равнялась 515,3 млн. руб. при 177800 рабочих, в значительной своей части основывалась на добыче и обработке полезных ископаемых. О значении горнозаводской промышленности свидетельствовал тот факт, что валовая продукция по всем отраслям промышленности, связанной с добычей и обработкой полезных ископаемых, а также утилизацией их продукции, на 1926/27 г. составляла около 92% по отношению к валовой продукции всей цензовой промышленности Урала²⁷⁰.

В данном регионе доминировало русское население, за исключением Башкирской АССР и наименьшего по населению Коми-Пермятского края, в Уральской области русские составляли абсолютное большинство. В центральных округах Уральской области на долю русских приходилось свыше 90% населения, в Тобольском округе – 79,3%, на юге же, в Троицком – 82,8% и в Челябинском – 88,1%. В Уральской области преобладал северно-русский говор, с его ти-

²⁶⁹ Уральская область и Башкирская АССР. М., 1928. С. 38, 42, 45, 159.

²⁷⁰ Там же. С. 102-104.

пичным «оканьем» и «цоканьем»). Составители очерка, посвященного Уральской области и Башкирской АССР, отмечали, что «во многих захолустных местах среди здешнего русского населения сохранились еще остатки седой старины в виде всевозможных обрядов, поверий и различного рода игр и увеселений». В том же региональном исследовании освещались особенности расселения народов. На севере Уральской области проживали представители финно-угорских народов, в Коми-Пермяцком округе – пермяки. На территории Тобольского севера жили вогулы, остяки и самоеды. Помимо этих народностей на территории Уральской области и Башкирии проживали, будучи пришлым населением, украинцы, белорусы, зыряне, чуваша, марийцы (черемисы), мордва и др.²⁷¹.

Некоторое внимание уделили исследователи эволюции культуры в тот период, отметив, в частности, что в Уральской области большую культурно-просветительную роль играет Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), обладающее замечательным музеем в Свердловске. В Пермском областном музее имела ценная коллекция деревянной скульптуры²⁷².

Продолжали развиваться региональные мотивы в творчестве уральских писателей. Благодаря П.П. Бажову в сознании самой широкой читательской аудитории Урал стал краем камнерезов и горных мастеров. Сказы Бажова с 1930-х гг. явились основой общероссийских представлений об Урале, а созданная им мифология с персонажами, вроде Хозяйки Медной горы и Данилы-мастера, – главными репрезентациями Урала²⁷³. Вопросы самобытности уральской культуры и региональной идентичности глубоко интересовали П.П. Бажова, который все же был не склонен к преувеличениям и делал весьма резонные замечания. По воспоминаниям Шумилова известно, что когда происходило спешное формирование Уральского добровольческого танкового корпуса во время войны, зашла речь об облике и характере уральца, то писатель подчеркнул, что коренной житель Урала – это, прежде всего,

²⁷¹ Там же. С.139-148

²⁷² Там же С.152.

²⁷³ Литовская М.А. Литературная борьба за символический статус // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе: Сборник научных статей. Тюмень, 2008. С.67.

русский тип и русский характер. Только в своих земляках Бажов наблюдал гораздо больше упорства и твердости²⁷⁴. Очевидно, что в тот период региональная идентичность перекрывалась другими видами идентичности (прежде всего, государственной).

Всплеск региональной идентичности наблюдался в период обострения отношений между федеральным центром и региональными элитами (последствие «асимметричного федерализма») в начале 90-х гг. XX в. В Екатеринбурге был разработан проект создания Уральской республики. Предполагалось объединение регионов, граничащих со Свердловской областью, была разработана конституция, одобренная народным референдумом, выпущены новые деньги – уральские франки. Целью создания Уральской республики провозглашалась «предотвращение распада экономики России, осуществление децентрализации управления, рациональное распоряжение природными ресурсами, собственностью, финансами, проведение эффективной налоговой политики, оказание более значимой социальной поддержки населению». Уральская республика просуществовала несколько дней, а в ноябре 1993 г. президент РФ Б.Н. Ельцин отменил решение Свердловского областного Совета об образовании Уральской республики. О росте региональной идентичности уральцев свидетельствуют данные экспресс-опроса населения по теме: «Ваше мнение о создании Уральской республики», который проводился еще в июле-августе 1993 г. комитетом по связям с общественностью. По этим данным лишь каждый седьмой респондент высказался отрицательно по поводу идеи создания Уральской республики. Сторонниками республики оказались 55% опрошенного населения, а 25% не могли дать однозначную оценку²⁷⁵. В тот период не вспоминали об идеях уральских областников, известных узкому кругу специалистов-гуманитариев. Между тем, поставленная на повестке дня задача достижения территориальной основы государственного устройства и управления, по сути, тесно перекликалась с лозунгами уральских и сибирских областников начала XX в.

²⁷⁴ Слобожанина Л.М. Сказы – старинные заветы. Очерк жизни и творчества Павла Петровича Бажова (1879-1950). Екатеринбург. 2000. С.114.

²⁷⁵ Уральская республика и целостность российского государства. Б.г., 1993. С 1-6.

Особенно актуальным стало исследование проблемы региональной идентичности в России в связи с административными преобразованиями на рубеже XX–XXI вв. Проблема нарушения региональной идентичности при создании федеральных округов в 2000 г., по мнению Р.Ф. Туровского, с одной стороны, «еще раз свидетельствует об отсутствии в России ясных внутренних границ с исторической традицией», а, с другой стороны, очевидно, что сам макрорегиональный уровень идентичности стал в России реальностью, с чем связана и борьба регионов за восстановление «правильной» идентичности (например, уральской или южной). Много споров спровоцировало отнесение регионов к западу от Урала к Приволжскому округу. В итоге Башкирия, Пермская и Оренбургская области на политико-административном уровне утратили уральскую идентичность. В составе Урала оказалась Тюменская область, которая исконно ассоциировалась с Сибирью (а теперь с Зауральем).

Многие исследователи видят в регионах, прежде всего, историко-культурные зоны. В частности, С.В. Рыбаков считает Урал единой самобытной историко-культурной зоной, хотя и подчеркивает, что этот регион неоднороден по природно-климатическим и этнокультурным признакам: «не стоит искать буквального сходства между Оренбуржьем и, к примеру, Приполярным Уралом»²⁷⁶. Приграничная Оренбургская область «укрепила свой историко-культурный статус зоны контактов «Леса» и «Степи», Запада и Востока, славян и тюрок, христианства и мусульманства, усилила свою хозяйственную, этнокультурную, ментальную специфику»²⁷⁷. Оренбуржье представляет значительный научный интерес в плане исследования региональной идентичности. Оренбургский край, – пишет С.В. Любичанковский, – «обладавший сложившейся еще в XVIII веке определенной самостоятельностью и социокультурными особенностями, частично не утраченными и до сегодняшнего дня, давно находится в сфере внима-

Рыбаков С.В. Оренбуржье в контексте теории региональных исследований // Пятые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. Оренбург, 2011. С.74

²⁷⁶ Там же. С.78.

²⁷⁷ Любичанковский С.В. Проект создания академического сборника документов по истории Оренбургского края в контексте популяризации регионального культурного наследия и развития краеведческой науки // Пятые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. Оренбург, 2011. С.79.

ния краеведов, ученой различной специализации»²⁷⁸. Высокой оценки заслуживает деятельность оренбургских исследователей в плане популяризации культурного наследия.

«На фоне поисков российской идентичности в оси координат «Запад» – «Восток» представляет интерес цивилизационное измерение пермского варианта региональной идентичности (статус принадлежности к европейскому пространству) и его отражение в исторической памяти», – пишет М.А. Оболонкова. Под «региональной идентичностью» исследователь, заимствуя достаточно широкое политологическое значение, понимает «комплекс символических и идейных установок и смыслов, связанный с процессом интерпретации регионального своеобразия, через который уникальность региона приобретает осязаемые черты в образах, символах и мифах, разделяемых членами регионального сообщества». По ее убеждению, чувство принадлежности к европейской культурной общности – важная часть пермского европеизма²⁷⁹. Исследование региональной идентичности приводит пермских ученых к обращению к культурному наследию и тем символам и феноменам, которые были исторически связаны с регионом: «пермский звериный стиль», «пермские древности» (археологические памятники и находки дохристианского периода), «пермская деревянная скульптура». О.В. Игнатъева, в частности, полагает, что «пермский звериный стиль – это собирательный образ древности, позволяющий говорить о своей уникальности и влияющий на региональное самосознание»²⁸⁰.

В XX в. идентификационные маркеры в творчестве уральских писателей достигли наибольшей полноты и цельности, обретая на современном этапе форму неявной (но от того не менее напряженной борьбы) за символический статус территории. Современные писатели делают акцент на обозначении различий внутри Уральского региона, тогда как их авторитетные предшественники, прежде всего П.П. Бажов, сформировали образ Урала как целого, превратив его

²⁷⁸ Оболонкова М.А. На пересечении пространственного и цивилизационного измерений: пермская региональная идентичность в исторической памяти // Грибушинские чтения-2013. Кунгурский диалог. Кунгур, 3013. С. 247-249

²⁸⁰ Игнатъева О.В. Роль культурного наследия Пермского края в формировании региональной идентичности // Грибушинские чтения-2013. Кунгурский диалог. Кунгур, 3013. С. 249-251

в часть культурного ландшафта России. Современные писатели, не оспаривая предшественников, занялись спецификацией территорий внутри Уральского региона, признавая, что ландшафт влияет на формирование темперамента и способа мышления. По мнению О. Славниковой, например, точное литературное описание, основанное на знании реалий территории, предопределяет дальнейшее существование места в культуре и формы самоидентификации его жителей. М.А. Литовская, анализируя творчество писательницы О. Славниковой, пишет: «Рифейская принадлежность – факт ее личного мифа. Образ знатока места – гарантия ее включения в общелитературный контекст. Важна ее уникальность как носителя специфической «рифейской ментальности», обусловленной уникальностью места»²⁸¹. О.Славникова разделяет традиционное, сформированное П.Бажовым, среднеуральское видение региона как Горы с Тайной, тогда как другой уральский писатель А. Иванов ассоциирует Урал прежде всего с Пермским краем, смещая интерес читателя на запад²⁸².

Очевидно, что региональные исследования, отражая особенности эволюции регионального самосознания уральцев, могут быть востребованы в процессе формирования регионального имиджа и моделирования современного регионального развития, актуализируя исторический опыт, открывая возможности для его использования с целью формирования позитивной региональной идентичности.

²⁸¹ Литовская М.А. Литературная борьба за символический статус // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе: Сборник научных статей. Тюмень, 2008. С. 69.

²⁸² Там же. С.71-72.

*Как солнце в драгоценной грани,
В Урале Русь отражена.
(Л. Татьяничева)*

Концептуальный подход к исследованию роли и значения Урала в российской истории определяется диалектической связью части и целого: с одной стороны, целое познается через знание его частей, с другой стороны, знание целого предшествует познанию его частей. Изучение этой дихотомии целесообразно вести с помощью соответствующих методологических приемов. Познать целое через его *часть* можно, определив своеобразие Урала, его историческое наследие, вклад в историю страны. Знание *целого*, которое дает ключ к познанию его частей, можно обрести, применяя сетевую модель диффузии инноваций²⁸³. Ограниченный объем текста приводит к сосредоточению внимания на первом из названных подходов – конспективном рассмотрении своеобразия уральского наследия в сокровищнице российской истории. Устремляясь в эту кладовую ценностей, последуем Сенеке, предлагавшим «овладевать целым по частям».

За прошедшие тысячелетия деятельность людей на территории региона, который сегодня принято называть Уралом, сформировала оригинальные, только ему присущие черты. Их абрис задан географическим положением и природным ландшафтом региона, определившим его развитие, во-первых, как амбивалентное сочетание периферии по отношению к государственному центру и в то же время средоточия потоков людей, культур, технологий, шедших через условную границу Европы и Азии в меридиональном и широтном направлениях. Во-вторых, хребет России формировался как горно-металлургический комплекс, что закономерно вело к складыванию особых производственных и социальных характеристик.

²⁸³ См. Алексеева Е.В., Нефедов С.А. Россия и Урал в мировых диффузионных волнах XVII–XIX вв. (военно-технологический аспект) // Уральский исторический вестник. № 1 (38). 2013. С. 28.

Своеобразие Урала как одного из регионов России определяется специфичностью локального варианта индустриальной цивилизации. Индустриальная цивилизация является результатом мирового модернизационного процесса, разворачивавшегося в новое и новейшее время. Характерной чертой этого глобального феномена являлся перенос, заимствование и адаптация инноваций из разнообразных, рассеянных по миру центров их выработки, на периферию культурного круга (которая подвижна, относительна и также созидательна). Западноевропейское влияние существенным образом отразилось на генерировании основных компонент индустриальной цивилизации Урала. Она представляет собой сплав самобытных и привнесенных черт и предстает в историческом единстве:

1. многокомпонентных заводских и горнорудных комплексов – в значительной степени военно-промышленного назначения, включающих в себя производственную инфраструктуру, сложное оборудование и технологии;

2. сотен поселений с типичной планировкой, возникших в целях специфической производственной деятельности;

3. разветвленных транспортных сетей;

4. колоссально преобразованных естественных ландшафтов с измененным составом не только почвы, но также воды и воздуха;

5. характерной социальной и административной структуры;

6. развитой системы выработки и передачи специальных знаний;

7. своеобразного менталитета, характера, жизненного опыта уральцев, отраженного в их повседневности и художественном творчестве.

Производственные комплексы. Наследие Урала охватывает все стадии индустриальной цивилизации и стержневые отрасли промышленности: горнодобывающую, металлургическую (черную и цветную), машиностроение, приборостроение и многие десятки других. В общей сложности на территории уральского региона от прежних эпох сохранились сотни достойных внимания памятников²⁸⁴. Среди них – несколько десятков уникальных промышленных объектов

²⁸⁴ Частично они отражены в публикациях: Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т.1. Екатеринбург. 546 с. Екатеринбург. Издательский Дом «СОКРАТ», 2007; Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т.2. Свердловская область. 648 с. Екатеринбург. Издательский Дом «СОКРАТ», 2008.

XVIII–XIX вв. Их отличительными особенностями являются: многообразие и масштабность: наслоение в одном и том же месте различных культурных слоев, характеризующих разные эпохи индустриальной цивилизации; сохранение до наших дней значительных объемов старой промышленной архитектуры и некоторых раритетных технологий; наглядная демонстрация конвергенции западноевропейских и российских технологий. Уральское наследие ярко иллюстрируется многовековым развитием основы индустрии – металлургии, постоянным совершенствованием ее технологической базы, приведшим к глубокой трансформации экономической и социокультурной жизни в регионе. Промышленное развитие Урала представлено памятниками гидротехнических сооружений; горных работ: сыродутного (одностадийного) способа производства железа; двухстадийной технологии получения и обработки железа XVIII–XIX вв.; производственными комплексами XX в.

Именно металлургия дала импульс для перехода региона от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, что является главным наследием индустриальной цивилизации на границе Европы и Азии. В результате сегодня концентрация промышленного производства на Урале в четыре раза выше, чем в среднем по России. Здесь производится более 40% общероссийской продукции металлургического комплекса, около 45% стальных труб, 10% продукции машиностроения (авиационного, ракетно-космического, средств связи, радиопромышленности, станкостроения и др.)²⁸⁵. Челябинская и Свердловская области дают 93% тракторов, более 80% бульдозеров, 64% грузовых железнодорожных вагонов от общероссийского количества. В УрФО сосредоточена вся или почти вся общероссийская добыча ванадия, магнезита, свыше 42% графита, около 60% бокситов и кадмия, цинка, порядка 13% железных руд, примерно 5% меди, 6% никеля, 3,1% золота, добываемых в стране²⁸⁶.

²⁸⁵ От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока. Под общей редакцией академиков А.И. Татаркина, В.В. Кулешова, И.А. Минакера. Екатеринбург, 2009. С. 300–369.

²⁸⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 г. № 1757-р г. Москва. Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года // Российская газета <http://www.rg.ru/2011/10/17/ural-site-dok.html>

На протяжении трех столетий Урал являлся государственным арсеналом России. Первые уральские металлургические заводы строились как военные предприятия, призванные снабжать русскую армию и флот вооружением. На Каменском заводе сразу после его пуска в 1701 г. начали отливать пушки и мортиры. Всего за первую четверть XVIII в. на Урале было построено 23 металлургических завода. В 1725 г. они дали уже 73% общероссийского производства чугуна²⁸⁷. За годы Северной войны (1700–1721 гг.) Урал произвел свыше тысячи орудий: пушек, мортир, гаубиц, а также более 1 миллиона снарядов, что сыграло не последнюю роль в обеспечении победы, которая коренным образом изменила международное положение России, возвела ее в ранг великой европейской державы²⁸⁸. С 1718 г. уральский заводчик Никита Демидов стал единственным поставщиком железа, якорей и пушек для Адмиралтейства. В середине XVIII в. казенные поставки демидовских заводов составляли более 17 тыс. пудов металла в год.

Французская революция 1789–1794 гг. и Наполеоновские войны привели к резкому увеличению потребности в вооружениях. К концу 1812 г. уральские заводы отлили около 150 тыс. пудов снарядов, что составляло свыше 80% потребностей страны²⁸⁹. За 1812–14 гг. мастерами Ижевского оружейного завода было изготовлено порядка 11% ружей и 16% тесаков от их производства в стране. Всего за 1807–66 гг. Ижевский завод выдал около миллиона ружей – треть отечественного стрелкового оружия²⁹⁰. На Златоустовской фабрике (с 1835 г. ставшей единственным производителем холодного оружия в стране), с 1826 по 1850 г. было изготовлено 76% данного вида оружия²⁹¹. На Урале было положено начало производства стальных орудий. В 1835 г. выдающийся русский металлург П.П. Аносов осуществил первый опыт по отливке стальной пушки. Отладка технологии горным инженером П.М. Обуховым и организация производства потребовала двух деся-

²⁸⁷ Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т.1. М., 1954. С. 197.

²⁸⁸ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв. Избранные труды. Екатеринбург. 2005. С. 244.

²⁸⁹ Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург. 2008. С. 136.

²⁹⁰ Там же. С. 139, 143.

²⁹¹ Там же. С. 152.

тилетий. Тем не менее, Россия стала второй после Германии страной, которая смогла освоить серийное производство стальных орудий²⁹². В 1863 г. близ Перми были заложены сталепушечный и чугунопушечный заводы, в 1871 г. слитые в один – Пермский пушечный заводы.

За годы Первой мировой войны уральскими казенными и частными предприятиями было выпущено около 9,1 млн. снарядов, более 1 млн. ед. холодного оружия и свыше 4,5 млн. ед. шанцевого инструмента. В период Первой мировой войны доля Урала в общероссийском производстве составляла: снарядной стали – 47%, проволоки – 21%, артиллерийских скорострельных орудий – 31%, крепостных гаубиц – 67%, артиллерийских снарядов – 12,3%, винтовок – 43%, меди – 73%, серного колчедана – 90%. Накануне войны уральские заводы производили около 15% от общероссийской военной продукции, к концу войны доля уральских предприятий в военном производстве России составила более 30%.²⁹³

В годы Второй мировой войны Урал принял более 700 заводов, эвакуированных из европейской части страны²⁹⁴. Здесь сформировались крупнейшие центры по производству танков, артиллерийских орудий, стрелкового оружия и других видов военной техники. В 1941–1945 гг. Урал поставил фронту 55,6% танков и САУ различных классов от их валового производства всеми заводами наркомата танковой промышленности СССР²⁹⁵. Ижевский завод в войну изготовил более 11 млн винтовок и карабинов (93% общесоюзного производства), 213 тыс. пулеметов, 961 тыс. пистолетов ТТ и другое оружие.²⁹⁶ Знаменитый автомат Калашникова (самое распространенное оружие в мире) создан в Ижевске и принят на вооружение в 1949 г.

²⁹² Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII-XX вв.. избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 266

²⁹³ Жук А.В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны, 1914-1918 гг. Автореф. дисс... канд.ист.наук. Екатеринбург, 2000 <http://cheloveknauka.com/voennaya-promyshlennost-urala-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny>

²⁹⁴ Васильев А.Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. М., 1982. С. 40

²⁹⁵ Запарий В.В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. Екатеринбург, 2013. С.16.

²⁹⁶ Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 181

На долю региона пришлось более 50% всех боеприпасов, произведенных в годы войны в стране²⁹⁷. Только один Невьянский завод выпускал по 1 млн снарядов в месяц. За годы войны Пермский и Уфимский моторостроительные заводы произвели более 200 тыс. авиационных моторов. Уральский алюминиевый завод в Каменск-Уральске до января 1943 г. обеспечивал все потребности страны в этом металле. В итоге за годы Второй мировой войны Урал дал 40% всей военной продукции СССР (100% тяжелых танков, 50% артиллерийских орудий, 50% боеприпасов)²⁹⁸.

После Второй мировой войны Урал был признан удобным районом для размещения предприятий ракетно-ядерного комплекса. Здесь возникло 5 из 10 закрытых городов СССР: Челябинск-70 (Снежинск), Челябинск-40 (Озерск), Свердловск-44 (Новоуральск), Свердловск-45 (Лесной), Златоуст-36 (Трехгорный). В них решалась судьба советского атомного проекта, производились главные компоненты для его практической реализации. В 1948 г. вступил в строй комбинат «Маяк» (Челябинск-40). Именно здесь были накоплены начальные килограммы плутония-239, из которого изготовлены атомные заряды, а в августе следующего года в СССР испытана первая атомная бомба. Серийное производство ядерных боеприпасов было развернуто на заводе «Электрохимприбор» в г. Лесном (Свердловск-45), Приборостроительном заводе в г. Трехгорном (Златоуст-36)²⁹⁹. Здесь же, на Урале, решались многие вопросы проектирования и производства средств доставки ядерного оружия, прежде всего с помощью ракет («КБ им. Академика В.П. Макеева», «Научно-производственное объединение автоматики» во главе с главным конструктором академиком Н.А. Семихатовым и др.). Изготавливались ракеты, также на Урале, с конца 1950-х гг. (Свердловский машиностроительный завод им. М.И. Калинина, Воткинский и Пермский машиностроительные заводы).

²⁹⁷ Там же. С. 183.

²⁹⁸ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII-XX вв. Избранные труды. Екатеринбург. 2005. С. 91.

²⁹⁹ Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург. 2008. С. 392.

Индустриальная цивилизация породила перманентную гонку вооружений, подстегивавших производство, технологии, обеспечивавших работой сотни тысяч людей, но также приведших к гибели миллионов. В силу геополитических, природных и социально-экономических условий Урал оказался одним из наиболее подходящих в России районов для создания здесь мощного военно-промышленного комплекса, который на протяжении XVIII–XX вв. служил надежной базой вооружений, государственным арсеналом. Он сыграл важную роль практически во всех войнах, которые вела Россия в борьбе за свою независимость и развитие на протяжении последних трех столетий³⁰⁰.

Региональные особенности урбанизации. Заводские, рабочие поселки – колоритная примета становления и созревания индустриального общества³⁰¹. Они существуют в разных странах мира, яркие в своем региональном своеобразии, но типичные с точки зрения производственных целей и обстоятельств возникновения³⁰². Главенствующая роль промышленности в уральском регионе предопределила тип большинства его поселений. При всем своеобразии их развития, в том числе, сочетании городских и сельских черт³⁰³, нельзя отрицать определяющую роль промышленных предприятий в возникновении и последующей трансформации заводских поселений в города.

С открытием железной руды в 1630 г. появляется первое специализированное государственное поселение металлургов – «Невьянское рудное и железное дело» (рудная слобода) – предтеча городов-заводов. Живым наследием индустриальной цивилизации являются уральские промышленные города, возникшие в XVIII – XIX вв. как

³⁰⁰ Alekseev V. Alekseeva E. L'Oural métallurgique, histoire et patrimoine. Chambéry Université de Savoie. Édition française de Gracia Dorel-Ferré. 2011.

³⁰¹ Garner J.S. The company town: Architecture and society in the early industrial age. New York: Oxford University Press, Inc. 1992

³⁰² Например, такие поселения как: Arc-et-Senans, Le Creusot, Mulhouse, Familistère de Guise во Франции, Grand-Hornu в Бельгии, New Lanark в Великобритании, Ludwigshafen в Германии, Kitakyushu в Японии, Sedó, Guell в Испании, Pullman в США и др.

³⁰³ Голыкова С. В. Заводские поселки – особый тип уральских поселений XVIII – начала XX в. // Документ. Архив. История. Современность. сб. науч. тр. Екатеринбург. 2003. С. 66–87. Чагин Г.Н. Заводские поселения Пермского края и их историко-культурный ресурс в XIX веке // Вестник Челябинского государственного Пермского края и их историко-культурный ресурс в XIX веке // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45 С. 10–15

горнозаводские поселения, «города-заводы»³⁰⁴ и сберегшие до сих пор ярко выраженные черты прошлых эпох. К их числу относятся Каменск-Уральский, Невьянск, Нижний Тагил, Екатеринбург, Кыштым, Кушва, Алапаевск, Златоуст и многие другие. Заводские поселения являются центрами индустриального наследия Урала. В большинстве из них сохранились исторические комплексы промышленных, административных, жилых, общественных, торговых и культовых зданий. Развиваясь на базе металлургических заводов, они синтезировали производственные и селитебные территории. Центральной градообразующей осью, доминантой в городском пейзаже выступал заводской пруд. Основная магистраль города, как правило, проходила по плотине. Центры большинства старых уральских городов однотипны: река-плотина-пруд, заводские постройки в качестве ядра территории, жилые улицы – на периферии.

Особенностью некоторых уральских городов, проистекавшей из сосредоточения здесь производств, к организации и деятельности которых активно привлекались иностранные специалисты, было поселение европейцев в специальных кварталах. XIX столетие принесло с собой несколько крупных миграций западноевропейских мастеровых людей на Урал³⁰⁵. Для 140 иностранных мастеров-оружейников, в основном шведов, датчан, немцев (вместе с семьями их численность составляла около 300 чел.) – специально были выстроены усадьбы в итальянском стиле в Ижевске³⁰⁶. В Златоустовском заводе к 1820 г. проживало 147 семейств иностранцев – 454 человека³⁰⁷. В соответствии с требованиями иностранцев, они были поселены колонией, места для жительства были отведены в центре заводского поселка, на смежных – Большой и Малой Немецких улицах, где было построено 50 единообразных домов³⁰⁸. В Златоусте был построен католический

³⁰⁴ Логарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX в. Екатеринбург. 1993

³⁰⁵ Ермакова О. К. Западноевропейские специалисты на казенных заводах Урала в первой половине XIX в. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к. и. н. Екатеринбург, 2013

³⁰⁶ Шумилов Е. Ф. «Для пользы ближних» Андрей Федорович Дерябин. Очерк жизни гениального человека пушкинской эпохи / Е. Ф. Шумилов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 2004. С. 100

³⁰⁷ Окунцов Ю. П. Златоустовская оружейная фабрика. М., 2011. С. 23

³⁰⁸ Там же. С. 24-25

собор и протестантская кирха, организована немецкая школа, открыт клуб и библиотека, основанная в 1817 г. За счет завода для клуба было выстроено летнее помещение за прудом. Это место, с большим деревянным зданием с террасами, парком с беседками, столиками, скамейками, площадками для игр, получило название Фрейденталь, «Долина радости»³⁰⁹

Городская застройка конца XVIII – первой половине XIX вв. на Урале являет многие примечательные образцы заводского, общественного и частного зодчества благодаря деятельности архитекторов горного ведомства в лучших традициях русского классицизма. Другой взлет уральских городов приходится на 1920-30-е гг. – время второй, советской, волны индустриализации Урала, когда творческие идеи лидеров архитектурного авангарда широко воплощались в соцгородах. Произведения неоклассики 1940-50-х гг. – нетривиальное явление мировой культуры, неотъемлемое достояние истории советского градостроительства – также богато представлено на Урале.

Из почти 80 поселений, возникших на среднем и южном Урале (наиболее урбанизированных территориях) с начала промышленного освоения и выросших ныне в современные города, те из них, которые были основаны или развивались преимущественно как горнозаводские центры, составляют большинство – около 60. Причем целесообразность появления поселений не только на этапе становления промышленности в регионе, но и в более поздний исторический период так же обуславливалась, прежде всего, требованиями промышленного развития, и была связана с разработкой новых месторождений полезных ископаемых (Асбест, 1889), строительством железной дороги (Богданович, 1885) или возведением новых крупных заводов (Серов, 1894). Советские города Урала, за редким исключением, также получали импульс к развитию в результате разработки вновь открытых месторождений полезных ископаемых (Качканар, 1956), создания атомного оружия и разработки ядерных технологий (Лесной, 1947; Трехгорный, 1952; Озерск, 1954; Снежинск, 1957) или строительства новых крупных промышленных предприятий (Магнитогорск, 1929). Проект генерального плана застройки Магнитогорска, разработан-

³⁰⁹ Там же С 25

ный в 1929–1930 гг., стал уральским отголоском мирового движения строительства городов-садов. Однако, направленный на дезурбанизацию промышленного центра, проект был отклонен³¹⁰. По сути, социальные идеи, заложенные в основу движения городов-садов, противоречили целям государственного контроля над жизнью и производственной деятельностью людей, а также осуществлению военно- и трудо-мобилизационной организации населения и градостроительного закрепления трудо-бытовых коллективов различного масштаба, реализуемым в СССР. Идея города-сада, воспетого В. Маяковским³¹¹, была трансформирована советской властью в «социалистический рабочий поселок», совпадающий с городом-садом по численности населения, характеру планировки, принципам зонирования и по балансу территории³¹².

Наиболее популярной формой социалистического расселения в уральских городах в 1930-е гг. стали соцгородки, окружавшие старый город, традиционный заводской центр. Они возводились для рабочих вновь создаваемых крупных промышленных предприятий. Примерами таких соцгородов являются промышленно-селитебные районы Уралмаш с населением 200 000 жителей на севере Екатеринбурга; Эльмаш (Электромашиностроительный завод) с населением 140 000 на его северо-востоке, городки алюминщиков и трубников в Каменске-Уральском и т.д. Все они до сих пор сохранили ярко выраженные черты прошлых эпох и представляют великолепный полигон для специалистов, позволяя реконструировать быт и социокультурные основы жизни заводского населения.

Особенностью промышленного и городского развития на Урале стало численное преобладание моногородов. Из общего числа моногородов в нашей стране (а их более 500, т.е. 46% всех городов России³¹³), на территории Уральского федерального округа располагается 68.

³¹⁰ Бакунин А.В., Цибулькинова В.А. Градостроительство на Урале в период индустриализации. Свердловск, 1989. С.8-11.

³¹¹ Маяковский В. Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка // Полное собрание сочинений. М., 1958. Т. 10. С. 128-131

³¹² Меерович М.Г. Рождение и смерть советского города-сада // Вестник Евразии. СПб., 2007 <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569462&fl=5&sl=1>

³¹³ Национальная идея России. В 6 т. Под общей ред. С.С. Сулакшина. Т. V М., 2012. С. 1994.

Общая численность населения, проживающего в них, составляет более 3,8 млн. человек, или 30% от общего населения округа¹¹⁴. Даже если на градообразующем предприятии работает «не все» население города, жизнь горожан, как правило, теснейшим образом зависит от завода, так как к градообразующим «монстрам» привязано несчитанное количество мелких предприятий. Многие из промышленных городов Урала испытывают серьезные производственные и социальные проблемы. Однако есть и положительные примеры, подобные коттеджному кварталу «Березовая роща», который выстроен на въезде в г. Полевской Свердловской области Северским трубным заводом для его работников в 2011 г.

Доминирование промышленности сформировало регион как высокоурбанизированный, с подчиненной аграрной составляющей. Индустриализация сопровождалась значимыми изменениями в жизни общества, определяла специфику поселений и жизни в них¹¹⁵. Таким образом, к числу типичных для уральского региона черт заводских поселений, трансформировавшихся в ходе урбанизации в крупные города, относятся: возникновение поселений как следствие организации промышленного производства; органическая связь производственных и селитебных функций; типовая планировка городов вокруг заводской плотины; строительство кварталов в европейском стиле для проживания технических специалистов-иностранцев (в Ижевске, Златоусте); соцгородки советской эпохи; большое количество моногородов.

Транспортная сеть. Индустриальная цивилизация создала развитую транспортную сеть. В настоящее время Уральский федеральный округ располагает разветвленной транспортной инфраструктурой. Общая протяженность железных дорог составляет более 9 тыс км, внутренних водных путей – более 11 тыс км, протяженность автомобильных дорог общего пользования – более 58 тысяч км. На территории округа расположено 63 аэропорта, в том числе, 7 – федерального

¹¹⁴ На Урале насчитали уже 68 моногородов <http://politsovet.ru/28930.html>.

¹¹⁵ Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центра и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века) М., 2000.

значения. Трубопроводным транспортом передается около 80% общероссийских объемов углеводородного сырья³¹⁶.

Направления основных магистралей на Урале закладывались в XVIII–XIX вв. Уже в XVIII в. между отдельными демидовскими заводами были проложены хорошие дороги – обсаженные деревьями, окопанные по сторонам канавами, снабженные прочными мостами. Однако транспортировка тяжелой металлической продукции на дальние расстояния была проще и эффективнее водным путем. Почти два века река Чусовая – фарватер которой был расчищен, а на берегах устроены пристани – использовалась как фактически единственный экономически оправданный транспортный, торговый путь. По реке около половины уральских заводов сплавляли до 8 млн пуд грузов в центр России и далеко за ее пределы даже в конце XIX в., когда уже интенсивно строились железные дороги³¹⁷. Сегодня на территории природного парка «Река Чусовая», созданного в 2004 г., в руинизированном состоянии находятся 10 памятников индустриального наследия: «Кашкинская пристань», «Усть-Уткинская пристань», «Сулемская пристань», «Илимская пристань», «Демидовский тракт», «Висимо-Уткинский передельный завод» XVIII в., «Висимо-Шайтанский передельный завод» XVIII в., поселок Висим (подпорная стенка плотины, здание храма XIX в., селитебная зона рабочего поселка Висим), «Демидовская узкоколейная железная дорога» (железнодорожное полотно и прилегающие территории), «Шайтанская пристань и металлургический завод» XVIII в., «Мартьяновская заводская пристань» XVIII в., «Староуткинская пристань и металлургический завод» XVIII в.³¹⁸

По возвращении из командировок в Швецию и Англию, механики демидовских заводов Ефим и Мирон Черепановы в 1833-1834 гг. создали в Нижнем Тагиле первый в России паровоз и построили чугунную железную дорогу. Время их рентабельности пришло не сразу, но от-

От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока. Под общей редакцией академиков А.И. Татаркина, В.В. Кулешова, П.А. Минакера. Екатеринбург, 2009. С. 400-403.

³¹⁷ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII-XX вв. избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 205.

³¹⁸ Природный парк река Чусовая <http://www.chusovaya.org/>

носителем вскоре узкоколейные железные дороги получили самое широкое распространение, образуя разветвленную сеть путей, связывавших различные заводы, рудники, шахты, пристани, торфо- и лесоразработки³¹⁹. Такого рода промышленные железные дороги, обслуживавшие целые горнозаводские округа, типичны для Урала, некоторые из них (например, девять узкоколеек в Свердловской области), существуют до сих пор³²⁰. В 1926 г. общая длина узкоколейных линий Урала, не считая путей внутризаводского транспорта, составляла 1 500 км. Начиная с 1970-х гг. наблюдается резкое сокращение узкоколейной сети. После ликвидации движения по узкоколейкам рельсы разбирались, а уникальные паровозы шли на металлолом. Несколько из них 1920-30-х гг. сохранились в качестве объектов демонстрации (в Екатеринбурге, Челябинске, Белорецке, Алапаевске).

Действующая железнодорожная сеть Урала формировалась преимущественно в конце XIX – XX вв. Ширококолейная рельсовая магистраль – Горнозаводская железная дорога, связавшая Пермь – Екатеринбург, была пущена в октябре 1878 г. Строительство дорог в основном осуществлялось из рельс, болтов, труб, изготавливавшихся на местных заводах, что поддерживало производство и давало занятость рабочим. Железнодорожная сеть, большей частью проложенная еще до революции, выдержала перевозки советского времени, продолжает функционировать в своей прежней конфигурации в наши дни. Таким образом, в результате промышленного развития, подчиненного главной – металлургической – отрасли, в регионе была создана современная транспортная инфраструктура – сооружена сеть железнодорожных путей, включая магистральные линии и подъездные пути, узкоколейные железные дороги, связавшие металлургические заводы с источниками сырья и рынками сбыта.

Индустриальный ландшафт и природная среда. На протяжении столетий интенсивного промышленного освоения коренным образом менялась окружающая среда региона. Рукотворные черные холмы мертвой породы или, напротив, глубочайшие карьеры, на дне которых гигантские погрузчики кажутся детской игрушкой, неиз-

³¹⁹ Колесов А. В. Из истории уральских узкоколеек. Екатеринбург. 1993.

³²⁰ Узкоколейные железные дороги Свердловской области <http://infojdr.ru/uzk66.html>

менно поражают воображение в Карабаше, Асбесте, Нижнем Тагиле, Магнитогорске и других местах. За почти три столетия срыты богатейшие кладовые высококачественных железных руд – горы Высокая (некогда высотой 380 м), Благодать (385 м), Магнитная (616 м.).

Уникальная руда г. Высокой, расположенной рядом с Нижним Тагилом, была известна еще в конце XVII в. Магнитные железняки горы содержали до 67% железа, отличались чистотой, легкоплавкостью, включали почти 3% полезной примеси – оксида марганца. В 1890-х гг. на Высокой ежегодно добывалось более 12 млн пуд. руды, к концу XIX в. месторождение значительно истощилось. Особенно интенсивно рудник эксплуатировался в период Великой отечественной войны. В настоящее время на месте горы Высокой – огромный котлован. За время эксплуатации месторождения люди добыли 223 млн. т железной руды. Гороблагодатский рудник дал жизнь г. Кушва. На месте горы Благодать после почти двух с половиной веков эксплуатации (1735 – 2003 гг.), также образовался огромный карьер диаметром около километра и глубиной до 315 м. Всего там добыто более 150 млн т высококачественной железной руды. В наши дни привлекает множество экскурсантов Центральный карьер – сердце бывшей горы. Высокосортная железная руда горы Магнитной залегала неглубоко, зачастую непосредственно выходила на поверхность. Содержание железа в лучших рудах достигало 70%. Этому месторождению обязан своим существованием город Магнитогорск. Из уникальной кладовой природы добыто более 450 млн. т руды.

Привязка к источникам гидравлической энергии, силой которой приводились в движение основные заводские механизмы, обусловила в XVIII в. постройку всех уральских металлургических заводов в речных долинах, на берегах рек. В этих местах возводились плотины, создавались большие водохранилища – заводские пруды, их ландшафтнообразующая функция сохраняется и поныне.

Многолетняя вырубка лесов для обеспечения нужд металлургического производства на Среднем и Южном Урале на больших площадях привела к уничтожению ценных пород деревьев, замене хвойных пород малоценными лиственными и кустарниками. На Урале сохранились лишь островки старовозрастных лесов. «От девственных

первобытных пихтово-еловых дремучих лесов, покрывавших территорию горнозаводского Урала к моменту появления горнозаводчиков, к 1840-гг. осталось только 33%, к 1915 г. – 23%, к 1950 г. – до 15%, к настоящему времени не более 1%)»³²¹ Предпринимаемые меры по искусственному лесоразведению до сих пор недостаточны.

Урал относится к самым экологически неблагоприятным регионам России и мира. Одним из главных загрязнителей биосферы являлся горнометаллургический комплекс, породивший большое число экологически вредных производств. Район критической экологической ситуации представляет «медный пояс» Урала с его медеплавильными заводами, экологически неблагоприятными технологиями. «Часть территории уральского региона заражена радиоактивными веществами. Накопленные в отвалах отходы горного и металлургического производств превышают 6 млрд тонн. Пораженные газодымными выбросами территории достигали 0,5 млн га. Под терриконами отвалов, шламовыми и шлаковыми полями, выработками и карьерами находится 0,2 млн га. Площади нарушенных и занятых под отвалы земель на Урале сравнимы с территориями малых стран Европы»³²².

Такие промышленные центры, как Нижний Тагил, Екатеринбург, Челябинск, Магнитогорск, Орск, Пермь, Уфа, Ижевск лидируют по выбросу вредных веществ в окружающую среду. В Свердловской области 91% населения проживает в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха³²³ В окрестностях предприятий добывающей промышленности, черной и цветной металлургии содержание тяжелых металлов в почвах превышает предельно допустимые концентрации в 50-2000 раз. Крупными источниками загрязнения атмосферного воздуха являются Рефтинская ГРЭС, г. Асбест (337 тыс. т); Нижнетагильский металлургический комбинат, г. Нижний Тагил (94 тыс. т); Качканарский ГОК (89 тыс. т); Высо-

³²¹ Гаврилов Д.В. Экологические уроки исторического прошлого Урала // Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале. Екатеринбург. 1997 С. 7

³²² Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 736.

³²³ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2012 году» С. 307 <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/cef/gosdoklad%20za%202012%20god.pdf>

когорский ГОК (83 тыс. т); «Святогор», г. Красноуральск (70 тыс. т), Троицкая ГРЭС (276 тыс. т), Магнитогорский металлургический комбинат (263 тыс. т), Челябинский металлургический комбинат (94 тыс. т); Южноуральская ГРЭС (63 тыс. т); Уфалейникель» (43 тыс. т)³²⁴. На Урале снизились запасы пресной воды, возник дефицит водных ресурсов. Около 80% рек Урала признаны непригодными для использования в системе водоснабжения³²⁵.

Экологическая обстановка в регионе отрицательно сказывается на здоровье населения, в том числе детей. Уральский регион занимает низкое – восьмое – место из одиннадцати по показателям общественного здоровья³²⁶.

В течение 1990-х – начала 2000-х гг. экологическая ситуация в ряде районов стала меняться. Выбросы вредных веществ в атмосферу существенно уменьшились в связи с сокращением объемов производства и в результате перехода ряда предприятий на выпуск новой продукции на усовершенствованных агрегатах, установки очистительных сооружений, природоохранным мероприятиям. Тем не менее, по данным Государственного доклада РФ о состоянии окружающей среды (2012 г.), уральский экономический регион занимает первое место в России по валовым выбросам в атмосферу вредных веществ, в том числе, окиси углерода, оксида азота, углеводородов, свинца, хлора, формальдегида, ксилола.

Уральский социум. В XVIII в. началось интенсивное промышленное освоение Урала, вызвавшее гигантское по тем временам перемещение людей на восток. За сорок с небольшим лет (1719–1762 гг.) население региона возросло почти на полмиллиона человек и продолжало увеличиваться значительными темпами. В совокупности с начала промышленного освоения до 1914 г. население края увеличилось более чем в 15,4 раза (с 858,5 тыс. чел. до 13274,2 тыс. чел.)³²⁷

Промышленное развитие сформировало специфическую социальную структуру в регионе. Основным занятием населения была ра-

³²⁴ Загрязнение России. Уральский федеральный округ <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200801718>

³²⁵ Экология Урала http://www.dishisvobodno.ru/eco_ural.html

³²⁶ Прохоров Б. Б. Здоровье населения России по регионам. Общественное здоровье http://www.rus-stat.ru/stat/3281999_4.pdf

³²⁷ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 75

бота на горных заводах, рудниках, приисках и промыслах. Значительная часть горнозаводского населения уже в первой половине XIX в. занималась сельским хозяйством лишь для поддержания домашнего хозяйства и обеспечения домашнего скота. Суровость трудовых взаимоотношений скрашивалась системой патернализма, вполне развившейся в первой половине XIX в., и призванной доказать «отеческую» заботу заводладельцев о своих крепостных, обеспечить лояльные отношения между рабочими и заводской администрацией³²⁸.

Из 308 тыс. горнозаводских рабочих в начале XX в. большая часть выполняла вспомогательную, неквалифицированную работу³²⁹. К этому времени около 50% рабочих на заводах были по сути пролетариями, не имевших ни земельных наделов, ни иных средств существования. Наряду с ростом концентрации рабочих на крупных предприятиях, заметно увеличилась организованность и социальная активность рабочих³³⁰.

Гигантский размах советской индустриализации, строительство и пуск новых заводов и рудников потребовали большого притока рабочих и инженерно-технического персонала. Численность рабочих горно-металлургического и топливного комплексов Урала за 1928-1940 гг. увеличилась в 2,4 раза (до 251,7 тыс. чел.)³³¹. За 1950-1985 гг. производственный персонал металлургической промышленности в регионе вырос с 266,2 тыс. до 563,5 тыс. чел.³³² Причем кардинально изменился и профессиональный уровень – в коллективах металлургических заводах больше половины составляли рабочие высших разрядов.

Несмотря на глубокие изменения в мировой экономике, обусловленные новой технологической революцией, жесткую конкурентную борьбу, многочисленные комбинаты и заводы Урала и сегодня оста-

³²⁸ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в. владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 482.

³²⁹ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII-XX вв. избранные труды. Екатеринбург. 2005. С. 157.

³³⁰ Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период доомонополистического капитализма. 1861–1900. М., 1985.

³³¹ Рассчитано по: Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 592.

³³² Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 690, 732.

ются грандиозными предприятиями со сложной многопрофильной и многоотраслевой производственной структурой, многочисленным штатом рабочих и инженерно-технических работников. В металлургии Уральского федерального округа работает свыше 380 тыс. чел., в машиностроении – около 400 тыс. чел., в совокупности – это более половины всех занятых в промышленности округа.³³³

Промышленное освоение края оказывало пагубное влияние на занятое производственным трудом население, прежде всего, мужское. С.В. Голикова всесторонне описывает феномен мужской сверхсмертности на Урале, причиной которой был тяжелый заводской труд, профессиональные заболевания и травматизм³³⁴. За промышленное освоение края в XVIII – XIX вв. население Урала заплатило систематическим вымиранием главной производительной силы – мужчин. Если в 1885 г. по европейским районам России на 100 мужчин приходилось в среднем 102,5 женщин, то в горнозаводском населении этот показатель уже в начале XIX в. составлял 118,2 женщин на 100 мужчин. Ситуация принципиально не изменилась и к нашему времени. По данным последней переписи населения (2002 г.) коэффициент феминизации в Уральском экономическом районе составил 1 153 человек (т. е. на тысячу мужчин приходилось 1 153 женщины)³³⁵.

Если до революции мужскую сверхсмертность на Урале объясняли тем, что тяжело и много работали в основном мужчины, женщины же лишь вели домашнее хозяйство, то в советское время во многих уральских городах женщины не могли найти другой занятости, кроме работы на металлургических производствах, и вынуждены были мириться с тяжёлыми и вредными условиями труда. В 1983 г. среди занятых в чёрной металлургии Урала женщины составляли почти 34%³³⁶.

Интеллектуальная среда. Потребности промышленности региона с самого начала его освоения обусловили спрос на грамотные,

³³³ Металл и цены. №11 (165). 2008. http://metal4u.ru/articles/by_id/200

³³⁴ Голикова С.В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 2005. С.99-111

³³⁵ Лейзерович Е.Е. Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). Сборник докладов XXV сессии МАРС / ред. С.С. Артоболевский, Л.М. Синцеров. М.: ИГ РАН, 2008. с. 173-181. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0413/analit04.php>

квалифицированные кадры, стимулировали развитие технической и научной мысли в дальнейшем. Из открытых в начале XVIII в. на Урале горнозаводских школ со своего основания (1709 г.) и до сих пор действует нижнетагильская – старейшее в России и на Урале среднее специальное учебное заведение, ныне Нижнетагильский горно-металлургический колледж имени Е.А. и М.Е. Черепановых. Школы открывались при многих заводах (к 1740 г. их насчитывалось более 20³³⁷), но главным центром горнозаводского образования на Урале стал Екатеринбург. По требованию В.Н. Татищева, общее образование сочеталась с программой профессионального обучения. «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» (1736 г.) постулировало тесную связь между теоретическими дисциплиной и практикой, устанавливало правила первоначального производственного обучения в заводских школах и получения первых технических навыков под наблюдением мастеров-специалистов³³⁸. Учащиеся, среди которых были дети нижних чинов и работных людей, проходили практику на заводах. Число школ со временем менялось, но сохранялась практика обучения сыновей нижних горных чинов при заводских конторах, цеховое ученичество, обучение у иностранных мастеров, командировки. В 1810 г. на Урале действовало 20 казенных горнозаводских школ, в которых обучалось 980 мальчиков, после окончания обучения определявшихся к заводским работам или службе в конторах³³⁹.

Промышленная революция подталкивала к появлению новых специализированных среднетехнических учебных заведений, среди которых было Уральское Горное училище, открытое в Екатеринбурге в 1853 г. (ныне – горно-металлургический техникум им И.И. Ползунова в Екатеринбурге), Турьинское горное училище, (1884 г., Богословский округ), готовившее горных техников для всего Урала.

³³⁶ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. *Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней*. М., 2008. С. 733.

³³⁷ Сафронова А.М. Советская историография о роли горнозаводских школ Урала в формировании кадров промышленных предприятий // *Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале*. Свердловск. 1986. С. 52.

³³⁸ Сажина Н.С. Появление горнозаводских школ на Урале // *Вторые уральские историко-педагогические чтения*. Екатеринбург, 1998. С. 32.

³³⁹ Черноухов Э.А. Возрождение сети казенных горнозаводских школ на Урале в начале XIX в. // *Вторые уральские историко-педагогические чтения*. Екатеринбург, 1998. С. 37.

Советская индустриализация опиралась на сеть профессионально-технического обучения, включавшую фабрично-заводские училища, профтехшколы, курсы, бригадное и индивидуальное ученичество. Различными формами технического обучения была охвачена большая часть рабочих. Сеть вузов и техникумов значительно расширилась в послевоенный период, а в 1960-80-е гг. образование – прежде всего, техническое становится массовым, доступным, престижным. В 1985 г. в чёрной металлургии Урала среди занятых на рабочих местах было около 18% специалистов с высшим образованием, почти 61% – со средним специальным³⁴⁰.

После распада СССР профессиональное образование на Урале, как и по всей стране, переживало тяжелейшие времена. Сегодня на территории Уральского федерального округа действует 136 государственных учреждений начального и 176 среднего профессионального образования, в которых обучается более 106 тыс. человек. Ежегодная численность выпускников – около 45 тыс. человек, из которых направления на работу в конкретные предприятия и организации получают только 26 тыс. выпускников³⁴¹.

Существенным вкладом в технический прогресс XVIII–XIX вв. является решение разнообразных производственных и технико-технологических задач В.Н. Татишевым, В.И. Генниным, И.И. Ползуновым, Е.А. и М.Е. Черепановыми, А.С. Ярцовым, И.Ф. Германом, А.Ф. Дерябиным, П.П. Аносовым, П.М. Обуховым, В.К. Рашетом, Г.Л. Грасгофом, Н.В. Воронцовым, А.С. Лавровым, Н.В. Калакуцким, Д.К. Черновым, В.Е. Грум-Гржимайло, М.А. Павловым и многими другими. В годы советской индустриализации и последующего промышленного развития на Урале была сформирована сильная отечественная школа по проектированию и строительству предприятий металлургического комплекса. Развитие современной металлургии было существенно продвинуто благодаря достижениям отечествен-

³⁴⁰ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 733.

³⁴¹ На Урале будут совершенствовать систему профтехобразования http://newsprom.ru/Obschestvo/134424015214463/Na_Urale_budut_sovershenstvovat_sistemu_proftehobrazovaniya.html

ных, уральских академических ученых (А.А. Байков, М.М. Карнаухов, П.П. Федотьев, И.П. Бардин, Н.А. Ватолин, Л.И. Леонтьев, В.М. Счастливцев).

В результате сегодня в Уральском федеральном округе сосредоточен значительный научно-технический и инновационный потенциал. Современные мощные технические вузы региона, институты Уральского отделения Российской академии наук – наследники и преемники начинаний XVIII в. – петровской академии наук в Санкт-Петербурге и школ, создававшихся в раннем Екатеринбурге. В настоящее время в Уральском регионе насчитывается 53 инженерно-технических вуза. Крупнейшие из них – Уральский федеральный университет, Уральский государственный горный университет, Южно-Уральский государственный университет, Магнитогорский государственный технический университет, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. В субъектах Российской Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа, в 2009 году насчитывалось 211 организаций, выполняющих научные исследования и разработки. Общая численность занятых в них составляет 42,3 тыс. человек, в том числе почти 3,5 тыс. докторов и кандидатов наук³⁴². Основные направления исследований ученых УрО РАН связаны с теоретической и прикладной математикой и механикой, процессами управления, физикой и химией твердого тела, электро- и теплофизикой, теплоэнергетикой, комплексными проблемами машиностроения, теорией металлургических процессов, высокотемпературной электрохимией, синтетической органической химией, популяционной экологией, иммунологией, генетикой, комплексным изучением растительных, животных, водных и почвенных ресурсов, созданием основ рационального природопользования, геологическим и геофизическим изучением геологической провинции и прилегающих к ней регионов, комплексом наук о человеке и обществе. Формирование этих направлений обусловлено особенностями

³⁴² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 г. N 1757-р г. Москва. Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года // Российская газета <http://www.rg.ru/2011/10/17/ural-site-dok.html>

исторического развития академической науки на Урале и потребностями одного из крупнейших промышленных регионов³⁴³

Региональный менталитет. В современных исследованиях менталитет трактуется как общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, умонастроений, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества³⁴⁴. Региональный менталитет находится в сложной взаимосвязи с социокультурными процессами на локальном уровне. За столетия уральской промышленной истории в крае сложился определенный психотип местного населения. Появление особого типа личности, детерминированного особенностями природно-ландшафтного, историко-социального, производственно-хозяйственного, социокультурного развития конкретной территории, является одним из определяющих условий и результатов формирования региональной культуры³⁴⁵.

Опираясь на концепцию А.В. Захарова, выделяющего три характерных для «социального тела» России хронотопа: мифологическое восприятие пространства, номадическое движение в пространстве-времени и пространство машинной рациональности, Г.М. Казакова интерпретирует их применительно к Уралу. В сакральном восприятии пространства центром его всегда была Гора, начиная от оригинальных песен, возникших на Урале и заканчивая сказами П. Бажова с его знаменитой Хозяйкой Медной горы. Главной ментальной характеристикой региона является опора: с петровских времен Урал воспринимается как «рудник Государства Российского», в советскую эпоху как «опорный край державы»³⁴⁶. Другой символично-пространственной доминантой Урала является теллуричность – устремленность навстречу земным недрам³⁴⁷. Восприятие Урала как фронта между Западом и Востоком, Россией и Дикой степью, предопределило складывание военизированной поселенческой структуры (крепостей, острогов)

³⁴³ Академическая наука Урала. Стратегия и практика исследовательского поиска. Екатеринбург, 2012.

³⁴⁴ Гуревич П.С., Шульман О.И. Ментальность, менталитет // Культурология XX век: Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С.271-273.

³⁴⁵ Казакова Г.М. Культурные универсалии регионального менталитета <http://www.lib.csu.ru/vch/082/48.pdf>

и «оборонность», скрытость, настороженность сознания уральцев. В XX в. эти качества характера были закреплены созданием здесь «атомного щита» страны: большого числа городов – «почтовых ящиков», засекреченных территорий, закрытых для посещения «чужими» (иностранцами) городов³⁴⁸.

Номадическое восприятие пространства базируется на представлении об Урале как «воротях» из Европы в Азию и наоборот. Через южноуральские степи пролегал Великий шелковый путь, с конца XIX в. регион «пронзен» Транссибом, здесь, в сердце Урала находится крупнейшей транспортный узел России – станция Екатеринбург-Сортировочный. Людские потоки, проходившие по Уралу в эпоху колонизации, первых десятилетий промышленного освоения, в XX в. сменяются волнами репрессированных и ссыльнопереселенцев (1930–1950-е гг.), эвакуированных с юга и из центра страны в годы Великой отечественной войны, призванных на ударные стройки пятилеток (1920–1950-е гг.), осваивавших целину (1950-е гг.), беженцев с национальных окраин бывшего СССР (1980–1990-е гг.), потоками трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья (2000-е гг.).

Хронотоп «машинной рациональности», характеризуемый научной картиной мира, акцентом на ценностях Просвещения, формируется на Урале с начала петровской модернизации и расцветает в модернизацию советскую. Урал становится краем тяжмаша (министерства тяжелого машиностроения) и средмаша, «оборонок» и «атомным щитом». Носителями ценностей прогресса науки и техники становятся техническая интеллигенция и высококвалифицированные рабочие. Доминирует «станочно-заводская» ментальность уральского населения, «машинообразность» его мышления: Урал воспринимался как «педаль» – интенсификатор, от которого зависело движение всей машины и ее центрального мотора³⁴⁹.

Противоречиво отношение уральцев к власти. Одной крайностью является восхищение и почитание правителей (радушная встреча им-

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Созина Е.К. Об «Истории литературы Урала»: предисловие к проекту // Литература Урала. История и современность. Екатеринбург, 2006. С. 13

³⁴⁸ Казакова Г. М. Культурные универсалии регионального менталитета <http://www.lib.csu.ru/vch/082/48.pdf>

ператора Александра I, когда восторг жителей при его посещении Златоустовского и Миасского заводов, «превосходил всякое описание»; «ельциновская» эпоха новейшей истории, когда уральцы демонстрировали энергичную, всестороннюю поддержку выдвинувшемуся из их среды руководителю государства, ослепленно гордились «своим Ельциным»). Другим экстремумом являются трагичные примеры непримиримого противостояния властям: размах пугачевщины на Урале, постоянные башкирские восстания, драматическое противостояние в событиях октябрьской революции и гражданской войны, расстрел последнего русского императора Николая II в Екатеринбурге.

Специфическая производственная деятельность и длительная консервация жизненных стандартов у жителей Урала сформировали их определенную когнитивную и мотивационную ригидность, угрюмость, сочетающуюся порой с характерной внешностью. В.И. Немирович-Данченко, побывавший на Урале в 1875 г. отмечал: «Железо дает...целые поколения сумрачных и строгих людей...на железном деле люди ...своим внутренним организмом складываются в твердые, стойкие формы, как будто чугун и железо передают им свои основные качества»³⁵⁰. Близка к такому восприятию уральцев и оценка А.П. Чехова. «Здесь люди внушают проезжему нечто вроде ужаса», – писал он родным из Екатеринбурга в апреле 1890 г., – «Скуластые, лобастые, с громадными кулачищами. Родятся на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствуют не акушеры, а механики. Входит в номер с графином и того и гляди убьет. Я сторонюсь»³⁵¹. Среди относительно устойчивых черт уральского характера можно назвать: невозмутимое спокойствие и долготерпение в отношении тягот жизни; сдержанность, доходящую до суровости; выносливость; консервативность взглядов; сметливость, ориентированную не только на работу, но и на собственную выгоду; материальность и в чем-то приземленность кругозора; способность к самостоятельным решениям; свободолюбие; решительность действий, граничащую порой с

³⁴⁹ Там же

³⁵⁰ Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1904. С. 349-350.

³⁵¹ Чехов А.П. А.П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. Письма. Том четвертый. Январь 1890 - февраль 1892. М., 1976. http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_04_1890_letters.shtml

агрессивностью; готовность к трудовому подвигу; патриотизм¹⁵².

Искусство горнозаводского Урала. Производственная деятельность жителей Урала отражалась в их повседневности и художественном творчестве. Промышленность создала необходимые условия и стала основой расцвета на Урале художественной культуры, в том числе, декоративно-прикладного искусства¹⁵³. Металлургическое и горнорудное производства породили такие специфические явления уральского декоративного искусства как нижнетагильский подносный промысел, каслинское и кусинское чугунное литье, златоустовская гравюра на стали, гранильное и камнерезное искусство. Традиции художественных промыслов Среднего Урала развиваются уже более 300 лет и представляют собой яркую и самобытную часть общенациональной культуры русского народа, являются компонентом индустриальной субцивилизации, сформировавшейся на Урале. Искусство промышленного Урала развивалось в тесном контакте с западноевропейскими художественными стилями и образцами¹⁵⁴.

Такие художественные промыслы, как златоустовская гравюра на стали, каслинское и кусинское чугунное литье зародились в первой половине XIX в. как «производное» от военных нужд – искусства украшения оружия, производства снарядов. Высокое мастерство художников и рабочих литейщиков, удачный подбор моделей и образцов, апелляция к европейскому технологическому и художественному опыту – все эти факторы в совокупности обеспечили славу каслинскому литью, знаменитого высоким качеством отливок. В конце XIX – начале XX в. на Каслинском чугунолитейном и железодельном заводе художественным литьем занималось около 300 мастеровых. Каталог 1900 г. насчитывал более 1 000 образцов литья: скульптуры малых форм, предметов декоративно-прикладного и архитектурно-декоративного искусства. Участие Каслинского завода в рос-

¹⁵² Казакова Г. М. Культурные универсалии регионального менталитета <http://www.lib.csu.ru/vch/082/48.pdf>

¹⁵³ Павловский Б. В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975. С. 9

¹⁵⁴ Куликовских С. Н. Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815–1860 гг.). Челябинск, 2006. Alekseeva E. La fonte d'art ouralienn: diffusion de technologies et de styles européens et développement de traditions locales // Les arts du feu en Champagne-Ardenne et ailleurs. Actes du colloque international de l'APIC. Reims, decembre 2004. Epernay CRDP, 2008. P. 125-132.

сийских и международных выставках отмечено множеством золотых, серебряных и бронзовых медалей и дипломов. Триумфом каслинского литья стала презентация чугунного павильона на Всемирной художественно-промышленной выставке 1900 г. в Париже, где продукции заводов Кыштымского горного округа была присуждена высшая выставочная награда I класса – «Гран-при» и Большая золотая медаль³⁵⁵. Социалистическое строительство 1930-х г. придало новый импульс производству художественного и архитектурного литья: чугунных решеток, садовых скамеек, ваз и прочих изделий для оформления московского метрополитена, набережных Москва – реки, мостов и т.п. Каслинский завод сыграл большую роль в реализации советского плана монументальной пропаганды и распространения монументальной скульптуры на Урале.

Камнерезное искусство Урала особенно ярко предстает в произведениях А.К. Денисова-Уральского – сына потомственного уральского камнереза, мастера «рельефного дела», конкурента Фаберже, поставщика Императорского двора, замечательного живописца, ювелира, державшего в Санкт-Петербурге ювелирный магазин «Уральские камни», уникально одаренного резчика по камню, владельца нескольких месторождений цветных и драгоценных камней, талантливого предпринимателя, поставщика Cartier³⁵⁶.

Современное консьюмеристское общество, для которого характерно снижение культурного уровня, интернеционализация и упрощение художественных вкусов отодвинуло трудоемкое классическое искусство индустриального Урала на периферию потребительского спроса. Приостановить стремительно набирающий темпы процесс отторжения индустриальной культуры, забвения ее достижений и наследия пытаются молодые представители современного искусства. Они привлекают внимание горожан к индустриальному прошлому, предлагают по-новому взглянуть на будничные мир тяжелой работы на промышленных предприятиях. Уральский филиал Государственно-го Центра Современного Искусства инициировал программу “Ураль-

³⁵⁵ Губкин О. П. Каслинский Феликс / О. П. Губкин. - Екатеринбург: Сократ, 2004

³⁵⁶ « Более, чем художник. К 150-летию со дня рождения Алексея Козьмича Денисова-Уральского. Альбом-каталог выставки. Екатеринбург, 2014.

ские заводы: индустрия смыслов”, в рамках которой прошел фестиваль “Арт-Завод 2009” и две индустриальные биеннале современного искусства (2010, 2012 гг.). Художественное осмысление индустриальной реальности, взаимодействие искусства и промышленности являются основными задачами их организаторов и участников. Уральская биеннале представляет индустриальность не только как наследие, но и как актуальную практику, в которую вовлечены множество людей и пространств, во многом невидимых для современной консьюмеристской культуры³⁵⁷

Ярким порождением специфичной уральской жизни стала художественная литература края. Она наиболее полно представлена произведениями П. Бажова, Д. Мамина-Сибиряка, в которых отражается повседневная жизнь уральских мастеровых и рабочих людей, заводчиков. В своей первой художественной книге-цикле очерков «Уральские были» (1924) П. Бажов изобразил жизнь и быт сысертских заводов в 1880-90-е гг. В основе знаменитых бажовских сказов – старинные устные предания уральских горнорабочих. Произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка – «Приваловские миллионы» (1883), «Золото» (1892), «Три конца» (1890), «Охонины брови» (1892) рисуют горнозаводский Урал, «магнатов» уральских горных заводов, сложные процессы на Урале после крестьянской реформы 1861 г., золотодобычу, восстание уральского заводского населения в эпоху Пугачева.

Таким образом, Урал – яркий, оригинальный, многообразный край России, горнило ее индустрии. Оружие, изготовленное из уральского металла, сыграло важную роль в войнах, которые пришлось вести государству в XVIII–XX вв. Каждая эпоха оставила свои типичные памятники индустриальной цивилизации. Наиболее колоритным для Урала XVIII–XIX вв. является Невьянский металлургический завод, возникший в 1701 г. Первую половину XX в. олицетворяют Уралмаш и Магнитогорский металлургический комбинат, ставшие символами советской индустриализации. Вторая половина двадцатого столетия

³⁵⁷ <http://www.uralbiennale.ru/>

представлена беспрецедентными по масштабам, сложности и секретности предприятиями атомной промышленности (Свердловск-44, Челябинск-65 и др.). Главный императив промышленного освоения Урала – производство металла для военных и мирных нужд породил целый комплекс экономических, социальных, институциональных, культурных феноменов. Вместе они составляют разнообразное наследие индустриальной цивилизации на Урале. Некоторые компоненты этих явлений исчезли, другие являют реальность сегодняшней жизни, а небольшая часть – как посредник между миром отжившего прошлого и наших дней – сохраняются в виде памятников индустриальной культуры.

Научное издание

Рекомендовано к изданию Ученым Советом
Института истории и археологии УрО РАН

**УРАЛ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ**

Верстка и подготовка к печати – С.В. Шангина

ООО «Издательство «АсПУр»
620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
Тел.: (343)371-12-06
E-mail: aspurizdat@mail.ru
ЛР № 369 от 15.12.2008 г.

Подписано в печать 11.12.2014. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага ВХИ-80.
Печ. л. 21,2. Тираж 150 экз. Заказ № 5722.

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750, г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22